

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

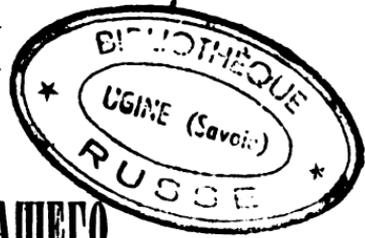
П Р И

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

040

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

Часть четвертая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1844.

88686
JP
ч. 4

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Іюля 24-го дня, 1844 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Виванской Семинаріи Ректоръ

Архимандритъ Филоевъ.

С Л О В О 41,

НА СВЯТУЮ ПЯТЬДЕСЯТНИЦУ.

Кратко полюбомудрствуемъ о праздникѣ, чтобы намъ праздновать духовно. У всякаго свой способъ торжествовать; а у служителя Слова состоитъ онъ въ словѣ, въ такомъ словѣ, которое всего приличнѣе времени. И не увеселяетъ такъ ни одна красота любителя красотъ, какъ любителя праздниковъ духовное празднованіе. Но разсудимъ о семъ такъ. Празднуетъ и Іудей, но по буквѣ: ибо онъ, *гоня законъ тѣлесный, въ законъ духовный не постиже* (Рим. 9, 31.). Празднуетъ и Еллинъ; но тѣлесно, сообразно съ своими богами и демонами, изъ которыхъ одни, по собственному признанію язычниковъ, виновники страстей, а другіе почтены богами за страсти; почему и празднованіе у нихъ состоитъ въ удовлетвореніи страстей, и грѣшить значитъ чтить бога, къ которому подѣ защиту прибѣгаетъ страсть, какъ достохвальное дѣло. Празднуемъ и мы, но празднуемъ, какъ угодно Духу: а Ему угодно, чтобы мы или говорили, или дѣлали что-либо подобающее. И праздновать значить у насъ пріобрѣтать для души блага постоянныя и

вѣчно обладаемая, а не преходящая и скоро гибнущая, которая, по моему разсужденію, мало услаждаютъ чувство, а болѣе растлѣваютъ его и вредятъ ему. *Довольтеъ тѣлу злоба его.* Нужно ли въ пламень подкладывать болѣе сгораемаго вещества, или звѣрю давать обильнѣйшую пищу, чтобы онъ сдѣлался неукротимѣе и взялъ силу надъ разумомъ?

Итакъ праздновать должно духовно. А началомъ слова (ибо надобно сказать и то, что составляетъ предметъ изслѣдованія любослововъ, чтобы симъ присоединить къ торжеству какъ-бы нѣкоторое услажденіе, хотя слово наше и уклонится чрезъ то нѣсколько отъ предмета)—началомъ слова будетъ сіе.

Евреи, на основаніи законоположенія Моисеева, чтутъ седмичное число, какъ въ послѣдствіи Писагорейцы стали чтить число четверичное, которымъ они даже клянутся, а Симоніане и Маркіониты числа осмеричное и тридесатеричное, которымъ равночисленными именуютъ и чтутъ какихъ то эоновъ. Хотя не знаю, по какимъ законамъ соотношенія или по какой силѣ седмичнаго числа, однакоже Евреи чтутъ оное; и извѣстно то, что Богъ въ шесть дней сотворилъ вещество, образовалъ и украсилъ его всякими видами и сочетаніями, и совершилъ сей видимый нынѣ міръ, а въ седмый день почилъ отъ дѣлъ, что показываетъ и наименованіе субботы, означающее по-Еврейски покой. Но ежели есть сему и высшее какое основаніе; то пусть любомудрствуютъ о томъ другіе. Почитаніе же седмичнаго числа простиралось у нихъ не на дни только, но и на годы. Въ разсужденіи дней доказываетъ сіе суббота, постоянно у нихъ чтимая, рав-

но какъ и седмидневное неупотребленіе кваснаго, а въ-разсужденіи лѣтъ—седмый годъ *оставленія* (Лев. 25, 10.). Даже чествованіе простиралось не на седмицы только, но и на седмицы седмицъ, и какъ въ дняхъ, такъ и въ годахъ. Седмицы дней производятъ пятьдесятницу, — день у нихъ *нароचितъ святъ* (Лев. 23, 21.); седмицы же лѣтъ—такъ называемый ими юбилей, въ который бывало и оставленіе земли и освобожденіе рабовъ и возвращеніе купленныхъ владѣній прежнимъ владѣльцамъ. Ибо народъ сей посвящаетъ Богу пачатки не только плодовъ и первородныхъ, но также дней и лѣтъ. Такъ чествованіе седмичнаго числа привело къ чествованію пятьдесятницы. Ибо число семь, помноженное само на себя, даетъ пятьдесятъ, при чемъ не достаетъ одного дня, но оный занятъ нами отъ будущаго вѣка и есть осьмый, вмѣстѣ же и первый, или, лучше сказать, единый и нескончаемый. Ибо тамъ должно окончиться здѣшнее субботствованіе душъ, чтобы дана была часть *седмимъ и осмимъ* (Екклез. 11, 2.), какъ нѣкоторые прежде насъ понимали сіе Соломоново изреченіе.

Хотя о чествованіи седмичнаго числа много есть свидѣтельствъ; но для насъ изъ многихъ достаточно будетъ и немногихъ. Такъ наименовано семь досточтимыхъ духовъ (Ис. 11, 2. 3.), и духами, какъ думаю, угодно было Исаии назвать дѣйствія Духа. *Словеса Господня*, по слову Давида, *очищены седмерицею* (Пс. 11, 7.). *Праведникъ, шестижды отъ бѣдъ* изытый, *въ седмимъ* не бываетъ уже поражаемъ (Іов. 5, 19.). Грѣшникъ получаетъ прощеніе не только *седьмь* *кратъ*, но *седм-*

десять кратъ седмицею (Матѣ. 18, 22.). Опять и наоборотъ, (такъ какъ и наказаніе за грѣхъ похвально) Каинъ седмицею терпитъ отмщеніе, то есть несетъ наказаніе за братоубійство; Ламехъ же *седмдесятъ седмицею* (Быт. 4, 24.), потому что сталъ убійцею послѣ закона и осужденія. Лукавыя *состѣди* семикратное воздаяніе приѣмлютъ *въ нѣдро свое* (Пс. 78, 12.). *Домъ Премудрости утверждень на семи столпахъ* (Притч. 9, 1.); такимъ же числомъ очей украшенъ камень Зоровавелевъ (Зах. 3, 9.). *Седмицею днемъ* воздается хвала Богу (Пс. 118, 164.). Даже *неплоды* раждаетъ *седь*, число совершенное, и тѣмъ противопоставляется неизмѣющей полного числа чадъ (1 Цар. 2, 5.).

Если же должно принять во вниманіе и ветхозавѣтныя сказанія; то примѣчаю, что *седмый* изъ прародителей Енохъ почтенъ *предложеніемъ* (Быт. 5, 25.). Примѣчаю также, что двадцать-первый Авраамъ прославленъ Патріаршествомъ, — по присовокупленію большаго таинства; потому что число сіе составляетъ трекратно взятая седмица. А иный отважный на все осмѣлился бы дойти и до Новаго Адама, Бога моего и Господа Іисуса Христа, Который, по нисходящему родословію у Луки, считается *седмдесятъ-седмымъ* отъ ветхаго и подъ грѣхомъ бывшаго Адама. Примѣчаю еще *седь* трубъ Іисуса Навина, такое же число обхожденій, дней и іереевъ, отъ которыхъ падаютъ стѣны Іерихонскія (Ис. Нав. 6.). Примѣчаю какъ семикратное обращеніе (3 Цар. 18, 43. 44.), подобное и троекратному таинственному дуновенію Пророка Іліи, вдыхающему жизнь въ сына Сарептской вдовицы

(3 Цар. 17, 21.), и равночисленному возліанію на дрова, когда онъ ниспосланнымъ отъ Бога огнемъ потребилъ жертву, и осудилъ студныхъ пророковъ, которые не могли произвестъ того же своими призываніями, такъ и седмикратное, по повелѣнію его, наблюденіе отрокомъ облака. Примѣчаю толикократное же преклоненіе Елиссея надъ сыномъ Суманитяныни, которымъ обновляется въ немъ дыханіе (4 Цар. 4, 35.).

На основаніи, какъ думаю, того же постановленія, не говоря уже о свѣтильникѣ храма, имѣющемъ семь вѣтвей и семь свѣщниковъ (Исх. 25, 31. 37.), въ семь дней совершается іерей (Исх. 29, 35.), въ семь дней очищается прокаженный (Лев. 13, 50.) и во столько же дней обновляется храмъ (2 Парал. 7, 8.). И въ седмидесятое лѣто народъ возвращень изъ плѣна, дабы и въ десяткахъ было тоже, что бываетъ въ единицахъ, и числомъ совершеннѣйшимъ почтено стало таинство седмичнаго числа. Но что говоритъ мнѣ объ отдаленномъ? Самъ Іисусъ—чистое совершенство, умѣлъ напитать въ пустынѣ и пятью хлѣбами пять тысячъ человекъ и опять семью хлѣбами четыре тысячи, и остатковъ по насыщеніи было въ первомъ случаѣ дванадцать кошъ (Матѹ. 14, 20.), а во второмъ *семь кошницъ* (Матѹ. 15, 37.); а то и другое, какъ думаю, совершенно не безъ причины и не недостойно Духа. И самъ ты, читая Писаніе, замѣтишь многія числа, въ которыхъ кромѣ видимаго скрывается и болѣе глубокое значеніе.

Для настоящаго же времени всего полезнѣе сказать, что можетъ-быть по симъ самымъ, или по

весьма близкимъ къ нимъ, или и по другимъ высшимъ причинамъ, Евреи чтутъ пятьдесятый день, а также чтимъ и мы, подобно какъ чтимъ и иное что-нибудь Еврейское, у Евреевъ совершаемое образно, а у насъ возобновленное таинственно. Предварительно сказавъ сіе въ-разсужденіи настоящаго дня, приступимъ къ продолженію слова.

Мы празднуемъ Пятьдесятницу, пришествіе Духа, окончательное совершеніе обѣтованія, исполненіе надежды, таинство, и притомъ сколь великое и досточтимое! Оканчиваются дѣла Христовы тѣлесныя, или, лучше сказать, дѣла относившіяся къ тѣлесному пребыванію Его на землѣ (помедлю говорить, что оканчиваются дѣла, относящіяся къ тѣлу, пока не убѣдитъ меня какое-либо слово, что лучше совлечься тѣла); а начинаются дѣла Духа. Чтò же относилось ко Христу? Дѣва, роженіе, ясли, повитіе пеленами, прославляющіе Ангелы, приходящіе настыри, теченіе звѣзды, поклоненіе и дары волхвовъ, дѣтоубійство Иродово, Иисусъ убѣгающій во Египеть, возвращающійся изъ Египта, обрѣзанный, крещаемый, свидѣтельствуемый свыше, искушаемый, побиваемый камнями для насъ (Іоан. 10, 32.), которымъ нужно было дать образецъ злостраданія за слово, предаваемый, пригвождаемый, погребаемый, воскресающій, возносящійся. Многое изъ сего приметь Христось и нынѣ, а именно, безчестное отъ христоненавистниковъ, чтò и переносить, потому что долготерпѣливъ, а досточестное отъ христолюбцевъ. И Онъ медлитъ, какъ первымъ явить Свой гнѣвъ, такъ намъ показать Свою благодь, — и имъ даетъ, можетъ-быть, тѣмъ время на покаяніе, а насъ

испытываетъ въ любви, не ослабѣемъ ли въ скорбяхъ и подвигахъ за благочестіе. Таковъ издревле законъ Божія домостроительства и неизслѣдимыхъ Божіихъ судьбъ, по которымъ премудро управляются дѣла наши. Таковы дѣла Христовы, послѣдующія же славнѣйшія еще узримъ. О если бы и сами мы были узрѣны Христомъ!

А чтобы говорить о дѣлахъ Духа, да придетъ на меня Духъ, и да дастъ слово, сколько сего желаю, а если и не въ такой мѣрѣ, сколько соразмѣрно времени, — придетъ же безъ сомнѣнія владычественно, а не рабски, и не повелѣнія ожидая, какъ думаютъ нѣкоторые. Ибо Онъ дышетъ, гдѣ хочетъ, на кого, когда и сколько Ему угодно. Такъ мыслить и говорить внушаетъ намъ Духъ.

Кто Святаго Духа низводитъ въ рядъ тварей, тотъ ругатель, злой рабъ, и злѣйшій изъ злыхъ. Ибо злымъ рабамъ свойственно отвергать владычество, возставать противъ господства и свободное дѣлать подобнымъ себѣ рабомъ. Кто признаетъ Его Богомъ, тотъ божественъ и свѣтель умомъ. А кто даже и именуетъ Богомъ, тотъ, если дѣлаетъ сіе предъ людьми благоразумными, высокъ; а если предъ низкими, неосмотрителенъ; потому-что бисеръ довѣряетъ грязи, громовый звукъ — слабому слуху, солнечный лучъ — больнымъ глазамъ, твердую пищу — вкушающимъ одно молоко. Постепенно надлежитъ вести ихъ впередъ, и приближать къ высшему, чтобы свѣту даруемъ былъ свѣтъ, и истина награждалась истиною. Посему и мы, оставивъ совершеннѣйшее слово, для котораго не пришло еще время, побесѣдуемъ съ ними такъ.

Если вы не исповѣдуете Святаго Духа ни несозданнымъ, ни неподлежащимъ времени; то (дозвольте ревности выразиться нѣсколько и смѣло) въ васъ явно дѣйствуетъ противный духъ. Если же вы до такой степени здравы, что избѣгаете явнаго нечестія, и внѣ рабства ставите Того, Кто и насъ дѣлаетъ свободными, то со Святымъ Духомъ и вмѣстѣ со мною разсмотрите сами и послѣдующее: ибо я увѣренъ, что вы уже въ нѣкоторой мѣрѣ причастники Духа, и буду разсуждать съ вами, какъ съ своими. Или укажите мнѣ среднее нѣчто между рабствомъ и владычествомъ, гдѣ могъ бы я дать мѣсто достоинству Духа, или, избѣгая рабства, не оставляйте неизвѣстнымъ, куда причисляете Того, о Комъ вопросъ.

Но васъ затрудняютъ слогы, останавливаетъ одно реченіе, и оно дѣлается для васъ камнемъ претканиа и камнемъ соблазна, чѣмъ для нѣкоторыхъ былъ и Христосъ. Это — человѣческая немощь. Сойдемся между собою духовно, будемъ лучше братолюбивыми, нежели самолюбивыми. Признайте силу Божества, и мы сдѣлаемъ вамъ снисхожденіе въ реченіи. Исповѣдуйте естество подъ другими наименованіями, какія наиболѣе уважаете, и мы уврачуемъ васъ какъ немощныхъ, даже скрывъ иное къ вашему удовольствію. Ибо стыдно, подлинно стыдно и довольно безразсудно быть здоровыми по душѣ и ставить въ великое звуки, утаевать сокровище, какъ-бы завидуя другимъ, или опасаясь, чтобы не освятить и языка. Но еще стыднѣе намъ подвергаться тому же, въ чемъ другихъ обвиняемъ, и осуждая споры о звукахъ, самимъ стоять за букву. Исповѣ-

дуйте въ Троицѣ единое Божество, или, если угодно, единое естество; и я испрошу вамъ у Духа слово: Богъ. Ибо очень знаю, что Давшій первое даетъ и второе, и тѣмъ паче, если причиною спора какая-то духовная робость, а не дѣвольское упорство. Скажу еще яснѣе и короче: ни вы не обвиняйте насъ за реченіе болѣе возвышенное (ибо не должно завидовать возвышенію), ни мы не будемъ васъ осуждать за то реченіе, которое вамъ до-времени по силамъ, пока не достигнете, хотя другимъ путемъ, того же съ нами пристанища. Мы домогаемся не побѣды, а возвращенія братьевъ, разлука съ которыми терзаетъ насъ.

Сіе говоримъ вамъ, въ которыхъ находимъ нѣсколько жизни, которые здраво разсуждаете о Сынѣ. Удивляясь вашей жизни, не вполне одобряемъ ученіе. Имѣя дары Духа, примите и Духа, чтобы не только подвизаться, но и подвизаться *законно* (2 Тим. 2, 5.). Отъ Него, въ награду за жизнь, да будетъ вамъ дарованъ и сей вѣнецъ — исповѣдывать Духа совершенно, и съ нами, и прежде насъ, проповѣдывать Его достойно. Дерзаю за васъ и на нѣчто большее, — именно дерзаю сказать съ Апостоломъ: столько люблю васъ, столько уважаю сію благочинную вашу одежду, и сей цвѣтъ воздержанія, и священные сонмы, и честное дѣвство, и чистоту, и всенощное псалмопѣніе, и нищелюбіе, и братолюбіе, и страннолюбіе, что готовъ *отлученъ быти отъ Христа* (Рим. 9, 3.) и пострадать, какъ осужденный, только бы вы стояли съ нами, и вмѣстѣ прославляли мы Троицу. Ибо нужно ли говорить о другихъ, явно умершихъ, которыхъ воскресить

развѣ одинъ Христосъ, Своею силою животворящій мертвыхъ? Они злонамѣренно отдѣляются другъ отъ друга мѣстомъ, будучи связаны ученіемъ, и столько же несогласны между собою, сколько и косые глаза, устремленные на одинъ предметъ, и не въ зрѣніи, но въ положеніи имѣющіе разность, если ихъ должно винить за сей одинъ недостатокъ, а не вмѣстѣ и за слѣпоту. Поелику же я достаточно изложилъ, чтó относится къ вамъ; то возвращусь опять къ Духу. Думаю же, что и вы уже послѣдуете за мною.

Духъ Святой всегда былъ, и есть, и будетъ; Онъ не началъ и не прекратитъ бытія, но всегда со Отцемъ и Сыномъ вчиняется и счисляется. Ибо неприлично было или Отцу когда-либо быть безъ Сына, или Сыну безъ Духа: крайне было-бы безславно для Божества, какъ-бы въ слѣдствіе измѣненія совѣтовъ Своихъ придти въ полноту совершенства. Итакъ Духъ всегда былъ пріемлемымъ, а не пріемлющимъ; совершающимъ, а не совершаемымъ; наполняющимъ а не наполняемымъ; освящающимъ, а не освящаемымъ; приводящимъ къ обоженію, а не вводимымъ въ обоженіе. Онъ всегда одинъ и тотъ же Самъ для Себя и для Тѣхъ, съ Которыми счिनяется; невидимъ, не подлежитъ времени, невѣстимъ, неизмѣняемъ, не имѣетъ ни качества, ни количества, ни вида, неосязаемъ, самодвиженъ, приснодвижимъ, свободенъ, самовластенъ, всесиленъ (хотя, какъ все принадлежащее Единородному, такъ и все принадлежащее Духу, возводится къ первой Винѣ); Онъ — жизнь и животворящій; Онъ — свѣтъ и свѣта Податель; Онъ — источная благодсть и источникъ благодсти; Онъ —

Духъ правый владычній (Пс. 50, 12. 14), *Господь* (2 Кор. 3, 17.), посылающій (Дѣян. 13, 4.), отдѣляющій (Дѣян. 13, 2.), созидающій Себѣ храмъ (Кол. 2, 22.), наставляющій (Іоан. 16, 13.), дѣйствующій, *якоже хочетъ* (1 Кор. 12, 11.), раздѣляющій дарованія, *Духъ сыноположенія* (Рим. 8, 15.), *истины* (Іоан. 14, 17.), *премудрости, разума, вѣдѣнія, благочестія, совѣта, крѣпости, страха*, по исчисленному (Ис. 11, 3. 4.). Чрезъ Него познается Отецъ и прославляется Сынъ (Іоан. 16, 11.), и Самъ Онъ Ими одними знаемъ, единое счяненіе, служеніе и поклоненіе, единая сила, единое совершенство и освященіе. Но къ чему распространяться? Все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ и Сыну, кромѣ нерожденности; все, что имѣетъ Сынъ, принадлежитъ Духу, кромѣ рожденія. *А нерожденность и рожденіе не сущности различають, по моему мнѣнію, но различаються въ одной и той-же сущности.*

Ты мучишься нетерпѣніемъ возражать мнѣ; а я спѣшу продолжить слово. Почти день Духа, удержи не надолго языкъ свой, если можешь: теперь слово объ иныхъ языкахъ; устыдись, или убойся сихъ языковъ, являющихся въ огненномъ видѣ. Нынѣ будемъ учить, а завтра разсуждать о словахъ; нынѣ будемъ праздновать, а завтра отложимъ приличіе. Одно таинственно, другое свойственно зрѣлищамъ; одно прилично церквамъ, а другое — торжищамъ; одно прилично трезвымъ, а другое — упившимся; одно прилично разсуждающимъ о Духѣ съ благоговѣніемъ, а другое — посмѣвающимся надъ Духомъ. Отринувъ же чуждое, устроимъ свое.

Духъ Святой дѣйствовалъ во-первыхъ въ Ангельскихъ и небесныхъ силахъ, — въ тѣхъ, которыя первыя по Богѣ и окрестъ Бога: ибо ихъ совершенство и озареніе, и неудоbodвижимость или неподвижность ко злу, не отъ инаго кого, какъ отъ Святаго Духа; а потомъ дѣйствовалъ въ Отцахъ и въ Пророкахъ, изъ которыхъ одни въ образахъ видѣли или познали Бога, другіе же и предугадали будущее, поколику Духъ напечатлѣвалъ сіе въ умѣ ихъ, и имѣющее быть видѣли они предъ собою, какъ настоящее; ибо такова сила Духа; послѣ же сего дѣйствовалъ въ ученикахъ Христовыхъ (не скажу во Христѣ, въ Которомъ Онъ пребывалъ не какъ дѣйствующій, но какъ сопутствующій равночестному), и въ нихъ троекратно, по мѣрѣ ихъ удобоприемлемости, и въ три различныя времена — до прославленія Христова страданіемъ, по прославленіи воскресеніемъ, и по вознесеніи на небо, или по *устроеніи* (Дѣян. 3, 21.), или какъ иначе должно назвать сіе; какъ показываетъ первое очищеніе отъ болѣзней и духовъ, производившееся конечно не безъ Духа, также по совершеніи домостроительства дуновение Христово, которое очевидно было Божественнымъ вдохновеніемъ, и наконецъ нынѣшнее раздѣленіе огненныхъ языковъ, которое и празднуемъ. Но первое было не ясно, второе явственнѣе, а нынѣшнее совершеннѣе: ибо не дѣйствіемъ уже, какъ прежде, но существенно присутствуетъ, и какъ сказалъ бы инъ, сопрѣбываетъ и сожителъствуетъ Духъ. Ибо, какъ Сынъ бесѣдовалъ съ нами тѣлесно, такъ и Духу приличествовало явиться тѣлеснымъ образомъ; и когда Христосъ восшелъ во

славу Свою, тогда Ему надлежало низойдти къ намъ; надлежало придти, потому что Онъ Господь, и быть посланнымъ, потому что Онъ не противникъ Богу. Ибо таковыя реченія болѣе показываютъ единомыслие, чѣмъ раздѣленіе естества.

Для того приходитъ Духъ послѣ Христа, чтобы не остаться намъ безъ Утѣшителя; и для того именуется *инымъ*, чтобы дать тебѣ понятіе о равночестіи: ибо слово: *иный*, поставлено вмѣсто: *другой*; это же именованіе означаетъ едино — владычество, а не униженіе, Ибо слово: *иный*, сколько извѣстно мнѣ, употребляется не объ инородныхъ, но объ единосущныхъ. Является же въ видѣ языковъ, по средству съ Словомъ; и въ видѣ огненныхъ языковъ (почему думаешь?) или по причинѣ очищенія (ибо по Писанію извѣстенъ и огонь очистительный, чтѣ желающіе вездѣ могутъ увидѣть), или по существу своему: ибо *Богъ нашъ огонь* и *огнь подалъ* (Евр. 12, 29.) нечестіе. Но ты опять негодуешь недовольный словомъ: *единосущенъ!* Является въ видѣ раздѣленныхъ языковъ, по причинѣ разныхъ дарованій; въ видѣ языковъ *стѣдшихъ*, въ означеніе Царскаго достоинства и почиванія во Святыхъ; ибо и Херувимы суть Божій престолъ. Является въ горницѣ (если только не почтутъ меня пытливымъ чрезъ мѣру) въ означеніе восхожденія и возношенія отъ земли тѣхъ, которые примутъ Духа; ибо и *водами* Божіими *покрываются* какія-то *превыспренняя* (горницы), которыми пѣснословится Богъ (Пс. 103, 3.). И Самъ Исусъ посвящаемыхъ въ высшее служеніе приобщаетъ таинству въ горницѣ, показывая тѣмъ, что нужно и Богу

снисходить къ намъ, (какъ, сколько извѣстно, и снисходилъ къ Моисею), и намъ восходить къ Нему, и что такимъ образомъ, при сраствореніи достоинства, должно происходить общеніе Бога съ человѣками. Доколѣ же пребываютъ они въ собственномъ достоинствѣ,—Богъ въ достоинствѣ высоты, а человѣкъ—низости, дотолѣ благость несоединима, человѣколюбіе несообщимо, и посреди великая и непроходимая пропасть, которая отдѣляетъ не богатаго только отъ Лазаря и отъ вождѣльныхъ нѣдръ Авраамовыхъ, но сотворенное и преходящее естество отъ несотвореннаго и постояннаго.

Духъ Святой проповѣданъ былъ Пророками, на примѣръ въ слѣдующихъ мѣстахъ: *Духъ Господень на мнѣ* (Ис. 61, 1.); и почиютъ на немъ *семь духовъ* (Ис. 11, 1.); и *снуде Духъ отъ Господа и настави ихъ* (Ис. 63, 14.). *Духъ вѣднїя наполни* Веселеила, строителя Скиніи (Исх. 31, 3.). Духъ бываетъ разгнѣванъ (Ис. 63, 10.); *Духъ взя* Илію на колесницѣ, и сугубый испрошенъ Елисеемъ (4 Цар. 2, 9. 15.); *Духъ благій и владычній наставляетъ и утверждаетъ Давида* (Пс. 142, 10. 50, 14.). Святой Духъ обѣтованъ сперва Іоилемъ, который говоритъ: *и будетъ въ послѣдніа дни, излію отъ Духа Моего на всяку плоть, то-есть вѣрующую, на сыновъ вашихъ и на дочерей вашихъ*, и такъ далѣе (Іоил. 2, 28. Дѣян. 2, 17.), а въ послѣдствїи—Иисусомъ, Который Самъ прославляетъ Духа, и прославляется Духомъ, такъ же какъ прославляетъ Отца и прославляется Отцемъ. И какое щедрое обѣтованіе! Духъ вѣчно сопребываетъ, и нынѣ съ достойными во временной жизни, и послѣ съ удостоивши-

мися тамошнихъ благъ , если всецѣло сохранимъ Его доброю жизнiю, а не будемъ удалять отъ себя въ такой же мѣрѣ, въ какой грѣшимъ.

Сей Духъ созидаетъ съ Сыномъ въ творенiи и воскресенiи, въ чемъ да увѣритъ тебя сказанное: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Пс. 32, 6.); *Духъ Божiй, сотворивый мя, дыханiе же Вседержителя лево научающее мя* (Иов. 33, 4.); и еще: *послеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли* (Пс. 103, 30.). Онъ созидаетъ въ духовномъ возрожденiи; въ чемъ да увѣритъ тебя сказанное, что никто не можетъ видѣти или получить царствiе, аще кто не родится свыше Духомъ (Иоан. 3, 3. 5.), и отъ перваго рожденiя, которое есть тайна ночи, не очистится дневнымъ и свѣтлымъ возсозданiемъ (Пс. 138, 16.), какимъ возсозидается каждый въ отдѣльности.

Сей Духъ, какъ премудрый и челоуѣколюбивый, поемлетъ ли пастыря, — творить его псалмопѣвцемъ, отгоняющимъ злыхъ духовъ, и указываетъ въ немъ царя Израилю. Поемлетъ ли пастыря овецъ, ягодицiя обирающаго, — дѣлаетъ его Пророкомъ (Амос. 7, 14.). Припомни Давида и Амоса! Поемлетъ ли остроумнаго отрока, — еще прежде совершеннаго возраста дѣлаетъ его судiею старѣйшинъ. Свидѣтель Данилъ, побѣдившiй львовъ во рвѣ. Обрѣтетъ ли рыбарей, — уловляетъ въ Христову мрежу цѣлый мiръ объемлющихъ сѣтiю слова. Возми въ примѣръ Петра и Андрея и сыновъ громовыхъ, возгремѣвшихъ о духовномъ. Обрѣтетъ ли мытарей, — приобрѣтаетъ

въ ученики и творить купцами душъ. Свидѣтель Матѳей, вчера мытарь, а нынѣ Евангелистъ. Обрѣтеть ли пламенныхъ гонителей, — измѣняетъ ревность, и Савловъ дѣлаетъ Павлами, столько же ревнующими о благочестіи, сколько нашель ихъ ревнующими о злѣ.

Онъ вмѣстѣ и Духъ кротости, и гнѣвается на согрѣшающихъ. Итакъ извѣдаемъ Его кротость, а не гнѣвъ, исповѣдуя Его достоинство и бѣгая хулы, не пожелаемъ увидѣть Его безъ помилованія гнѣвающимся. Онъ и меня нынѣ дѣлаетъ дерзновеннымъ предъ вами проповѣдникомъ. И если ничего не постражду, благодареніе Богу! А если и постражду, также благодареніе Богу! Первое желательно, да пощадить ненавидящихъ насъ, второе, да освятитъ меня, въ награду за священнодѣйствіе Евангелія пріемлющаго то, чтобы совершиться кровію.

Апостолы стали говорить на чужихъ языкахъ, а не на отечественномъ, и, что особенно чудно, стали говорить не учившись. Это знаменіе для невѣрныхъ, а не для вѣрующихъ, и оно долженствовало послужить къ обвиненію невѣрныхъ, какъ написано: *иными языки, и усты иными, возглаголю людемъ симъ, и ни тако послушаютъ Мене, глаголетъ Господь* (1 Кор. 14, 21. Ис. 28, 11.). *Слышаху же* (Дѣян. 2, 6.). Остановись здѣсь не надолго и подумай, какъ раздѣлить рѣчь. Ибо въ реченіи есть обоюдность, устраняемая знакомъ препинанія. Такъ ли слышали, каждый на своемъ нарѣчїи, что, такъ сказать, гласъ исходилъ одинъ, а слышны были многіе гласы, по причинѣ такого со-

трясенія въ воздухѣ, или, яснѣе скажу, изъ одного гласа происходили многіе? Или, остановившись на словѣ: *слышаху*, слова: *глаголющихъ* своими гласами, отнести должно къ послѣдующему, чтобы вышелъ смыслъ: произносящихъ гласы, которые были свои для слушающихъ, а сіе значитъ, гласы иноязычные. Съ послѣднимъ я болѣе согласенъ; потому что первое было бы чудомъ, которое относилось бы болѣе къ слушающимъ, нежели къ говорящимъ, а послѣднее относится прямо къ говорящимъ, которыхъ и укоряютъ, что они пияны, изъ чего видно, что по дѣйствию Духа сами они чудодѣйствовали въ произнесеніи гласовъ.

Правда, достохвально было и древнее раздѣленіе гласовъ, когда строили столпъ злонамѣренно и безбожно единоголасные (на что и нынѣ дерзаютъ нѣкоторые): ибо единомысліе, нарушенное различіемъ гласовъ, разрушило и предпріятіе. Но гораздо достохвальнѣе раздѣленіе, совершенное чудесно нынѣ: ибо, отъ единого Духа излившись на многихъ, опять возводится къ единому согласію. И есть различіе дарованій требующее новаго дарованія, чтобы умѣть отличить превосходнѣйшія изъ нихъ; потому что всѣ имѣютъ нѣчто похвальное. Можно бы назвать прекраснымъ и то раздѣленіе, о которомъ говоритъ Давидъ: *потопи Господи, и раздѣли языки ихъ* (Пс. 54, 10.). За что же? За то, что возлюбили *вся глаголы потопныя, языкъ льстивъ* (Пс. 51, 6.). Почти явно обличаетъ здѣсь Давидъ тѣ языки, которые разсѣкаютъ Божество. Но о семъ довольно.

Поелику же языки вѣщали живущимъ въ Иерусалимѣ, благоговѣйнымъ Иудеямъ, Паревянамъ, Мидянамъ, Еламитамъ, Египтянамъ, Критянамъ, жителямъ Ливіи, Аравіи, Месопотаміи, и моимъ Каппадокійцамъ и *отъ всего языка, иже подъ небесъмъ*, Иудеямъ (если кому угодно такъ представить) собраннымъ во Иерусалимѣ; то достоинъ вниманія вопросъ: какіе это были Иудеи, и котораго плѣненія? Ибо плѣненіе Египетское и Вавилонское было временное, и давно окончилось возвращеніемъ плѣненныхъ; плѣненія же Римскаго еще не было, а имѣло оно только быть, въ наказаніе за дерзость противу Спасителя. Остается разумѣть плѣненіе, бывшее при Антиохѣ, и случившееся не за-долго до сихъ временъ. Если кто не соглашается на такое, толкованіе, какъ на не естественное (потому что плѣненіе сіе не древнее, и Иудеи разсѣяны въ ономъ не по многимъ странамъ вселенной), но ищетъ толкованія болѣе вѣроятнаго; то можетъ-быть лучше принять слѣдующее. Поелику народъ Иудейскій, какъ повѣствуется у Ездры, многократно и многими былъ переселяемъ; то иныя племена возвратились въ отечество, а другія остались въ плѣненіи, и вѣроятно нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ, разсѣянныхъ по многимъ народамъ, пришли тогда въ Иерусалимъ, и были участниками чуда. Такое изслѣдованіе предложилъ я для любознательныхъ; и можетъ-быть оно не будетъ излишнимъ. И что ни предложилъ бы кто приличное настоящему дню, все будетъ приобрѣтеніемъ и для насъ. Но время уже мнѣ распустить собраніе: ибо бесѣда моя довольно продолжительна. А торжества никогда не должно

прекращать, всегда же надобно праздновать, нынѣ даже и тѣлесно, а въ послѣдствіи и скоро совершенно духовно, когда лице и яснѣе узнаемъ и сему основанія въ самомъ Словѣ и Богѣ и Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ — истинномъ праздникѣ и радovanіи спасаемыхъ, съ Которымъ да будетъ слава и чествованіе Отцу со Святымъ Духомъ, нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 42,

**ПРОЩАЛЬНОЕ, ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВО ВРЕМЯ ПРИВѢТІЯ
ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ СТА-ПЯТИДЕСЯТИ ЕПИСКО-
ПОВЪ.**

Какими находите дѣла мои, вы, любезные Пастыри и Сопастыри? *Красны ноги у васъ благовѣствующихъ миръ и блага* (Ис. 52, 7.), съ какими пришли вы; особенно же *красны* для меня, къ которому пришли вы благовременно съ намѣреніемъ не заблудшую овцу обратить, но посѣтить Пастыря странника. Какимъ представляется вамъ мое странствованіе? какой находите плодъ отъ онаго, или, лучше сказать, какой плодъ Духа, Которымъ всегда я былъ движимъ, и теперь подвигнуть, не желая имѣть, а можетъ-быть и не имѣя, ничего собственнаго? Сами ли собою понимаете и узнаете дѣло, и готовы быть снисходительными ко мнѣ цѣнителями; или, какъ другіе подвергаются отчетности въ военачаліи, или въ народоправленіи, или въ распоряженіи имѣніями, такъ и я всенародно долженъ представить вамъ отчетъ въ моемъ управленіи? Я не стыжусь быть судимымъ; потому что и самъ сужу отчасти, и съ одинаковою любовію при-

емлю то и другое. Это древній законъ: потому что и Павелъ сообщалъ о своемъ благовѣствованіи Апостоламъ, не для того, чтобы его похвалили (Духъ далекъ отъ всякаго честолюбія), но для того, чтобы или сдѣланное было утверждено, или недовершенное (если только было что-нибудь подобное въ томъ, что сказано или сдѣлано Павломъ), было исправлено, какъ самъ онъ показываетъ, пиша о себѣ (Гал. 2, 2.). Ибо и души пророчестіи пророкомъ повинуются (1 Кор. 14, 32.), по благораспоряженію Духа, все прекрасно устрояющаго и раздѣляющаго. Если же Павелъ давалъ отчетъ на единъ и немногимъ, а я — всенародно и всѣмъ; не дивитесь сему. Я больше Павла имѣю нужды воспользоваться свободою обличеній, въ чемъ только окажусь недовершившимъ должнаго, да не како вотще теку, или текохъ. И невозможно иначе оправдаться, какъ давъ отчетъ знающимъ дѣло. Итакъ что у меня за оправданіе? Если оно ложно, обличите; если же справедливо, засвидѣтельствуйте вы, для которыхъ и предъ которыми мое слово. Ибо вы для меня и оправданіе, и свидѣтели, и (осмѣлюсь отвѣтиться на Апостольское слово) *вънецъ похваленіи* (1 Солун. 2, 19.).

Нѣкогда паства сія была мала и несовершенна, даже, судя по видимому, это была не паства, а малые слѣды или останки паствы; безъ порядка, безъ надзора, безъ точныхъ предѣловъ; она не имѣла ни свободной пажити, ни огражденнаго двора, скиталась въ *горахъ и вертепахъ и въ пропастьхъ земныхъ* (Евр. 11, 38.), разсѣянная и разбросанная тамъ и здѣсь; всякій, кому какъ случилось, нахо-

диль себѣ надзирателя и пастыря, промышлялъ о своемъ спасеніи. Она подобна была стаду, которое львоуе изнуриша (Іерем. 50, 17.), погубила буря или разсѣяла мракъ, что все оплакивають Пророки, уподобляя сему бѣдствію Израиля, преданнаго язычникамъ (Іезек. 34, 12.).

Плакали и мы, пока дѣла наши были достойны слезъ. Ибо дѣйствительно и мы были изгнаны, извержены, разсѣяны по всѣмъ горамъ и холмамъ, какъ бываетъ съ неимѣющими Пастыря. Какое-то неблаговедріе настало для Церкви; на нее напали лютые звѣри, которые и доселѣ даже, по возвращеніи ясныхъ дней, не щадятъ насъ и не стыдятся быть сильнѣе самаго времени. Какая-то печальная мгла объяла и покрывала все, — гораздо тягостнѣе девятой Египетской казни (Исх. 10, 21.), — разумю ту осязаемую тму, при которой не могли мы почти видѣть другъ друга. И скажу нѣчто достойное еще большаго сожалѣнія, уповая на предавшаго насъ, какъ на Отца: *Авраамъ не увѣдѣ насъ, и Израиль не позна насъ, но ты Отецъ нашъ* (Ис. 63, 16.), и къ Тебѣ взираемъ, *развѣ Тебе иноу не знаемъ: имя Твое именуемъ* (Ис. 26, 13.). Посему отвѣщаю: *обауе судьбы возглаголю къ Тебѣ, говоритъ Іеремія* (Іерем. 12, 1.). *Быхомъ яко исперва, егда не владѣлъ еси нами* (Ис. 63, 19.), Ты забылъ святой завѣтъ Твой, и заключилъ отъ насъ милости Твои. Посему мы стали въ поношеніе возлюбленному Твоему, — мы поклонники Троицы, совершенно преданные совершенному Божеству, не осмѣливающіеся унижать Того, Чтѣ выше насъ, и столько превозноситься, по примѣру безбожныхъ и

богоборныхъ людей, чтобы Господство именовать подобнымъ намъ рабствомъ. Но безъ сомнѣнія за другіе грѣхи наши, за то, что вели себя недостойно заповѣдей Твоихъ, и ходили въ слѣдъ лукаваго ума своего (ибо за что же иное?) преданы были мы мужамъ самымъ несправедливымъ и лукавымъ паче всѣхъ живущихъ на землѣ. Первый оскорбилъ насъ Навуходоносоръ (а), который послѣ пребыванія Христова на землѣ возсталъ на Христа, за то возненавидѣвъ Христа, что былъ Имъ спасенъ, и который священныя книги замѣнилъ безбожными жертвами. *Спыде мя, раздоби мя, покры мя тма тонка* (Іерем. 51, 34.) (и проливая слезы не отступлю отъ Писанія). *Аще не Господь помогъ бы ми, не предалъ бы его праведно въ руки беззаконныхъ, удаливъ къ Персамъ (таковы судьбы Божіи!), и за кровь пролитую беззаконно не была бы пролита кровь правосудно (здѣсь только судъ Божій не далъ мѣста долготерпѣнію); вмазь вселилася бы во адъ душа моя* (Пс. 93, 17.). Другій (б) не челоѡколюбивѣе перваго, если еще не жесточае его, нося имя Христово, былъ лжехристомъ и поношеніемъ для Христіанъ, которымъ и дѣйствовать было богопротивно, и страдать безславно, потому что по видимому и несправедливости не терпѣли, и не украшались благолѣпнымъ именемъ мученичества, но и въ семъ утаевалась истина, и страдая, какъ Христіане, они были наказываемы,

(а) То-есть Юліанъ отступникъ.

(б) Императоръ Валентъ.

какъ нечестивые. О какъ мы были богаты бѣдствіями ! *огнь пояде красная вселенной* (Іоил. 1, 19.); *останокъ гусениць поядоша пруги, и останокъ пруговъ поядоша мшицы* (Іоил. 1, 4.), а потомъ не знаю уже, что было далѣе, и какъ одно зло раждалось изъ другаго. Да и кто бы вполнѣ изобразилъ всѣ бѣдствія того времени, и постигшее насъ тогда наказаніе, или испытаніе и огненное очищеніе ? Развѣ сказать, что *приидохомъ сквозъ огнь и воду* (Пс. 65, 12.) и, по благоволенію спасающаго Бога, *внидохомъ въ нѣкоу*.

Но да обратится слово къ сказанному въ-началѣ. Нива сія была нѣкогда мала и скудна, не походила на ниву не только Бога, Который благими сѣменами и ученіями благочестія воздѣлалъ и воздѣлываетъ цѣлый міръ; но даже на ниву недостаточнаго и малоимущаго бѣдняка. Это вовсе не была нива, не стоила можетъ-быть ни житницъ, ни гумна., ни серпа ; на ней не было ни копны, ни сноповъ, а развѣ малыя и незрѣлыя рукояти, какія вырастають на кровляхъ ; которыми не исполнить *руки своей жней*, которыя не призовуть на себя благословенія мимоходящихъ (Пс. 128, 6 — 8.). Такова была наша нива, такова жатва ! хотя она велика, доброкласна и тучна предъ Видящимъ сокровенное, прилична таковому Земледѣлателью, и *удоліа душъ*, хорошо воздѣлываемыхъ словомъ, *умножаютъ* (Пс. 64, 14.) ее, незнаемую для многихъ, не соединеную въ одно мѣсто, но собираемую по-немногу, *яко слама на жатвь, и яко пародокъ во обгима нии винограда, не сущу гроздію* (Мих. 7, 1.). Думаю же присовокупить и сіе, даже весьма кстати:

яко смоковницу въ пустыни обрѣтохъ Израиля (Ос. 9, 10.), какъ одну или двѣ зрѣлыя ягоды на незрѣлой кисти винограда, которыя сохранены, правда, какъ благословеніе Господне, и освящены, какъ начатки (Ис. 65, 8.), но малочисленны и рѣдки, не могутъ наполнить уста ядущаго, и яко знамя на холмѣ и аки щогла на горѣ (Ис. 30, 17.), или что-нибудь другое, стоящее уединенно, и немногими видимое. Такова была прежняя нищета и скорбь !

Но какъ скоро Богъ, Который *убожитъ и богатитъ, мертвитъ и живитъ* (1 Цар. 2, 6. 7.), и единымъ хотѣніемъ *творитъ вся и претворяетъ* (Амос. 5, 8.), творитъ изъ ночи день, изъ зимы весну, изъ бури тишину, изъ засухи обильный дождь, и все сіе часто по молитвѣ одного праведника весьма долго гонимаго, — какъ скоро Богъ, *пріемляй кроткія въ высоту, и смиряяй грѣшники до земли* (Пс. 146, 6.), изрекъ Самъ къ Себѣ сіе слово : *видя видѣхъ озлобленіе Израиля* (Исх. 3, 7.); и его не будутъ болѣе изнурять *бреи́емъ и плинодѣланіемъ* (Исх. 1, 14.), и изрекши посѣтилъ, и посѣтивъ спасъ, и извелъ народъ Свой рукою крѣпкою и мышцею высокою, рукою Моисея и Аарона, избранныхъ Его : тогда что послѣдуетъ за симъ, какія чудеса творятся ? Они сохранены въ книгахъ и памяти людей. Ибо, кромѣ чудесныхъ событій на пути, и великой о томъ молвы (Ис. Нав. 2, 11.), чтобы сказать, какъ можно короче, Юсифъ одинъ пришелъ въ Египеть, и чрезъ нѣсколько времени шесть сотъ тысячъ чело́вѣкъ выходятъ изъ Египта. Что сего чудеснѣе? Нужно ли большее до-

казательство высокой премудрости, когда Богъ изъ самыхъ непроходимостей благоволитъ дать свободный выходъ? Чрезъ одного, которъ возненавидѣтъ, земля обѣтованія раздѣляется по жребію; проданный преселяетъ народы, а самъ воздвигается въ великій народъ, и малая сія отрасль дѣлается *виноградъ благолозень* (Ос. 10, 1.), столь обширный, что доходитъ до рѣкъ, простирается до моря, расширяется далѣе и далѣе за предѣлы, покрываетъ горы величіемъ славы, превышаетъ кедры, и даже горы и кедры *Божія* (какія бы горы и кедры ни надлежало здѣсь разумѣть Пс. 79, 11. 12.).

Такова была нѣкогда паства сія, и такую сдѣлалась нынѣ — столь благоустроенною и расширенною! И если она несовершенна, то чрезъ постепенныя приращенія восходитъ къ совершенству; а я предрекаю, что и будетъ восходить. Сіе предвѣщаетъ мнѣ Духъ Святой, ежели и я имѣю сколько-нибудь пророческаго дара, могу видѣть впередъ, по предшествовавшему надѣяться о будущемъ, и знать оное по умозаключенію, какъ воспитанникъ Слова. Ибо гораздо было необычайнѣе изъ прежняго состоянія придти въ настоящее, нежели изъ настоящаго достигнуть верха славы. Если, по гласу Животворящаго мертвыхъ, стали уже совокупляться кости къ костямъ, и составъ къ составу, и сухимъ костямъ данъ духъ жизни и пакибытія (Іезек. 37, 7.): то, очень знаю, должно совершиться и полное воскресеніе. *Да не возносятся въ себѣ преогорчевающіи* (Пс. 65, 7.), да не думаютъ, что обладаютъ чѣмъ нибудь, уловляя тѣнь, или *соніе востающихъ* (Пс. 72, 20.), пли мимолетный вѣтеръ, или слѣдъ кораб-

ля на водѣ. *Да плачевопльствитъ питисъ, зане паде кедръ* (Зах. 11, 2.). Пусть вразумятся бѣдствіи другихъ и узнаютъ, яко не до конца забвенъ будетъ нищій (Пс. 9, 13.), и, какъ говоритъ Аввакумъ, во изступленіи разсѣчь главы сильныхъ (Аввак. 3, 14.) не замедлитъ Божество разсѣкаемое и худо раздѣляемое на начальственное и подначальное, при чемъ особенно оскорбляется и Божество, низводимое до твари, подавляется и тварь равночестіемъ съ Божествомъ.

Слышу, кажется, и сіе слово Того, Кто собираетъ сокрушенныхъ и приѣмлетъ угнетенныхъ: *расшири ужа твоя еще, простири на десно и на лѣво, воздрузи, покрововъ не пощади* (Ис. 54, 2. 3.). Я предалъ тебя, Я и помогу тебѣ: *въ ярости малъ поразилъ тебя, и милостію вѣчною прославлю тебя* (ст. 8). Мѣра челоуѣколюбія превышаетъ мѣру вразумленія. То было за неправды, а сіе за поклоненіе Троицѣ, — то для очищенія, а сіе для славы Моей; ибо прославляю прославляющихъ, и огорчаю огорчающихъ. *Сія запечатлѣшася у Мене* (Втор. 32, 34.). Это ненарушимый законъ возмездія. А ты захватилъ у Меня стѣны и доски, и украшенные камни, длинные ходы и обходы, блисталъ и озарялъ золотомъ, то расточалъ его, какъ воду, то собиралъ, какъ песокъ, не зная, что вѣра подъ открытымъ небомъ лучше великолѣпнаго нечестія, и что трое, собранное во имя Господне, предъ Богомъ составляютъ большее число, нежели многіе, отрицающіеся Божества. Ужели Хананеевъ, сколько ихъ ни есть, предпочтешь одному Аврааму, или Содомлянъ одному Лоту, или Мадіамлянъ Моисею —

симъ пришельцамъ и странникамъ? Что жъ? кого предпочтешь? Триста ли человекъ, которые у Гедона мужественно лакали воду, или тысячи обратившія въ бѣгство (Суд. 7, 7. 21.)? Домочадцевъ ли Авраамовыхъ, которыхъ было немного болѣе Гедоновыхъ воиновъ, или многихъ царей и тьмы воинства, которыхъ однако же прогнали и обратили въ бѣгство малочисленные? Какъ же ты разумѣешь слѣдующія слова: *аще будетъ число сыновъ Израилевыхъ яко песокъ морской, останокъ спасется* (Рим. 9, 27.); или слѣдующія: *оставихъ Себѣ семь тысячъ мужей, иже не преклониша колѣна предъ Вааломъ* (Рим. 11, 4.)? Нѣтъ, нѣтъ; не во множайшихъ благоволи Богъ (1 Кор. 10, 5.). Ты исчисляешь десятки тысячъ, а Богъ—спасаемыхъ: ты неизмѣримою пылъ, а я—сосуды избранныя (Дѣян. 9, 15.). Ибо для Бога ничто такъ не достойно, какъ слово очищенное, и душа совершенная учениями истины. Ничего не можемъ принести и дать Богу такого, что было бы достойно Того, Кто сотворилъ все, отъ Котораго все и для Котораго все,— не потому что приносимое есть дѣло одной руки, или избытокъ одного человека, но хотя бы восхотѣлъ кто почитать Бога, собравъ во-едино все богатства и труды рукъ человѣческихъ. *Еда небо и землю не Азъ наполняю? рече Господь* (Иер. 23, 24.). *И кій домъ созиждете Ми, или кое мѣсто покоища Моего* (Ис. 66, 1.)? Поелику же неизбѣженъ недостатокъ въ достоинствѣ дара; то требую отъ васъ того, что есть второе, — благочестія, сего общаго и равночестнаго предо Мною богатства, которымъ иногда и самый бѣдный, если только вы-

сокъ духомъ, можетъ превзойдти самага знатнаго. Ибо здѣсь щедрость зависить отъ произволенія, а не отъ богатства. И сіе прииму изъ рукъ вашихъ: но знайте также, что вы не будете пощипать дворъ Мой, но поперуть его *ноги кроткихъ* (Ис. 26, 6.), которые здраво и искренно познали Меня и еди-нородное Слово Мое и Духа Святаго! Доколь будете *наслѣдовать гору святую Мою* (Ис. 57, 13)? Доколь будетъ ковчегъ у иноплеменниковъ? Насладитесь теперь еще недолго чужимъ достояніемъ, увеселитесь исполненіемъ вашихъ хотѣній. Какъ вы *совѣщали отринуть* Мя (Пс. 61, 5.), такъ и *Азъ отрину* васъ (Иезек. 5, 11.), говоритъ Господь Вседержитель.

Мнѣ казалось, что слышу, какъ говорить сіе Господь, и вижу, какъ приводить въ исполненіе, а кромѣ сего представлялось, что взываетъ Онъ и народу сему, который изъ малочисленнаго содѣлался уже многочисленнымъ, изъ разбѣяннаго довольно собраннымъ, и изъ жалкаго возбуждающимъ можетъ-быть и зависть: «*идите враты Моими* (Ис. 62, 10.) и расширяйтесь; не всегда вамъ страдать, живя въ кущахъ, а оскорбляющимъ васъ чрезъ-мѣру веселиться!» Взываетъ Онъ и Ангеламъ-покровителямъ (ибо я увѣренъ, что особенный Ангелъ покровительствуетъ каждую Церковь, какъ научаетъ меня Іоаннъ въ Откровеніи): «*путь сотворите людемъ Моимъ, и каменіе, еже на пути, разместите* (Ис. 62, 10.), чтобы не было затрудненія и препятствія народу Моему въ божественномъ шествіи и вхожденіи» — нынѣ въ рукотворенные храмы, а въ послѣдствіи въ горній Іерусалимъ и въ тамошнее

Святая-Святыхъ, гдѣ, сколько знаю, будетъ конецъ здѣшняго злостраданія и усилія для шествующихъ доблестно, въ числѣ которыхъ находитесь и вы — званые святые (Рим. 1, 7.), люди избранны (Тит. 2, 14.), царское священіе (1 Петр. 2, 8.), достояніе Господне державное (Пс. 15, 6.), отъ капли цѣлая рѣка, отъ искры небесное свѣтило, отъ горчичнаго зерна дерево, пристанище птицъ.

Такъ шествующихъ приносимъ въ даръ вамъ, любезные Пастыри; ихъ приводимъ, ихъ предлагаемъ друзьямъ своимъ, странникамъ и такимъ же пресельникамъ, какъ и мы сами. У насъ нѣтъ другаго приношенія прекраснѣе и блистательнѣе сего, хотя бы приискали самое лучшее изъ всего, что имѣемъ, дабы вы знали, что мы, будучи странниками, не скудны, а напротивъ того нищи, многи же богатыице (2 Кор. 6, 10.). Если же сіе мало-важно и ничего не стоитъ, то желаю знать, что важнѣе и достойнѣе большаго вниманія? Ибо если такой городъ — око вселенной, могущественнѣйшій на сушѣ и на морѣ, какъ-бы взаимный узелъ Востока и Запада, куда отвсюду стекается, и откуда, какъ съ общаго торжища, исходитъ все важнѣйшее въ Вѣрѣ, если сей городъ, и притомъ отвсюду возмущаемый толикимъ множествомъ языковъ, утвердить и укрѣпить здравымъ ученіемъ не важно: то окажется ли что другое великимъ и стоящимъ попеченія? А если сіе заслуживаетъ похвалу: дозвольте и мнѣ похвалиться симъ нѣсколько; потому что и мною привнесена нѣкоторая часть къ видимому вами. *Возведи окрестъ очи твои, и виждь, кто бы ты ни былъ цѣпитель словъ моихъ!* Виждь соплетенный вѣ-

нецъ славы, вмѣсто *наемниковъ Ефремовыхъ* и *вѣнца гордыни* (Ис. 28, 1.). Виждь соборъ пресвитеровъ, украшенныхъ сѣдиною и мудростію, благочиніе діаконовъ, недалекихъ отъ того же Духа, скромность чтецовъ, любовь къ ученію въ народѣ. Посмотри на мужей и на женъ: всѣ равночестны добродѣтелию; и изъ мужей—посмотри на *любомудрыхъ* и на *простыхъ*,—всѣ умудрены въ божественномъ; — на *начальниковъ* и на *подчиненныхъ*,—здѣсь всѣ прекрасно управляются;—на *воиновъ* и на *благородныхъ*, на *ученыхъ* и *любителей учености*, — всѣ воинствуютъ для Бога, и кроткіе въ другомъ бранносны за Духа, всѣ чтутъ *горній сонмъ*, въ который вводитъ не тихошественная буква, но Духъ животворящій, всѣ въ подлинномъ смыслѣ учены, всѣ служители истиннаго Слова. И изъ женъ посмотри на живущихъ въ супружествѣ, — онѣ сопряжены болѣе съ Богомъ, нежели съ плотію; посмотри на *несвязанныхъ супружествомъ* и *свободныхъ*,—онѣ все посвятили Богу;—на *юныхъ* и *старыхъ*, — одиѣ доблестно приближаются къ старости, другія усиливаются пребыть безсмертными, обновляясь лучшими надеждами. Соплетающимъ сей-то вѣнецъ (*еже глаголю, не глаголю по Господь* (2 Кор. 11, 17.), однако же скажу) содѣйствовалъ и я нѣсколько. Иный изъ нихъ есть дѣло моихъ словъ, не тѣхъ, которыя я отринулъ, но тѣхъ, которыя возлюбилъ, — не словъ *любодѣйныхъ* (какъ сказалъ въ поношеніе наше нѣкто изъ *любодѣйныхъ* и *словомъ* и *нравами*), но словъ *весьма цѣломудренныхъ*. Иный изъ нихъ есть порожденіе и плодъ моего духа, какъ можетъ породять духъ отрѣшившихся

отъ тѣла. И я очень увѣренъ, что о семъ засвидѣ-
 тельствуютъ признательные изъ васъ, или что даже
 всѣ вы засвидѣтствуете. Ибо я трудился надъ
 тѣмъ, чтобы всѣ приносили плодъ; и моя награда —
 одно исповѣданіе; инаго не ищу, и не искалъ; по-
 тому что добродѣтель должна быть безкорыстна, ес-
 ли хочеть быть такою добродѣтелію, у которой въ
 виду одно добро.

Хотите ли, чтобы я присовокупилъ нѣчто болѣе
 отважное? Смотрите: языки противниковъ стали
 кротки, и вооружавшіеся противъ Божества безмолв-
 ствуютъ предо мною. И это плоды Духа, и это
 плоды моего дѣланія. Ибо учу, не какъ неученый,
 не поражаю противниковъ укоризнами, какъ дѣла-
 ютъ многіе, сражающіеся не съ ученіемъ, но съ
 учащими, и укоризнами покрывающіе иногда сла-
 бость своихъ умозаключеній, подобно каракатицъ,
 которая, какъ сказываютъ, извергаетъ передъ собою
 черную влагу, чтобы избѣжать ловца, или уловить
 скрывшись. Но воинствованіе свое за Христа дока-
 зываемъ тѣмъ, что сражаемся, подражая Христу,
 Который миренъ, кротокъ и понесъ на Себѣ наши
 немощи; не заключаемъ мира во вредъ ученію ис-
 тины, уступая что-нибудь ради славы именоваться
 снисходительными (мы не уловляемъ добра худы-
 ми средствами), и блюдемъ миръ, сражаясь закон-
 но, не выступая изъ своихъ предѣловъ и правилъ
 Духа. Такъ о семъ разумію, и вмѣняю это въ за-
 конъ всѣмъ строителямъ душъ и раздаятелямъ сло-
 ва: ни строгостію не ожесточать, ни потворствомъ
 не надмѣвать, но соблюдать благоразуміе въ сло-
 вѣ, и ни въ томъ ни въ другомъ не преступать мѣры.

Но можетъ-быть, по желанію вашему, долженъ я представить и ученіе самой Вѣры, какая нами содержится. Ибо и я освящусь постояннымъ напомианіемъ, и народъ сей получить пользу, увеселяясь подобными рѣчами болѣе, нежели чѣмъ другимъ, и вы дознаете, что не напрасно завидуютъ намъ, которые въ раскрытіи истины съ одними соревнуемъ, съ другими идемъ на-ряду. Ибо какъ подземныя воды, однѣ совершенно скрыты во глубинѣ, другія отъ стѣсненія кипятъ, и, какъ ощутительно для слуха, готовы, кажется, прорваться вверхъ, однако же еще медлятъ, а инныя дѣйствительно прорываются: такъ и между любомудрствующими о Богѣ (не говорю о людяхъ вовсе несознательныхъ) одни содержатъ благочестіе совершенно втайнѣ, и скрываютъ оное въ самихъ себѣ, другіе близки только къ тому, чтобы разрѣшиться словомъ, и это люди, которые хотя бѣгаютъ нечестія, однако же не осмѣливаются говорить и благочестиво, руководясь ли какою-то осторожностію касательно слова, или прибѣгая къ сему изъ робости, и хотя сами здравы умомъ, какъ говорятъ о себѣ, но не хотятъ сдѣлать здравымъ народъ, какъ будто возложена на нихъ обязанность имѣть попеченіе о себѣ только, а не о другихъ; иные же всѣмъ открываютъ сокровище, не таятъ того, что болѣзнуютъ о благочестія — не почитаютъ спасеніемъ, если спасаются они одни, а не изливается обильно благо сіе и на другихъ. Съ послѣдними желалъ бы стать и я, желали бы и тѣ, которые со мною, чтобы, дерзая благимъ дерзновеніемъ, исповѣдать благочестіе.

Начертаніе же нашего ученія одно, и оно крат-

ко; это какъ-бы надпись на столпѣ, вразумительная всякому, это — люди сіи, искренніе поклонники Троицы. Иной изъ нихъ скорѣе разлучится съ жизнью, нежели Единое изъ Трехъ отлучить отъ Божества; всѣ они единомудренны, всѣ держатся одинаго исповѣданія, однимъ ученіемъ соединены другъ съ другомъ, со мною и съ Троицею. Подробности же ученія изложу сокращенно: Безначальное, Начало и Сущее съ Началомъ — единъ Богъ. Но безначальность или нерожденность не есть естество Безначальнаго. Ибо всякое естество опредѣляется не чрезъ то, чѣмъ оно не есть, но чрезъ то, чѣмъ оно есть; ибо оно есть положеніе, а не отрицаніе существующаго. И Начало, тѣмъ, что оно начало, не отдѣляется отъ Безначальнаго: ибо для Него быть началомъ не составляетъ естества, какъ и для перваго быть безначальнымъ; потому что сіе относится только къ естеству, а не есть самое естество. И Сущее съ Безначальнымъ и съ Началомъ есть не иное что, какъ то же, что и Они. Имя Безначальному Отецъ, Началу — Сынъ, Сущему вмѣстѣ съ Началомъ — Духъ Святой; а естество въ Трехъ единое — Богъ, Единеніе же — Отецъ, изъ Котораго Другіе, и къ Которому Они возводятся, не сливаясь, а соприбывая съ Нимъ, и не раздѣляемые между Собою ни временемъ, ни хотѣніемъ, ни могуществомъ. Ибо сіе насъ дѣлаетъ чѣмъ-то многимъ; потому что каждый изъ насъ разногласенъ и самъ съ собою и съ другими. Но Тѣмъ, у Которыхъ естество просто и бытіе тождественно, приличествуетъ и единство.

Упорно же наклонять ученіе въ ту и другую сторону и уравнивать различныя мнѣнія мы не бе-

ремъ на себя, не хотимъ какъ Савелліевымъ ученіемъ объ Единомъ вооружаться противъ Трехъ и худымъ соединеніемъ уничтожать дѣленіе, такъ Аріевымъ ученіемъ о Трехъ ополчаться противъ Единаго, и лукавымъ дѣленіемъ извращать единство. Ибо требуется не худое замѣнить худымъ, но не погрѣшить въ добромъ, а первое есть забава лукаваго, который невѣрно взвѣшиваетъ наши ученія. Сами же мы, идя среднимъ и царскимъ путемъ (въ чемъ и совершенство, какъ разсуждаютъ о семъ знающіе дѣло), вѣруемъ въ Отца и Сына и Святаго Духа, Которые единосущны и единославны. Въ сихъ именахъ и подлежащихъ и крещеніе (какъ извѣстно сіе тебѣ, сподобившійся таинства) приемятъ свое совершеніе, будучи отреченіемъ отъ безбожія и исповѣданіемъ Божества. А такимъ образомъ не противорѣчимъ мы, познавая Единаго по сущности и по нераздѣльности поклоненія, Трехъ по Упостасямъ, или по Лицамъ, ибо нѣкоторые предпочитаютъ послѣднее реченіе. И да не стыдятъ себя тѣ, которые спорятъ о сихъ реченіяхъ, какъ будто наше благочестіе заключается въ именахъ, а не въ дѣлѣ! Ибо что хотите сказать вы, которые вводите Три Упостаси? Вѣрно, говорите сіе не въ предположеніи трехъ Существъ? Знаю, что громко возопіете противъ предполагающихъ сіе; ибо учите, что одна и таже сущность въ Трехъ. И вы, употребляющіе реченіе: Лица, не составляете чего-то хотя единаго, но вмѣстѣ и сложнаго, совершенно трехличнаго, или человѣкообразнаго? Ни мало; возопіете и вы: да не узритъ лица Божія (что ни было бы оно такое), кто такъ думаетъ. Что же (продолжу спрашивать)

означають у васъ Упостаси или Лица? Трехъ раздѣляемыхъ, не по естествамъ, но по личнымъ свойствамъ. — Превосходно! Можно ли думать болѣе здраво и говорить согласнѣ утверждающихъ сіе, хотя и разнятся они въ нѣсколькихъ слогахъ? Смотрите, какой я у васъ примиритель, возводящій отъ буквы къ мысли, какъ будто примиряющій Ветхій и Новый Заветъ!

Но я долженъ возвратиться къ прежнему слову. Кому угодно вновь творить имена, пусть говоритъ и представляетъ въ умъ: Нерожденное, Рожденное и Исходящее: не побоимся, чтобы безтѣлесное могло быть понято тѣлесно, какъ представляется сіе клеветующимъ на Божество. Говори и о твари, что она Божія (ибо и сіе для насъ важно); но никакъ не называй твари Богомъ; тогда развѣ допущу, что тварь Богъ, когда самъ, въ собственномъ смыслѣ, буду Богомъ. — Дѣло въ томъ: если Богъ, то не тварь; потому что тварь въ одномъ ряду съ нами, а мы не Боги. Если же тварь, то — не Богъ: ибо началась во времени; а если началась, то было, когда ея не было; а чему предшествовало небытіе, то не въ собственномъ смыслѣ сущее; а что не въ собственномъ смыслѣ сущее, то можетъ ли быть Богомъ? Итакъ ни Единое изъ Трехъ (а) не есть тварь, и не произведено (что хуже и перваго) ради меня, чтобы стать не только тварію, но даже тварію малочестнѣйшею насъ. Ибо, если я сотворенъ къ славѣ Божіей, а Оно ради меня, какъ клещи ради ко-

(а) То-есть Лицъ Святыя Троицы.

лесницы, или пила ради двери: то я выше по цѣли. Чѣмъ выше тварей Богъ: тѣмъ малочестнѣе меня, сотвореннаго для Бога, сотворенное ради меня.

Сверхъ того да не будетъ и входа въ Церковь Божию Моавитянамъ и Аммонитянамъ, то-есть діалектикъ, спорамъ и тѣмъ пытливымъ вопросамъ о неизреченномъ рожденіи и исхожденіи Бога, съ которыми дерзко возстаютъ противъ Божества, какъ будто необходимо, чтобы или имъ однимъ было постижимо превышающее разумъ, или не могло то и быть, чего они не поняли. А мы, слѣдуя Божественнымъ писаніямъ, и устраняя препятствія, встрѣчающіяся слѣпотствующимъ, будемъ держаться спасенія, отважившись прежде на все, нежели дерзнемъ на что-нибудь противъ Бога. Собрать же самыя свідѣтельства предоставимъ другимъ, такъ какъ многіе многократно уже предавали ихъ писанію, да и мы сами не мимоходомъ касались ихъ. Притомъ, по мнѣ, крайне стыдно — собирать теперь доказательства на то, въ чемъ издавна мы были увѣрены. Ибо не хорошъ порядокъ — сперва учить, а потомъ учиться, хотя бы шло дѣло не о Божественномъ и столь высокомъ предметѣ, но о чемъ-нибудь маловажномъ и ничего не стоящемъ. А разрѣшать и разъяснять затрудненія, встрѣчающіяся въ Писаніи, не дѣло настоящаго времени; сіе требуетъ совершеннѣйшаго и большаго занятія, нежели какое сообразно съ настоящимъ намѣреніемъ слова. — Таково наше ученіе касательно существеннаго; и я изложилъ оно не для того, чтобы вступить въ состязаніе съ противомыслящими (ибо многократно уже, хотя и умѣренно, состязался съ ними), но чтобы вамъ показать свой-

ство моихъ ученій, точно ли я сподвижникъ вашихъ догматовъ, и стою съ вами противъ однихъ враговъ и за однѣ и тѣже истины.

Таково, достопочтенные, оправданіе моего здѣсь пребыванія. Если оно заслуживаетъ похвалу; благодареніе Богу и вамъ, призвавшимъ меня! Если и не соотвѣтствуетъ надеждамъ; и въ семъ случаѣ благодареніе! ибо очень знаю, что оно не вовсе укоризненно, и вѣрю вамъ, подтверждающимъ это. Покорыстовался ли я чѣмъ-нибудь отъ сего народа? Приумножилъ ли сколько-нибудь свою собственность, чему вижу примѣры на многихъ? Огорчилъ ли чѣмъ-нибудь Церковь? Можетъ-быть оскорбилъ я иныхъ, которые думали, что по-напрасну говорю, и которымъ противопоставилъ я свое слово. Но васъ, сколько сознаю самъ себя, ни чѣмъ я не оскорблялъ. Ни вола не взялъ у васъ, говоритъ великій Самуиль, состязуясь съ Израилемъ о царѣ, ни мзды за души ваши; *свидѣтель есть Господь въ васъ* (1 Цар. 12, 5.); не взялъ я ни того ни другаго, продолжалъ онъ, и я не буду перечислять сего въ-подробности. Напротивъ того соблюлъ я священство чистымъ и несквернымъ. Если же возлюбилъ я владычество, или высоту престоловъ, или если возлюбилъ попираť дворы царей: то пусть не буду имѣть никакой другой славы, а если и приобрѣту, то да лишусь оной.

Что же значать слова мои? Я не безмездный труженикъ добродѣтели, и не достигъ еще до такого совершенства. Вознаградите меня за труды. Чѣмъ же? Не тѣмъ, о чемъ подумали бы нѣкоторые, способные подозрѣвать всякаго; но тѣмъ, чего мнѣ без-

опасно желать. Успокойте меня отъ долговременныхъ трудовъ, уважьте сію сѣдину, почтите мое странничество, и введите на мое мѣсто другаго, за васъ гонимаго, у кого руки чисты, у кого слово не неразумно, кто могъ бы во всемъ васъ удовлетворять и нести съ вами церковныя попеченія; ибо настоящее время особенно требуетъ такихъ Пастырей. А у меня, видите, въ какомъ состояніи тѣло, истощенное временемъ, болѣзнію, трудами. На что вамъ нуженъ старикъ робкій, ослабѣвшій, умирающій, такъ сказать, ежедневно, не тѣломъ только, но и заботами, — старикъ, который и это съ трудомъ выговариваю вамъ? Повѣрьте голосу учителя, такъ какъ никогда не отказывали ему въ вѣрѣ. Я усталъ, слушая обвиненія моей кротости; усталъ, препираясь и съ словомъ и съ завистію, съ врагами и съ своими: одни поражаютъ въ грудь, и меньше успеваютъ, потому что не трудно остережся явнаго врага; другіе имѣютъ въ виду хребетъ, и больше причиняютъ огорченій, потому что неподозрѣваемый губительнѣе. Если бы я былъ кормчій и даже самый знающій, но окружало насъ обширное море, бурно волнующееся вокругъ корабля, и въ то же время между пловцами возсталъ сильный мятежъ, всѣ спорили бы о томъ и о другомъ, и заглушали другъ друга и волны: то я, сидящій у кормила, долго ли бы могъ бороться и съ моремъ, и съ пловцами, и безбѣдно спасать корабль отъ двойкой бури? Гдѣ трудно спасеніе, когда всѣ и всѣми мѣрами трудятся надъ однимъ; тамъ какъ не потонуть, когда всѣ противоборствуютъ другъ другу? Нужно ли говорить о чемъ другомъ? Но какъ мнѣ вы-

нести эту священную брань? Ибо пусть иная брань называется и священной, какъ есть брань варварская. Какъ совоюплю и приведу къ единству сихъ одинъ противъ другаго возсѣдающихъ и пастырствующихъ, а съ ними и народъ расторгнутый и приведенный въ противоборство, подобно какъ во время землетрясеній разсѣдаются мѣста сосѣдственныя и близкія, или во время заразительныхъ болѣзней страждутъ слуги и домашніе, потому что болѣзнь удобно передается отъ одного другому? И не только народъ сей, но цѣлыя части вселенной увлекаются тѣмъ же мятежнымъ духомъ, такъ что Востокъ и Западъ раздѣлились на двѣ противныя стороны, и есть опасность, что они, составляя разные удѣлы, столько же будутъ разнствовать и во мнѣніяхъ.

Долго ли будутъ въ употребленіи слова: мой, твой, старшій, новшій, ученѣе или духовнѣе, благороднѣе или ниже родомъ, богатѣе или бѣднѣе людьми? Стыжусь старости, когда мнѣ спасенному Христомъ, дають имя отъ чего-нибудь другаго. Несносны мнѣ конеристатели, зрѣлища и тѣ издержки и заботы, которымъ предаются съ равнымъ неистовствомъ. И мы то впрягаемъ, то перепрягаемъ коней, предаемся восторгамъ, едва не бьемъ воздуха какъ они, бросаемъ ниль къ небу, какъ изступленные; споря за другихъ, удовлетворяемъ собственной страсти спорить, бываемъ худыми оцѣнщиками соревнованія, несправедливыми судьями дѣлъ. Нынѣ у насъ одинъ престолъ и одна Вѣра, если такъ внушаютъ намъ наши вожди: завтра подуетъ противный вѣтеръ, и престолы и Вѣра будутъ у насъ раз-

ныя. Вмѣстѣ съ враждою и пріязнію мѣняются имена, а, что всего хуже, не стыдимся говорить противное при тѣхъ же слушателяхъ, и сами не стоимъ въ одномъ, потому что любовь къ спорамъ дѣлаетъ насъ то такими, то иными, и въ насъ бываютъ такія же перемѣны, отливы и приливы, какъ въ Еврипѣ. Когда дѣти играютъ и служатъ игрушкой для другихъ на площади, стыдно и несвойственно было бы намъ, оставивъ собственныя дѣла, вмѣшаться въ ихъ игры, потому что дѣтскія забавы не приличны старости. Такъ, когда другіе увлекаютъ и увлекаются, я, который знаю иное лучше многихъ, не соглашусь стать лучше однимъ изъ нихъ, нежели быть тѣмъ, что я теперь, то-есть свободнымъ, хотя и незнатнымъ. Ибо кромѣ прочаго есть во мнѣ и то, что не во многомъ соглашаюсь со многими, и не люблю идти однимъ съ ними путемъ. Можетъ-быть сіе дерзко и невѣжественно, однако жъ я подверженъ сему. На меня непріятно дѣйствуетъ пріятное для другихъ, и увеселяюсь тѣмъ, что для иныхъ огорчительно. Посему не удивился бы, если бы меня, какъ челоуѣка безпокойнаго, связали и многіе признали сумазброднымъ, что, какъ сказываютъ, и случилось съ однимъ изъ эллинскихъ философовъ, которому цѣломудріе вмѣнено было въ безуміе, потому что надъ всѣмъ смѣялся, находя достойнымъ смѣха казавшееся для многихъ стоящимъ усиленныхъ трудовъ; не удивился бы, если бы почли меня *исполненнымъ вина*, какъ въ - послѣдствіи учениковъ Христовыхъ за то, что стали говорить языками; почли, не зная, что это сила Духа, а не изступленіе ума.

Разсмотрите же и мои вины. Говорят: «столько времени управляешь ты Церковію, обстоятельства тебѣ благопріятствуютъ, и Самодержецъ ревностенъ (что весьма важно); въ чемъ же для насъ видна перемена? Сколько передъ нами нашихъ оскорбителей? Какихъ бѣдствій не претерпѣли мы? Не видѣли ли мы обидъ, угрозъ, изгнаній, разграбленія и описанія имѣній, сожженія пресвитеровъ на морѣ? Не видѣли ли храмовъ, обогранныхъ кровію Святыхъ, и изъ храмовъ содѣлавшихся кладбищами? Не видѣли ли всенароднаго закланія пресвитеровъ, епископовъ, точнѣе же сказать, патріарховъ? Не всякое ли мѣсто было непроходимо однимъ благочестивымъ? Не столько ли мы терпѣли, что невозможно и пересказать всѣхъ бѣдствій? А чѣмъ же мы воздали причинившимъ намъ оныя? Мѣжду тѣмъ, что и хорошо, возможность дѣйствовать возвращена намъ, и надобно было вразумить оскорбителей.» Оставляю прочее, предложу же свое, чтобы не все говорить о твоёмъ.

Развѣ и мы не были гонимы? не терпѣли оскорбленій? Развѣ не изгоняли насъ изъ церквей, изъ домовъ и (что всего ужаснѣе) изъ самыхъ пустынь? Развѣ не перенесли мы того, что и народъ неистовствовалъ, и правители областей дѣлали обиды, и цари, а равно и ихъ указы, были презираемы? Что же потомъ? Мы стали сильны, а гонители разбѣжались. И это, по моему мнѣнію, достаточное наказаніе обидчикамъ, то-есть самая власть, какую имѣемъ отмстить. Но эти люди думаютъ иначе; они чрезъ-мѣру точны и правдивы, когда идетъ дѣло объ отмщеніи; потому требуютъ не пропускать слу-

чая. Они говорятъ: «какой начальникъ области наказанъ? Какой народъ и кто изъ подущавшихъ вразумленъ? Воспользовались ли мы чѣмъ-нибудь для себя самихъ, чтобы внушить страхъ и на будущее время?»

Можетъ-быть и за сіе будутъ порицать меня (ибо уже и порицали), что нѣтъ у меня ни богатаго стола, ни соотвѣтственной сану одежды, ни торжественныхъ выходовъ, ни величавости въ обхожденіи. Не зналъ я, что мнѣ должно входить въ состязанія съ консулами, правителями областей, знатнѣйшими изъ военачальниковъ, которые не знаютъ, куда расточить свое богатство, — что и мнѣ, роскошествуя изъ достоянія бѣдныхъ, надобно обременять свое чрево, необходимое употреблять на излишества, изрыгать на алтари. Не зналъ, что и мнѣ надобно ѣздить на отличныхъ коняхъ, блистательно высияться на колесницѣ, — что и мнѣ должны быть встрѣчи, приемы съ подобострастіемъ, что всѣ должны давать мнѣ дорогу и разступаться предо мною, какъ предъ дикимъ звѣремъ, какъ скоро даже издали увидятъ идущаго.

Если сіе было для васъ тяжело, то оно прошло. Простите мнѣ сію обиду. Поставьте надъ собою другаго, который будетъ угоденъ народу, а мнѣ отдайте пустыню, сельскую жизнь и Бога. Ему одному угрозу даже простотою жизни. Тяжело, если буду лишень бесѣдъ, собраній, торжествъ, и этихъ окривляющихъ рукоплесканій, лишень ближнихъ и друзей, почестей, красоты города, величія, блеска повсюду поражающаго тѣхъ, которые смотрятъ на сіе и не проникаютъ внутрь. Но не такъ тяжело,

какъ возмущаться и очерняться мятежами и волненіями, какія въ обществѣ, и принаровленіями къ обычаямъ народа. Они ищутъ не іереевъ, но риторовъ; не строителей душъ, но хранителей имуществъ; не жрецовъ чистыхъ, но сильныхъ представителей. Скажу нѣчто и въ ихъ оправданіе: я обучилъ ихъ этому, я, который *всѣмъ быхъ вся*, не знаю тѣлько, да спасу ли всѣхъ, или да погублю (1 Кор, 9, 22.).

Что скажете? Убѣдилъ ли и побѣдилъ ли я васъ сими словами? Или для убѣжденія вашего нужны выраженія болѣе твердыя? Такъ, ради самой Троицы, Которую я чу и вы чтете, ради общей нашей надежды, и ради совокупленія въ единый составъ людей сихъ, окажите мнѣ эту милость — отпустите меня съ молитвами. Пусть это будетъ возвѣщать о моихъ подвигахъ! Дайте мнѣ увольнительное писаніе, какъ цари даютъ воинамъ, и, если угодно, съ добрымъ свидѣтельствомъ, чтобы имѣть мнѣ награду; а если нѣтъ, какъ хотите; я не воспрекословлю, пока не узритъ Богъ, каковы дѣла наши. «Кого же поставимъ вмѣсто тебя?» — Узритъ Господь Себѣ пастыря для начальствованія, какъ *узрѣлъ овца во всесожженіе* (Быт. 28, 8.). Только сего одного требую, чтобы онъ былъ изъ числа возбуждающихъ зависть, а не сожалѣніе, — изъ числа не всякому во всемъ уступающихъ, но умѣющихъ въ иномъ случаѣ и воспротивиться для большаго блага: ибо первое всего пріятнѣе здѣсь, а второе всего полезнѣе тамъ. И вы составьте слово на мое отшествіе; а я воздамъ вамъ за сіе симъ прощальнымъ словомъ:

Прости Анастасія, получившая отъ благочестія

наименованіе; ибо ты воскресила намъ ученіе, дото-
лѣ презираемое! Прости мѣсто общей побѣды, Си-
ломъ, въ которомъ съ начала водрузили мы скинью,
сорокъ лѣтъ носимую и блуждавшую по пустынѣ!
Прости великій и славный храмъ, новое наслѣдіе,
храмъ, получившій настоящее величіе отъ Слова,
храмъ, который прежде былъ Іевусомъ, а чрезъ
меня сдѣланъ Іерусалимомъ! Простите и прочіе
храмы, близкіе по красотѣ къ Анастасіи; храмы,
подобно узамъ связующіе собою разныя части горо-
да, и присвоенные той части, которая съ каждымъ
сосѣдственна, храмы, которые наполнилъ не я, имѣ-
ющій столько немощи, но наполнила благодать, со-
мною отчаяннымъ! Простите Апостолы, прекрасное
селеніе, мои учителя въ подвижничествѣ, хотя я и
рѣдко торжествовалъ въ честь вашу, нося въ тѣлѣ,
къ собственной пользѣ, можетъ-быть, того же сата-
ну, который былъ данъ вашему Павлу (2 Кор. 12,
7.), ради котораго и нынѣ отъ васъ преселяюсь!
Прости каеэдра—эта завидная и опасная высота;
прости соборъ архіереевъ и іереевъ, почтенныхъ
сановитостію и лѣтами; простите всѣ, служащіе Бо-
гу при священной трапезѣ и приближающіеся къ
тому, кто *приближается къ Богу* (Лев. 10, 3.)!
Простите ликостоянія Назореевъ, стройныя псалмо-
пѣнія, всенощныя стоянія, честность дѣвъ, благопри-
стойность женъ, толпы вдовъ и сиротъ, очи нищихъ
устремленные къ Богу и къ намъ! Простите стран-
нолюбивые и христолюбивые дома, помощники мо-
ей немощи! Простите любители моихъ словъ, про-
стите и эти народныя теченія и стеченія, и эти тро-
сти, пишуція явно и скрытно, и эта рѣшетка, едва

выдерживающая тѣснящихся къ слушанію! Простите цари и царскіе дворцы, и царскіе служители, домоладцы (а), можетъ-быть и вѣрные царю (не знаю сего), но по большей части невѣрные Богу! Плещите руками, восклицайте пронзительнымъ голосомъ, поднимите вверхъ своего витію! Умолкъ языкъ для васъ непріязненный и вѣщій. Хотя онъ не вовсе умолкнетъ, и будетъ еще препираться рукою и черниломъ; но въ настоящее время мы умолкли. Прости градъ великій и христолюбивый! Ибо засвидѣтельствую истину, хотя и не по разуму сія ревность (Рим. 10, 2.), разлука содѣлала насъ болѣе снисходительными. Приступите къ истинѣ; перемѣните жизнь свою, хотя поздно; чтите Бога болѣе, нежели сколько обыкли! Перемѣна жизни ни мало не постыдна; напротивъ того храненіе зла гибельно. Простите Востокъ и Западъ! За васъ и отъ васъ терпимъ мы нападеніе: свидѣтель сему Тотъ, Кто примиритъ насъ, если не многіе будутъ подражать моему удаленію. Ибо не утратятъ Бога удалившіеся отъ престоловъ, но будутъ имѣть горную каедрю, которая гораздо выше и безопаснѣе этихъ каедръ. А сверхъ всего и паче всего воскликну: простите Ангелы, назиратели сея Церкви, и также моего здѣсь пребыванія и отшествія отсюда, если только и мои дѣла въ рукъ Божіей! Прости мнѣ Гроизца — мое помышленіе и украшеніе! Да сохранишься у сего народа моего и да сохра-

(а) Царскіе еввухи, которые большею частію заражены были аріанской и македоніевою ересями.

нишь его (ибо онъ мой, хотя и устрояется жизнь моя иначе); да возвѣщается мнѣ, что Ты всегда возвышаема и прославляема у него и словомъ и жизнью! Чада! *сохраните преданія* (1 Тим. 6, 20.), помните, какъ побивали меня камнями. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами, аминь* (Рим. 16, 24.)!

С Л О В О 45,

НАДГРОВНОЕ ВАСИЛЮ , АРХІЕПИСКОПУ КЕСАРИИ КАППАДОКІЙСКІЯ.

Оставалось еще, чтобы Великій Василій, который всегда предлагалъ мнѣ многіе предметы для словъ (потому что столько увеселялся моими словами, сколько никто другой не увеселяется собственными),—оставалось еще, чтобы нынѣ самого себя предложилъ онъ въ предметъ для подвига въ словѣ, предметъ весьма высокій и для тѣхъ, которые много упражнялись въ сложеніи словъ. Ибо думаю, если бы кто, испытывая силы свои въ словѣ, захотѣлъ потомъ опредѣлить ихъ мѣру, и на этотъ конецъ предложилъ себѣ изъ всѣхъ предметовъ одинъ (какъ живописцы берутъ для сего образцовые картины), то онъ исключилъ бы одинъ настоящій предметъ, какъ недоступный для слова, и избралъ первый изъ прочихъ. Такъ трудно говорить въ похвалу сего мужа, трудно не для меня одного, который давно отказался отъ всякаго соискательства чести, но и для тѣхъ, которые цѣлую жизнь посвятили слову, надъ нимъ единственно трудились, и искали себѣ славы только въ подобныхъ сему пред-

метахъ! Не иначе разумѣю я дѣло, и разумѣю, сколько самъ въ себѣ увѣренъ, весьма правильно. Впрочемъ не знаю, предложилъ ли бы я слово въ другомъ какомъ случаѣ, если бы не предложилъ нынѣ, или угодилъ ли бы столько и себѣ, и цѣнителямъ добродѣтели, и самому слову, если бы избралъ для слова что-либо другое, а не похвалу сего мужа. Ибо съ моей стороны будетъ сіе достаточнымъ воздаяніемъ долга; потому что совершеннымъ, какъ въ другомъ чемъ, такъ и въ словѣ, если чѣмъ другимъ должны мы, то словомъ. А любителямъ добродѣтели слово о добродѣтели будетъ вмѣстѣ и наслажденіемъ, и поощреніемъ. Ибо чему слышу похвалы, въ томъ вижу и явныя приращенія. А потому не бываетъ общихъ успѣховъ ни въ чемъ такомъ, чему нѣтъ общихъ похвалъ. Наконецъ, самое слово въ обоихъ случаяхъ не останется безъ успѣха. Если оно близко подойдетъ къ достоинству похваляемаго; то симъ докажетъ собственную свою силу. Если же во многомъ останется назади (чему и необходимо случиться, когда предпріемлетъ хвалить Василя); то самымъ дѣломъ обнаружить, что оно побѣждено, и что похваляемый выше всякой возможности слова. Таковы причины, которыя вынудили у меня слово, и по которымъ вступаю въ сей подвигъ.

Но никто не долженъ дивиться, что принимаюсь за дѣло поздно и послѣ того, какъ многіе восхваляли Василя и прославляли его наединѣ и всенародно. Да простить мнѣ божественная душа, всегда, какъ нынѣ такъ и прежде, мною досточтимая! И безъ сомнѣнія, кто, находясь еще съ нами, мно-

гое исправлялъ во мнѣ по праву дружбы и по наилучшему закону (не постыжусь сказать, что онъ и для всѣхъ былъ закономъ добродѣтели), тотъ снисходителенъ будетъ ко мнѣ и теперъ, когда сталь выше насъ. Да простятъ мнѣ и тѣ изъ васъ, которые съ большою пламенностію хвалятъ Василія, если только дѣйствительно одинъ изъ васъ пламеннѣе другаго, а не всѣ вы стоите на одной степени въ этомъ одномъ — въ усердіи хвалить его! Ибо не по нерадѣнію не былъ мною доселѣ выполненъ долгъ (никогда не желалъ бы я быть такимъ зрителемъ требованій или добродѣтели, или дружбы), а также и не потому, чтобы почиталъ я не себя, а другихъ обязанными хвалить Василія. Но медлилъ я словомъ, во-первыхъ (скажу правду), чтобы прежде, какъ требуется отъ приступающихъ къ священнодѣйствию, очищены были у меня и уста и мысль; а сверхъ того не безызвѣстно вамъ (впрочемъ напомнимъ о семъ), сколько въ сіе время занятъ былъ я попеченіями объ истинномъ ученіи, подвергавшемся опасности, и какъ потерпѣлъ я доброе принужденіе и былъ пресельникомъ, можетъ быть по Богу, притомъ не противъ воли и сего мужественнаго подвижника истины, который не инымъ чѣмъ и дышалъ, какъ благочестивымъ и спасительнымъ для цѣлаго міра ученіемъ. О немощахъ же тѣлесныхъ не должно, можетъ-быть, смѣть и говорить человѣку мужественному, который до преселенія отселѣ поставилъ себя выше тѣлеснаго, и увѣренъ, что душевныя блага ни малаго не терпятъ вреда отъ этихъ узъ. Таково мое оправданіе, и симъ да будетъ оно заключено; ибо думаю, что

нѣтъ нужды продолжать его, имѣя дѣло съ Васи-
ліемъ и съ людьми, которые ясно знаютъ мои об-
стоятельства.

Теперь долженъ я приступить къ самой похвалѣ,
посвятивъ слово самому Василю Богу, чтобы и
Василія не оскорбить похвалами, и самому мнѣ не
стать гораздо ниже другихъ; хотя всѣ мы равно
отстоимъ отъ Василія, и то же предъ нимъ, что
предъ небомъ и солнечнымъ лучемъ взирающіе
на нихъ.

Если бы видѣлъ я, что Василій величался родомъ
и происшедшими отъ его рода, или чѣмъ-либо со-
вершенно маловажнымъ, но высоко цѣнимымъ у лю-
дей привязанныхъ къ земному; то, при пересчи-
сленіи всего, что могъ бы сказать я къ чести его
изъ временъ преждебывшихъ, явился бы у меня но-
вый списокъ проевъ, и я ни въ семъ не уступилъ
бы преимуществу исторіямъ, но самъ имѣлъ бы то
преимущество, что сталъ бы хвалиться не вымысла-
ми и баснями, а дѣйствительными событіями, сви-
дѣтели которыхъ многочисленны. Ибо о предкахъ
его съ отцовой стороны представляетъ намъ Понтъ
множество такихъ сказаній, которыя ни чѣмъ не
маловажнѣ древнихъ понтійскихъ чудесъ, какими
наполнены писанія историковъ и стихотворцевъ. А
почтенныя Каппадокіане — эта и мнѣ родная сто-
рона, не меньше отличающаяся благородными юно-
шами, какъ и хорошими породами коней, предста-
вить много такого, по чему и матерній его родъ
можемъ сравнять съ отцевымъ. Да и въ которомъ
изъ двухъ родовъ или чаще или выше примѣры
военачальства, народоправленія, могущества при

(3)

царскихъ дворахъ, также богатства, высоты престоловъ, гражданскихъ почестей, блистательнаго краснорѣчія? Если бы захотѣли мы говорить о нихъ, что можно; то оказались бы ничего незначащими для насъ поколѣнія Пелопса, Кекропса, Алкмеона, Аякса, Иракла, и другія знаменитѣйшія въ ихъ древности. Инымъ нечего сказать гласно о собственныхъ дѣлахъ, потому прибѣгаютъ къ безгласному, къ какимъ-то демонамъ и богамъ, и въ похвалу предковъ приводятъ басни, въ которыхъ наиболѣе достойное уваженія не вѣроятно, а вѣроятно оскорбительно. Но поелику у насъ слово о мужѣ, который разсуждаетъ, что о благородствѣ надобно судить по личнымъ достоинствамъ, и что мы должны изображать себя чертами не отъ другихъ заимствованными, когда и красоту лица, и доброту краски, и высокую или низкую породу коня оцѣниваемъ по свойствамъ вещи самой въ себѣ взятой; то, упомянувъ объ одномъ, или о двухъ обстоятельствахъ, касающихся его предковъ, и наиболѣе близкихъ къ его роду жизни, о которыхъ и самъ онъ съ удовольствіемъ бы сталъ слушать, обращусь къ нему самому.

Каждое поколѣніе и каждый членъ въ поколѣніи имѣетъ какое-либо свое отличительное свойство, и о немъ есть болѣе, или менѣе важное сказаніе, которое, получивъ начало во времена отдаленныя или близкія, какъ отеческое наслѣдіе переходитъ въ потомство. Такъ и у Василя отличіемъ отца и матернаго рода было благочестіе; что покажетъ теперь слово.

Настало гоненіе, и изъ гоненій самое ужасное и

тягостное; говорю объ извѣстномъ вамъ гоненіи Максимиана, который, явдсь послѣ многихъ не задолго бывшихъ гонителей, сдѣлалъ, что всѣ они кажутся предъ нимъ челоувѣколюбивыми, — такова была его дерзость, и съ такимъ упорствомъ старался онъ одержать верхъ въ нечестіи! Съ нимъ препирались многіе изъ нашихъ подвижниковъ, и одни подвизались до смерти, а другіе едва не до смерти, для того только оставленные въ живыхъ, чтобъ пережить побѣду, и не окончить жизни вмѣстѣ съ борьбою, но служить для другихъ побудителями къ добродѣтели, живыми мучениками, одушевленными памятниками, безмолвною проповѣдію. Въ числѣ многихъ извѣстныхъ были и предки Василіевы по отцѣ; и какъ они прошли весь путь благочестія, то время сіе доставило прекрасный вѣнецъ ихъ подвигу. Хотя сердце ихъ было готово съ радостію претерпѣть все, за что вѣнчаетъ Христось подражавшихъ собственному Его ради насъ подвигу; однако же они знали, что и самый подвигъ долженъ быть законнымъ. /А законъ мученичества таковъ, чтобы, какъ щадя гонителей и немощныхъ, не выходить на подвигъ самовольно, такъ выпедши не отступать; потому что первое есть дерзость, а последнее — малодушіе. Посему, чтобы и въ этомъ почитать Законодателя, что предприемлютъ они? или лучше сказать, куда ведетъ ихъ Промыслъ, управляющій всѣми ихъ дѣлами? Они убѣгаютъ въ одинъ лѣсъ на понтійскихъ горахъ; а такихъ лѣсовъ у нихъ много, и они глубоки и простираются на большое пространство; убѣгаютъ, имѣя при себѣ весьма не многихъ сопутниковъ въ бѣгствѣ и

(6)

служителей къ пропитанію. Другіе стануть удивляться, частію продолжительности бѣгства, которое, какъ говорятъ, было весьма долговременно, длилось до семи лѣтъ, или даже нѣсколько больше, частію роду жизни для людей жившихъ въ довольствѣ скорбному и, какъ вѣроятно, непривычному, бѣдствованію ихъ на открытомъ воздухѣ отъ стужи, жаровъ и дождей, пребыванію въ пустынѣ, вдали отъ друзей, безъ сообщенія и сношенія съ людьми, что увеличивало злостраданія видѣвшихъ себя прежде окруженными многолюдствомъ и принимавшихъ отъ всѣхъ почитаніе. Но я намѣренъ сказать нѣчто такое, что и сего важнѣе и удивительнѣе, и чему не повѣритъ развѣ тотъ одинъ, кто не почитаетъ важными гоненій и бѣдствій за Христа, потому что худо ихъ знаетъ и понимаетъ весьма превратно.

(7) Мужественные подвижники сіи, утомленные временемъ и наскучивъ своими нуждами, пожелали имѣть что-нибудь и къ услажденію. Впрочемъ, не говорили, какъ Израильтяне, и не были ропотниками, подобными бѣдствовавшимъ въ пустынѣ, послѣ того какъ бѣжали изъ Египта, и говорившимъ, что лучше пустыни для нихъ Египеть, который доставлялъ неисчетное множество котловъ и мяса, а также и всего прочаго, чего нѣтъ въ пустынѣ (Исх. 16, 3.); потому что плинны и брение, по неразумію, были тогда для нихъ ни во что. Напротивъ того, сколько они были благочестивѣе и какую показали вѣру! Ибо говорили: «что невѣроятнаго, если Богъ чудесъ, Который богато пропиталъ въ пустынѣ народъ странствующій и бѣгствующій,

дождилъ хлѣбъ, посылалъ птицъ, подавалъ пищу, не только необходимую, но и роскошную, раздѣлилъ море, остановилъ солнце, пресѣкъ теченіе рѣки (а къ сему присовокупляли они и другія дѣла Божіи; потому что, въ подобныхъ обстоятельствахъ, душа охотно припоминаетъ древнія сказанія и пѣснословить Бога за многія чудеса Его), что невѣроятнаго, продолжали они, если сей Богъ и насъ, подвижниковъ благочестія, препитаетъ нынѣ сладкими снѣдами? Ибо много звѣрей, которые, избѣжавъ трапезы богатыхъ, какая и у насъ бывала нѣкогда, скрываются въ сихъ горахъ, много птицъ годныхъ въ снѣдъ летаетъ надъ нами, которые алчемъ ихъ. И ужели они неуловимы, если Ты только восхощешь?» — Такъ они зывали къ Богу; и явилась добыча, добровольно отдающаяся въ руки снѣдъ, самоуготованное пиршество. Откуда вдругъ взялись на холмахъ олени? И какіе рослые, какіе тучные, какъ охотно поспѣшающіе на закланіе! Можно было почти догадываться, что они негодуютъ, почему не прежде были вызваны. Одни манпли къ себѣ ловцевъ, другіе слѣдовали за ловцами. Но ихъ кто-нибудь гналъ или понуждалъ? — Ни кто. Не бѣжали ли они отъ коней, отъ псовъ, отъ лая и крика, отъ того, что всѣ выходы, по правиламъ ловли, захвачены были молодыми людьми? Нѣтъ, они связаны были молитвою и праведнымъ прошеніемъ. Извѣстна ли кому подобная ловитва въ нынѣшнія или прежнія времена?/И какое чудо! Ловцы сами были распорядителями лова; нужно было только захотѣть имъ, и что нравилось, то взято; а лишнее отослано въ дебри до другой трапезы.

(8)

И вотъ внезапные приготовители снѣдей, вотъ благолѣпная вечеря, вотъ благодарные сопиршественики, имѣющіе уже начатокъ исполненія надеждъ— въ настоящемъ чудѣ! Отсега стали они ревностнѣе и къ тому подвигу, за который получили такую награду.

Таково мое повѣствованіе! Теперь ты, гонитель мой, удивляющійся баснямъ, рассказывай мнѣ о богиняхъ—звѣроловицахъ, объ Оріонахъ и Актеонахъ—несчастныхъ ловцахъ, объ оленѣ замѣнившемъ собою дѣву (а), рассказывай, если честолюбіе твое удовлетворится и симъ, что повѣствованіе твое примемъ не за басню. А продолженіе сказанія весьма гнусно; ибо какая польза отъ такой замѣны, если богиня спасаетъ дѣву, чтобы она научилась убивать странниковъ, въ воздаяніе за челоуѣколюбіе навывъ безчелоуѣчію?

Разсказанное мною происшествіе есть одно изъ многихъ, и оно, какъ разсуждаю, одно стоитъ многихъ. А я описалъ его не съ тѣмъ, чтобы прибавить нѣчто къ Василюевой славѣ. Море не имѣетъ нужды, чтобы вливались въ него рѣки, хотя и вливается въ него множество самыхъ большихъ рѣкъ: такъ и восхваляемый нынѣ не имѣетъ нужды, чтобы другіе приносили что-нибудь отъ себя къ его достохвальности. Напротивъ того мнѣ хотѣлось показать, какіе примѣры имѣлъ онъ предъ собою съ самаго начала, на какіе взиралъ образцы, и сколько ихъ превзошелъ. Если для другихъ важно заимствовать нѣчто къ своей славѣ у предковъ; то для него важ-

(а) Пѣнгению.

нѣ, что, подобно рѣкѣ текущей назадъ, отъ себя присовокупляетъ многое къ славѣ отцевъ.

Супружество Василиевыхъ родителей, состоявшее не столько въ плотскомъ союзѣ, сколько въ равномъ стремленіи къ добродѣтели, имѣло многія отличительныя черты, какъ-то: питаіе нищихъ, страннопріимство, очищеніе души посредствомъ воздержанія, посвященіе Богу части своего имущества; а о послѣднемъ немногіе тогда ревновали, какъ нынѣ, когда обычай сей взошелъ въ силу и уважается по прежнимъ примѣрамъ. Оно имѣло и другія добрыя качества, которыхъ достаточно было, чтобы наполнить слухъ многихъ даже и тогда, когда бы Понтъ и Каппадокія раздѣлили ихъ между собою. Но мнѣ кажется въ немъ самою важною и знаменитою чертою благочадіе. Чтобы одни и тѣ же имѣли и многихъ и добрыхъ дѣтей, тому найдемъ можетъ-быть примѣры въ баснословіи. О родителяхъ же Василиевыхъ засвидѣтельствовалъ намъ дѣйствительный опытъ, что они и сами по себѣ, если бы не сдѣлались родителями такихъ дѣтей, довольно имѣли у себя похвальныхъ качествъ, и имѣя такихъ дѣтей, если бы не преуспѣли столько въ добродѣтели, по одному благочадію превзошли бы всѣхъ. Ежели изъ дѣтей одинъ или двое бываютъ достойны похвалы; то сіе можно приписать и природѣ. Но превосходство во всѣхъ очевидно служитъ къ похвалѣ родившихъ. А сіе показываетъ блаженнѣйшее число (б) іереевъ, дѣвственниковъ и обязавших-

(9)

(б) Всѣхъ дѣтей у родителей Василиевыхъ было десять.

ся супружествомъ , впрочемъ такъ , что супружеская жизнь не воспрепятствовала имъ на-равнѣ съ первыми преуспѣть въ добродѣтели ; напротивъ того они обратили сіе въ избраніе только рода, а не образа жизни.

(10)

Кто не знаетъ Васиіева отца , Васиію—великое для всѣхъ имя ? Онъ достигъ исполненія родительскихъ желаній ; не скажу , что достигъ одинъ ; по крайней мѣрѣ , какъ только достигалъ человекъ . Ибо , всѣхъ превосходя добродѣтелию , въ одномъ только сынѣ нашелъ препятствіе удержать за собою первенство . Кто не знаетъ Еммелію ? Потому ли она предназначена симъ именемъ , что въ-послѣдствіи такою содѣлалась , или потому содѣлалась , что такъ наречена ; но она дѣйствительно была соименна стройности (*εμμελεια*) , или , кратко сказать , то же была между женами , что супругъ ея между мужами . А посему , если надлежало , чтобы похваляемый нами мужъ дарованъ былъ людямъ — послужить , конечно , природѣ , какъ въ древности даруемы были отъ Бога древніе мужи для общей пользы ; то всего приличнѣе было какъ ему произойти отъ сихъ , а не отъ другихъ родителей , такъ и имъ именоваться родителями сего , а не инаго сына . Такъ прекрасно совершилось и стеклоь сіе !

Поелику же начатокъ похвалъ воздали мы упомянутымъ нами родителямъ Васиіевымъ , повинуюсь Божію закону , который повелѣваетъ воздавать всякую честь родителямъ ; то переходимъ уже къ самому Васиію , замѣтивъ напередъ одно , что , думаю , и всякій знавшій его признаетъ справедливо сказаннымъ , а именно , что намѣревающійся хвалить

Василія долженъ имѣть его собственныя уста. Ибо какъ самъ онъ составляетъ достославный предметъ для похвалъ, такъ одинъ силою слова соответству-етъ такому предмету.

Что касается до красоты, крѣпости силъ и величія, чѣмъ, сколько вижу, восхищаются многіе; то сіе уступимъ желающимъ, не потому, чтобы и въ этомъ, пока былъ еще молодъ, и любомудріе не возобладало въ немъ надъ плотію, уступалъ онъ кому либо изъ гордящихся вещами маловажными, и не простирающихся далѣ тѣлеснаго; но уступимъ для того, чтобы не испытать участи неопытныхъ борцевъ, которые, истощивъ силу въ напрасныхъ и примѣрныхъ только борьбахъ, оказываются безсильными для борьбы дѣйствительной и доставляющей побѣду, за которую провозглашаются увѣнчанными. Въ мою похвалу взойдетъ одно то, о чемъ сказавъ, ни мало не думаю показаться излишнимъ и не къ цѣли бросившимъ слово.

Полагаю же, что всякій имѣющій умъ признаетъ первымъ для насъ благомъ ученость, и не только сію благороднѣйшую и нашу ученость, которая, презирая всѣ украшенія и плодовитость рѣчи, е-млется за единое спасеніе и за красоту умосозерцаемую, но и ученость внѣшнюю, которою многіе изъ Христіанъ, по худому разумѣнію, гнушаются, какъ злохудожною, опасною и удаляющею отъ Бога. Небо, землю, воздухъ и все, что на нихъ, не должно презирать за то, что нѣкоторые худо уразумѣли, и вмѣсто Бога воздали имъ божеское поклоненіе. Напротивъ того мы, воспользовавшись въ

нихъ тѣмъ, что удобно для жизни и наслажденія, избѣжимъ всего опаснаго, и не станемъ съ безумцами тварь возставлять противъ Творца, но отъ созданія будемъ заключать о Создателѣ, какъ говорить божественный Апостоль, *плѣняюще всякъ разумъ* во Христа (2 Кор. 10, 5.). Также объ огнѣ, о пищѣ, о желѣзѣ и о прочемъ не лѣзя сказать, что которая-либо изъ сихъ вещей сама по себѣ или всего полезнѣе, или всего вреднѣе; но сіе зависить отъ произвола употребляющихъ. Даже между пресмыкающимися гадами есть такіе, что мы примѣшиваемъ ихъ въ цѣлебные составы. Такъ и въ наукахъ мы заимствовали изслѣдованія и умозрѣнія, но отринули все то, что ведетъ къ демонамъ, къ заблужденію и во глубину погибели. Мы извлекали изъ нихъ полезное даже для самаго благочестія, чрезъ худшее научившись лучшему, и немощь ихъ обративъ въ твердость нашего ученія. Посему не должно унижать ученость, какъ разсуждаютъ о семъ нѣкоторые; а напротивъ того надобно призвать глупыми и невѣждами тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостаткѣ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣгать обличенія въ невѣжество. Но предложивъ и утвердивъ сіе общимъ согласіемъ, начнемъ обзрѣвать жизнь Василиеву.

(12) Первый возрастъ Василиевъ, подъ руководствомъ великаго отца, въ лицѣ котораго Понтъ предлагалъ общаго наставника добродѣтели, повить былъ пленами и образованъ въ лучшее и чистѣйшее созданіе, которое божественный Давидъ прекрасно называетъ *дневнымъ* и противоположнымъ *ночному*

(Пс. 138, 16.). Подъ симъ-то руководствомъ чудный Василій обучается дѣлу и слову, которыя вмѣстѣ въ немъ возрастаютъ и содѣйствуютъ другъ другу. Онъ не хвалится какой-либо Фессалійской и горной пещерою, какъ училищемъ добродѣтели, или какимъ-нибудь высокоумнымъ Кентавромъ — учителемъ ихъ ироевъ, не учится у него стрѣлять зайцевъ, обгонять козъ, ловить оленей, одерживать побѣду въ ратоборствахъ, или лучшимъ образомъ обѣзжать коней, употребляя одного и того же вмѣсто коня и учителя, не вскармливается, по баснословію, мозгами оленей и львовъ; напротивъ того изучаетъ первоначальный кругъ наукъ и упражняется въ богочестіи, короче сказать, самими первыми уроками ведется къ будущему совершенству. Ибо тѣ, которые преуспѣли или въ дѣлахъ, оставивъ слово, или въ словѣ, оставивъ дѣла, ничѣмъ, какъ мнѣ кажется, не отличаются отъ одноглазыхъ, которые терпятъ большой ущербъ, когда сами смотрятъ, а еще болѣшій стыдъ, когда на нихъ смотрятъ. Но кто можетъ преуспѣть въ томъ и другомъ и стать ободесноручнымъ, тому возможно быть совершеннымъ, и въ сей жизни вкушать тамошнее блаженство. Итакъ благотѣльно было для Василія, что онъ дома имѣлъ образецъ добродѣтели, на который взирая, скоро сталъ совершеннымъ. И какъ видимъ, что молодые кони и тельцы съ самаго рожденія скачутъ за своими матерями; такъ и онъ съ рьяностію молодого коня стремился за отцемъ, и не отставалъ въ высокихъ порывахъ добродѣтели, но какъ-бы въ рисунокъ (если угодно другое сравненіе) проявлялъ будущую красоту добродѣтели, и до наступленія

времени строгой жизни предназначивалъ, что нужно для сея жизни.

(13)

Когда же довольно приобрѣлъ онъ здѣшней учености; а между тѣмъ надобно было, чтобы не ускользнуло отъ него ни что хорошее, и чтобы ему ни въ чемъ не отстать отъ трудолюбивой пчелы, которая со всякаго цвѣтка собираетъ самое полезное: тогда поспѣшаетъ онъ въ Кесарію для поступленія въ тамошнія училища. Говорю же о Кесаріи знаменитой и нашей (потому что она и для меня была руководительницею и наставницею въ словѣ), которую такъ же можно назвать митрополиею наукъ, какъ и митрополиею городовъ, къ ней принадлежащихъ и ею управляемыхъ. Если бы кто лишилъ ее первенства въ наукахъ; то отнялъ бы у нея самую лучшую ея собственность. Ибо другіе города восхищаются инаго рода украшеніями, или древними, или новыми, чтобы, какъ думаю, было о чемъ рассказать, или на что посмотреть; но отличіе Кесаріи—науки, подобно какъ надпись на оружіи или на повѣсти.

Но о послѣдующемъ пусть рассказываютъ тѣ самые, которые и учили Василія, и насладились его ученостію. Пусть они засвидѣтельствуютъ: каковъ онъ былъ предъ учителями, и каковъ предъ сверстниками; какъ съ одними равнялся, а другихъ превъшалъ во всякомъ родѣ свѣдѣній; какую славу приобрѣлъ въ короткое время и у простолюдиновъ и у первостепенныхъ гражданъ, обнаруживая въ себѣ ученость выше возраста, и твердость нрава выше учености. Онъ былъ риторомъ между роторами

еще до кафедры софиста, философомъ между философами еще до выслушанія философскихъ положеній, а что всего важнѣе, іереемъ для христіанъ еще до священства. Столько всѣ и во всемъ ему уступали! Науки словесныя были для него постороннимъ дѣломъ, и онъ заимствовалъ изъ нихъ то одно, что могло споспѣшествовать нашему любомудрію; потому что нужна сила и въ словѣ, чтобы ясно выразить умопредставляемое. Ибо мысль, не высказывающая себя словомъ, есть движеніе оцѣпенѣвшаго. А главнымъ его занятіемъ было любомудріе, то-есть отрѣшеніе отъ міра, пребываніе съ Богомъ, по мѣрѣ того, какъ чрезъ дальнее восходилъ онъ къ горнему, и посредствомъ непостояннаго и скоропреходящаго приобрѣталъ постоянное и вѣчно-пребывающее.

Изъ Кесаріи самимъ Богомъ и прекрасною алабю познаній ведется Василій въ Византію (городъ первенствующій на Востокѣ); потому что она славилась совершеннѣйшими софистами и философами, отъ которыхъ, при естественной своей остротѣ и даровитости, въ короткое время собралъ онъ все отличнѣйшее; а изъ Византіи — въ Аѣины — обитель наукъ, въ Аѣины, если для кого, то для меня подлинно золотые и доставившіе мнѣ много добраго. Ибо они совершеннѣе ознакомили меня съ симъ мужемъ, который не безызвѣстенъ былъ мнѣ и прежде. Ища познаній, обрѣлъ я счастье, испытавъ на себѣ то же (въ другомъ только отношеніи), что и Саулъ, который, ища отцевыхъ ословъ, нашелъ царство, такъ что придаточное къ дѣлу вышло важнѣе самаго дѣла.

Доселъ благоуспѣшно текло у насъ слово, несясь по гладкому, весьма удобному и дѣйствительно царскому пути похвалъ Василию; а теперь не знаю, на что употребить слово, и къ чему обратиться, потому что слово встрѣчаетъ и стремнины. Ибо, доведя рѣчь до сего времени и касаясь уже онаго, желаю къ сказанному присовокупить нѣчто и о себѣ, остановиться нѣсколько повѣствованіемъ на томъ, отчего, какъ и чѣмъ начавшись, утвердилась наша дружба, или наше единодушіе, или (говоря точнѣе) наше сродство. Какъ взоръ не охотно оставляетъ пріятное зрѣлище, и если отвлекаютъ его насильно, опять стремится къ тому же предмету; такъ и слово любить увлекательныя повѣствованія. Впрочемъ боюсь трудности предпріятія. Попытаюсь же исполнить сіе, сколько можно, умѣреннѣе. А если и увлекусь нѣсколько любовію; то да извинять страсти, которая, конечно, справедливѣе всякой другой страсти, и которой не покориться есть уже потеря для человѣка съ умомъ.

(15) Аѳины приняли насъ, какъ рѣчный потокъ,—насъ, которые, отдѣлясь отъ одного источника, то-есть отъ одного отечества, увлечены были въ разныя стороны любовію къ учености, и потомъ, какъ-бы по взаимному соглашенію, въ самомъ же дѣлѣ по Божію мановенію, опять сошлись вмѣстѣ. Нѣсколько прежде приняли они меня, а потомъ и Василия, котораго ожидали тамъ съ обширными и великими надеждами; потому что имя его, еще до прибытія, повторялось въ устахъ у многихъ, и для всякаго было важно предвосхитить то, что всѣмъ любезно. Но неизлишнимъ будетъ присовокупить къ слову,

какъ-бы нѣкоторую сладость, небольшой рассказъ, въ напомниманіе знающимъ, и въ наученіе незнающимъ.

Весьма многіе и безразсуднѣйшіе изъ молодыхъ людей въ Аѣинахъ, не только незнатнаго рода и имени, но благородные и получившіе уже извѣстность, какъ беспорядочная толпа, по молодости и неудержимости въ стремленіяхъ, имѣютъ безумную страсть къ софистамъ. Съ какимъ участіемъ охотники до коней и любители зрѣлищъ смотрятъ на состязующихся на конскомъ ристалищѣ? Они вскакиваютъ, восклицаютъ, бросаютъ вверхъ землю, сидя на мѣстѣ какъ будто правятъ конями, бьютъ по воздуху пальцами, какъ бичами, запрягаютъ и перепрягаютъ коней, хотя все это нисколько отъ нихъ не зависитъ. Они охотно мѣняются между собою ѣздками, конями, конюшными, распорядителями зрѣлищъ; и кто же это? часто бѣдняки и нищіе, у которыхъ нѣтъ и на день достаточнаго пропитанія. Совершенно такую же страсть питаютъ въ себѣ Аѣинскіе юноши къ своимъ учителямъ и къ соискателямъ ихъ славы. Они заботятся, чтобы и у нихъ было больше товарищей, и учителя чрезъ нихъ обогащались. И что весьма странно и жалко, напередъ уже захвачены города, пути, пристани, вершины горъ, равнины, пустыни, каждый уголокъ Аттики и прочей Греціи, даже большая часть самыхъ жителей; потому что и ихъ считаютъ раздѣленными по своимъ скопищамъ. /Посему какъ скоро появляется кто-нибудь изъ молодыхъ людей, и попадаетъ въ руки имѣющихъ на него притязаніе (попадаетъ же или волею, или неволею); у нихъ существуетъ такой аттичскій законъ, въ которомъ

съ дѣломъ смѣшивается шуточное. Новоприбывшій вводится для жительства къ одному изъ прїѣхавшихъ прежде него, другу, или сроднику, или одноплеменнику, или кому-либо изъ отличившихся въ софистикѣ и доставляющихъ доходъ учителямъ, за что у нихъ находится въ особой чести; потому что для нихъ и то уже награда, чтобы имѣть приверженныхъ къ себѣ. Потомъ новоприбывшій терпитъ насмѣшки отъ всякаго желающаго. И сіе, полагаю, заведено у нихъ съ тѣмъ, чтобы сократить высокоуміе поступающаго вновь, и съ самаго начала взять его въ свои руки. Шутки однихъ бываютъ дерзки, а другихъ—болѣе остроумны; сіе соображается съ грубостію или образованностію новоприбывшаго. Такое обхожденіе тому, кто не знаетъ, кажется очень страшнымъ и немилосерднымъ, а тому, кто знаетъ напередъ, оно весьма прїятно и снисходительно; потому что представляющееся грознымъ дѣлается большею частію для вида, а не дѣйствительно таково. Потомъ новоприбывшаго въ торжественномъ сопровожденіи чрезъ площадь отводятъ въ баню. И это бываетъ такъ: ставъ порядкомъ попарно и въ растояніи другъ отъ друга, идутъ впереди молодаго человѣка до самой бани. А подходя къ ней, поднимаютъ громкій крикъ и начинаютъ плясать, какъ изступленные; крикомъ же означается, что не лзя имъ идти впереди, но должно остановиться, потому что баня не принимаетъ. И въ то же время, выломивъ двери, и громомъ приведя въ страхъ вводимаго, дозволяютъ ему наконецъ входить, и потомъ даютъ ему свободу, встрѣчая изъ бани, какъ человѣка съ пиди равнаго и включеннаго

въ ихъ собратство; и это мгновенное освобожденіе отъ огорченій и прекращеніе оныхъ, во всемъ обрядѣ посвященія, есть самое пріятное.

А я своего великаго Василя не только самъ принималъ тогда съ уваженіемъ, потому что провидѣлъ въ немъ твердость нрава и зрѣлость въ понятіяхъ, но такимъ же образомъ обходиться съ нимъ убѣдилъ и другихъ молодыхъ людей, которые не имѣли еще случая знать его; многими же былъ онъ уважаемъ съ самаго начала по предварительнымъ слухамъ. Чтò же было слѣдствіемъ сего? Почти онъ одинъ изъ прибывшихъ избѣжалъ общаго закона, и удостоенъ высшей чести, не какъ новопоступающій. И сіе было начаткомъ нашей дружбы. Отсюда первая искра нашего союза. Такъ уязвились мы любовію другъ къ другу.

Потомъ присоединилось и слѣдующее обстоятельство, о которомъ также не прилично умолчать. Примѣчаю въ Армянахъ, что они люди не простодушные, но весьма скрытные и непроницаемые. Такъ и въ сіе время нѣкоторые изъ числа болѣе знакомыхъ и дружныхъ съ Василемъ, еще по товариществу отцевъ и прадѣдовъ, которымъ случилось учиться въ одномъ училищѣ, приходять къ нему съ дружескимъ видомъ (дѣйствительно же приведены были завистію, а не благорасположеніемъ), и предлагаютъ ему вопросы болѣе спорные, нежели разумные. Давно зная даровитость Василя, и не терпя тогдашней его чести, они покушались съ перваго приѣма подчинить его себѣ. Ибо несносно было, что прежде него облекшіеся въ философскій плащъ и навывкующіе метать словами не имѣютъ никакого преимущества

(17)

+

предъ иноземцемъ и недавно прибывшимъ А я, человекъ привязанный къ Аѳинамъ и недалновидный (потому что, въря наружности, не подозрѣвалъ зависти), когда стали они ослабѣвать и обращаться уже въ бѣгство, возревновалъ о славѣ Аѳинъ, и чтобы не пала она въ лицѣ ихъ и не подверглась скоро прѣзрѣнiю, возобновивъ бесѣду, подкрѣпилъ молодыхъ людей, и придавъ имъ вѣса своимъ вмѣшательствомъ (въ подобныхъ же случаяхъ и малая поддержка можетъ все сдѣлать) ввелъ, какъ говорится, равныя силы въ битву. Но какъ скоро понялъ я тайную цѣль собесѣдованiя, потому что невозможно стало скрывать ее долѣе, и она сама собою ясно обнаружилась; тогда, употребивъ нечаянный изворотъ, перевернулъ я корму, и ставъ за одно съ Василиемъ, сдѣлалъ побѣду сомнительною. Василiй же понялъ дѣло тотчасъ; потому что былъ пронизителенъ, сколько едва ли кто другой; и исполненный ревности (опишу его совершенно Омировымъ слогомъ), словомъ своимъ приводилъ въ замѣшательство ряды сихъ отважныхъ, и не прежде пересталъ поражать силлогизмами, какъ принудивъ къ совершенному бѣгству и рѣшительно взявъ надъ ними верхъ. Этотъ второй случай возжигаетъ въ насъ уже не искру, но свѣтлый и высокiй пламенникъ дружбы. Они же удалились безъ успѣха, не мало укоряли самихъ себя за опрометчивость, но сильно досадовали на меня, какъ на злоумышленника, и объявили мнѣ явную вражду, обвиняли меня въ измѣнѣ, говоря, что я предалъ не ихъ только, но и самые Аѳины, потому что они низложены при первомъ покушенiи и пристыждены однимъ человекомъ,

которому самая новость не позволяла бы на сіе отважиться.

Но такова человѣческая немощь! Когда, надѣясь великаго, вдругъ получаемъ ожидаемое; тогда кажется сіе намъ ниже составленнаго мнѣнія. И Василій подвергся сей же немощи, сдѣлался печаленъ, сталъ скорбѣть духомъ, и не могъ одобрить самъ себя за прїездъ въ Аѳины, искалъ того, на что питалъ въ себѣ надежды, и называлъ Аѳины обманчивымъ блаженствомъ. Въ такомъ онъ былъ положеніи; и я разсѣялъ большую часть скорби его; то представлялъ доказательства, то къ доказательствамъ присоединялъ ласки, рассуждая (конечно и справедливо), что, какъ нравъ человѣка можетъ быть извѣданъ не вдругъ, но только съ продолженіемъ времени и при обращеніи совершенно короткомъ, такъ и ученость познается не по немногимъ и не по маловажнымъ опытамъ. Сямъ привелъ я его въ спокойное расположеніе духа, и послѣ взаимныхъ опытовъ дружбы, больше привязалъ: (19) его къ себѣ. Когда же, по прошествіи нѣкотораго времени, открыли мы другъ другу желанія свои и предметъ оныхъ — любомудріе; тогда уже стали мы другъ для друга все — и товарищи, и сотрапезники, и родные; одну имѣя цѣль, мы непрестанно возрастали въ пламенной любви другъ къ другу. Ибо любовь плотская и привязана къ скоропреходящему, и сама скоро проходитъ, и подобна весеннимъ цвѣтамъ. Какъ пламень, по истребленіи имъ вещества, не сохраняется, но угасаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что горѣло; такъ и страсть сія не продолжается послѣ того, какъ увянетъ воспламенив-

шее ее. Но любовь по Богу и цѣломудренная, и предметомъ имѣетъ постоянное, и сама продолжительна. Чѣмъ большая представляется красота имѣющимъ такую любовь, тѣмъ крѣпче привязываетъ къ себѣ и другъ къ другу любящихъ одно и тоже. Таковъ законъ любви, которая превышаетъ насъ!

Чувствую, что увлекаюсь за предѣлы времени и мѣры; самъ не знаю, какимъ образомъ встрѣчаюсь съ сими реченіями; но не нахожу средствъ удержаться отъ повѣствованія. Ибо, какъ скоро миную что-нибудь, оно мнѣ представляется необходимымъ и лучшимъ того, что было избрано мною прежде. И если бы кто силою повлекъ меня прочь; то со мною произошло бы то же, что бываетъ съ полипами, съ составомъ которыхъ такъ крѣпко сцѣплены камни, что когда снимаешь ихъ съ ложа, не иначе можешь оторвать, развѣ отъ усилія твоего или часть полипа останется на камнѣ, или камень оторвется съ полипомъ. Посему, если кто мнѣ уступить, имѣю искомое; а если нѣтъ, буду заимствовать самъ у себя.

(20) Въ такомъ расположеніи другъ къ другу, такими золотыми столпами, какъ говорить Пиндаръ, подперши чертогъ добростѣнный, простирались мы впередъ, имѣя содѣйственниками Бога и свою любовь. О, перенесу ли безъ слезъ воспоминаніе объ этомъ! Нами водили равныя надежды и въ дѣлѣ самомъ завидномъ — въ ученіи. Но далека была отъ насъ зависть, усерднѣйшими же дѣлало соревнованіе. Оба мы домогались не того, чтобы которому-либо изъ насъ самому стать первымъ, но какимъ бы образомъ уступить первенство другъ другу; потому что каждый изъ насъ славу друга почиталъ соб-

ственной своею. Казалось, что одна душа въ обоихъ поддерживаетъ два тѣла. И хотя не заслуживаютъ вѣроятія утверждающіе, что все разлито во всемъ: однако же должно повѣрить намъ, что мы были одинъ въ другомъ и одинъ у другаго. У обоихъ насъ одно было упражненіе — добродѣтель, и одно усиліе — до отшествія отсюда, отрѣшаясь отъ здѣшняго, жить для будущихъ надеждъ. Къ сей цѣли направляли мы всю жизнь и дѣятельность, и заповѣдію къ тому руководимые, и поощравшіе другъ друга къ добродѣтели. И если не много будетъ сказать такъ, мы служили другъ для друга правиломъ и отвѣсомъ, съ помощію которыхъ распознается, что прямо и что не прямо. Мы вели дружбу и съ товарищами, но не съ наглыми, а съ цѣломудренными, не съ задорными, а съ миролюбивыми, съ которыми можно было не безъ пользы сойдтись; ибо мы знали, что легче заимствовать порокъ, нежели передать добродѣтель, такъ какъ скорѣе заразишься болѣзнію, нежели сообщишь другому свое здоровье. Что касается до уроковъ, то мы любили не столько пріятнѣйшіе, сколько совершеннѣйшіе: потому что и сіе способствуетъ молодымъ людямъ къ образованію себя въ добродѣтели, или въ порокъ. Намъ извѣстны были двѣ дороги: одна — это первая и превосходнѣйшая, вела къ нашимъ священнымъ храмамъ и къ тамошнимъ учителямъ; другая — это вторая и неравнаго достоинства съ первою, вела къ наставникамъ наукъ виѣшнихъ. Другія же дороги — на праздники, въ зрѣлища, въ народныя стеченія, на пиршества, представляли мы желающимъ. Ибо и вниманія достой-

(21)

нымъ не почитаю того, что не ведетъ къ добродѣтели, и не дѣлаетъ лучшимъ своего любителя. У другихъ бываютъ иныя прозванія, или отцевскія, или свои, по роду собственнаго званія и занятія; но у насъ одно великое дѣло и имя — быть и именоваться христіанами. И симъ хвалились мы больше, нежели Гигесъ (положимъ, что это не баснь) обращеніемъ перстня, посредствомъ котораго сталъ онъ царемъ Лидійскимъ, или Мидасъ золотомъ, отъ котораго онъ погибъ, какъ скоро получилъ исполненіе желанія, и сталъ (это другая Фригійская баснь) все обращать въ золото. Что же сказать мнѣ о стрѣлѣ иперборейца Авариса или объ Аргивскомъ пегасѣ, на которыхъ не лзя было такъ высоко подняться въ воздухъ, какъ высоко мы одинъ при посредствѣ другаго и другъ съ другомъ воспаряли къ Богу? Или выразиться короче? Хотя для другихъ (не безъ основанія думаютъ такъ люди благочестивые) душепагубны Аѣины; потому что изобилуютъ худымъ богатствомъ — идолами, которыхъ тамъ больше, нежели въ цѣлой Элладѣ, такъ что трудно не увлечься за другими, которые ихъ защищаютъ и хвалятъ: однако же не было отъ нихъ ни какого вреда для насъ, сжавшихъ и заградившихъ сердце. Напротивъ того (если нужно сказать и то, что нѣсколько необыкновенно), живя въ Аѣинахъ, мы утверждались въ вѣрѣ; потому что узнали обманчивость и лживость идоловъ, и тамъ научились презирать демоновъ, гдѣ имъ удивляются. И ежели дѣйствительно есть, или въ одномъ народномъ вѣрованіи существуетъ, такая рѣка, которая сладка, когда течетъ и чрезъ море, и такое

животное, которое прыгаетъ и въ огнѣ все истребляющемъ; то мы походили на это въ кругу своихъ сверстниковъ. А всего прекраснѣе было то, что и (22) окружающее насъ собратство не было неблагородно, какъ наставляемое и руководимое такимъ вождемъ, какъ восхищающееся тѣмъ же, чѣмъ восхищался Василій, хотя намъ слѣдовать за его пареніемъ и жизнью значило то же, что пѣшимъ поспѣвать за Лидійской колесницей.

Чрезъ сіе самое приобрѣли мы извѣстность не только у своихъ наставниковъ и товарищей, но и въ цѣлой Элладѣ, особливо у знатнѣйшихъ мужей Эллады. Слухъ о насъ доходилъ и за предѣлы ея, какъ сдѣлалось это явно изъ разказа о томъ многихъ. Ибо кто только зналъ Аѳины, тотъ слышалъ и говорилъ о нашихъ наставникахъ; а кто зналъ нашихъ наставниковъ, тотъ слышалъ и говорилъ о насъ. Для всѣхъ мы были и слыли безызвѣстною четою, и въ сравненіи съ нами ничего не значили ихъ Оресты и Пилалы, ихъ Моліониды, прославленные Омиромъ, и которымъ извѣстность доставили общія несчастія и искусство править колесницей, дѣйствуя вмѣстѣ браздами и бичемъ. Но я неприятно увлекся въ похвалы самому себѣ, хотя никогда не принималъ похвалъ отъ другихъ. И ни мало не удивительно, если и въ этомъ отношеніи приобрѣлъ я нѣчто отъ его дружества, если, какъ отъ живаго пользовался уроками добродѣтели, такъ отъ преставившагося пользуюсь случаемъ говорить въ похвалу свою.

Снова да обратится слово мое къ цѣли. Кто, еще (23) до сѣдны, столько былъ сѣдъ разумомъ? Ибо въ

этомъ поставляетъ старость и Соломонъ (Притч. 4, 9.). Кто, не только изъ нашихъ современниковъ, но и изъ жившихъ задолго до насъ, столько былъ уважаемъ и старыми и юными? Кому, по причинѣ назидательной жизни, были менѣе пужны слова? и кто, при назидательной жизни, обладалъ въ большей мѣрѣ словомъ? Какого рода наукъ не проходилъ онъ? Лучше же сказать: въ какомъ родѣ наукъ не успѣлъ съ избыткомъ, какъ-бы занимавшійся этой одной наукой? Такъ изучилъ онъ все, какъ другой не изучаетъ одного предмета; каждую науку изучилъ онъ до такого совершенства, какъ-бы не учился ничему другому. У него не отставали другъ отъ друга и прилежаніе и даровитость, въ которыхъ знанія и искусства почерпаютъ силу. Хотя при напряженіи своемъ всего меньше имѣлъ онъ нужды въ естественной быстротѣ, а при быстротѣ своей всего меньше нуждался въ напряженіи; однако же до такой степени совокуплялъ и приводилъ къ единству то и другое, что не извѣстно, напряженіемъ ли, или быстротою, наиболѣе онъ удивителенъ. /Кто сравнится съ нимъ въ риторствѣ, дышащемъ силою огня, хотя нравами не походилъ онъ на раторовъ? Кто, подобно ему, приводитъ въ надлежащія правила грамматику или языкъ, сводитъ исторію, владѣетъ мѣрами стиха, даетъ законы стихотворству? Кто былъ такъ силенъ въ философіи — въ философіи дѣйствительно возвышенной и простирающейся въ горнее, то-есть въ дѣятельной и умозрительной, а равно и въ той ея части, которая занимается логическими доводами и противоположеніями, а также состязаніями, и назы-

вается діалектикою? Ибо легче было выйдти изъ лабиринта, нежели избѣжать сѣтей его слова, когда находилъ онъ сіе нужнымъ. Изъ астрономіи же, геометріи и науки объ отношеніи числъ изучивъ столько, чтобы искусные въ этомъ не могли приводить его въ замѣшательство, отринувъ онъ все излишнее, какъ бесполезное для желающихъ жить благочестиво. И здѣсь можно подивиться какъ избранному болѣе, нежели отринутому, такъ и отринутому болѣе, нежели избранному. Врачебную науку — этотъ плодъ любомудрія и трудолюбія — содѣлали для него необходимою и собственные тѣлесные недуги и хожденіе за больными; начавъ съ послѣдняго, дошелъ онъ до навыка въ искусствѣ, и изучилъ въ немъ не только занимающееся видимымъ и долу лежащимъ, но и собственно относящееся къ наукѣ и любомудрію. Впрочемъ все сіе, сколько оно ни важно, значить ли что-нибудь въ сравненіи съ нравственнымъ обученіемъ Василія? Кто знаетъ его изъ собственнаго опыта, для того не важны тотъ Миносъ и Радамантъ, которыхъ Эллины удостоили златоцвѣтныхъ луговъ и елисейскихъ полей, имѣя въ представленіи нашъ рай, извѣстный имъ, какъ думаю, изъ Моисеевыхъ и нашихъ книгъ, хотя и разошлись съ нами нѣсколько въ наименованіи, изобразивъ то же самое другими словами.

1241

Въ такой степени приобрѣлъ онъ все сіе; это былъ корабль столько нагруженный ученостію, сколько сіе вмѣстительно для человѣческой природы; потому что далѣе Кадикса и пути нѣтъ. Но намъ должно уже было возвратиться домой, всту-

пить въ жизнь болѣе совершенную, принятыя за исполненіе своихъ надеждъ и общихъ предначертаній. Насталъ день отъѣзда, и какъ обыкновенно при отъѣздахъ, начались прощальныя рѣчи, проводы, упрашиванія остаться, рыданія, объятія, слезы. А никому и ничто не бываетъ такъ прискорбно, какъ Аѣинскимъ совоспитанникамъ разставаться съ Аѣинами и другъ съ другомъ. Дѣйствительно происходило тогда зрѣлище жалостное и достойное описанія. Насъ окружала толпа друзей и сверстниковъ, были даже нѣкоторые изъ учителей; они увѣряли, что ни подъ какимъ видомъ не отпустятъ насъ, просили, убѣждали, удерживали силою. И какъ свойственно сѣтующимъ, чего не говорятъ они, чего не дѣлають? Обвиню при этомъ нѣсколько самъ себя; обвиню (хотя это и смѣло) и сію божественную и неукоризненную душу. Ибо Василій, объяснивъ причины, по которымъ непременно хочеть возвратиться на родину, превозмогъ удерживавшихъ, и они, хотя принужденно, однако же согласились на его отъѣздъ. А я остался въ Аѣинахъ, потому что отчасти (надобно сказать правду) самъ былъ тронуть просьбами, а отчасти онъ меня предалъ и далъ себя уговорить, чтобъ оставить меня, не желавшаго съ нимъ разстаться, и уступить влекущимъ, — дѣло до совершенія своего невѣроятное! Ибо сіе было то же, что разсѣчь на двое одно тѣло, и умертвить насъ обоихъ, или то же, что разлучить тельцевъ, которые, будучи вмѣстѣ вскормлены и пріучены въ одному ярму, жалобно мычатъ другъ о другъ и не терпятъ разлуки. Но моя утрата была не долговременна; я не выдержалъ

долѣе того, чтобы представлять изъ себя жалкое зрѣлище и всякому объяснять причину разлученія. Напротивъ того, не много времени пробылъ я еще въ Аѳинахъ, а любовь сдѣлала меня Омировымъ конемъ; расторгнувъ узы удерживающихъ, оставляю за собою равнины и несусь къ товарищу.

—(25)

Когда же возвратились мы въ дома, уступивъ нѣчто міру и зрѣлищу, чтобы удовлетворить только желанію многихъ (потому что сами по себѣ не имѣли расположенія жить для зрѣлища и на показъ); тогда, какъ можно скорѣе, вступаемъ въ свои права, и изъ юношей дѣлаемся мужами, мужественно приступая къ любомудрію. И хотя еще не вмѣстѣ другъ съ другомъ, потому что до сего не допускала зависть, однако же неразлучны мы были взаимною любовію. Василия, какъ втораго своего строителя и покровителя, удерживаетъ Кесарійскій городъ, а потомъ занимаютъ нѣкоторыя путешествія, необходимыя по причинѣ разлуки со мною и согласныя съ предположенною имъ цѣлю — любомудріемъ. А меня отводили отъ Василія благоговѣніе къ родителямъ, попеченіе о сихъ старцахъ и постигшія бѣдствія. Можетъ-быть сіе было не хорошо и несправедливо; однако же я удаленъ былъ отъ Василія; и думаю, не отъ сего ли на меня пали всѣ неудобства и затрудненія въ жизни, не отъ сего ли мое стремленіе къ любомудрію не удачно и мало соотвѣтственно желанію и предположенію. Впрочемъ, да устроится жизнь моя, какъ угодно Богу, и о если бы по молитвамъ Василіевымъ она устроилась лучше!

Василія же Божіе многообразное челоѡколюбіе и
Т. IV.

смотря о нашемъ родѣ, извѣдавъ во многихъ встрѣтившихся между тѣмъ обстоятельствахъ и показавъ болѣе и болѣе свѣтлымъ, поставляетъ знаменитымъ и славнымъ свѣтильникомъ Церкви, сопричисливъ пока къ священнымъ престоламъ пресвитерства, и чрезъ одинъ градъ—Кесарію возжигаетъ его для цѣлой вселенной. И какимъ образомъ? Не спѣшно возводитъ его на степень, не вмѣстѣ и омываетъ и умудряетъ, что видимъ нынѣ на многихъ желающихъ предстоительства, удостоиваетъ же чести по порядку и по закону духовнаго восхожденія. Ибо не хвалю безпорядка и неустройства, какіе у насъ; а есть сему примѣры и между предсѣдателями церковными (не осмѣлюсь обвинять всѣхъ, да сіе и не справедливо). Хвалю же законъ мореходцевъ, по которому управляющему теперь кораблемъ сперва дано было весло, а отъ весла возведенъ онъ на корму, и исполнивъ первыя порученія, послѣ многихъ плаваній по морю, послѣ долговременнаго наблюденія вѣтровъ, посаженъ у кормила. Тотъ же порядокъ и въ военномъ дѣлѣ: сперва воинъ, потомъ начальникъ отряда, наконецъ военачальникъ. И это самый лучший и полезный для подначальныхъ порядокъ. И наше дѣло было бы гораздо достоуважаемѣе, если бы соблюдалось то же. А теперь есть опасность, чтобы самый святѣйшій чинъ не содѣлался у насъ наиболѣе осмѣиваемымъ; потому что предсѣдательство пріобрѣтается не добродѣтелию, но происками, и престолы занимаются не достойнѣйшими, но сильнѣйшими. Самуилъ видящій, *яже на преди* (Ис. 41, 26), во пророкахъ, но также и Сауль отверженный. Ровоамъ, Соломо

новъ сынъ, царемъ; но также и Иероваамъ, рабъ и отступникъ. Нѣтъ ни врача, ни живописца, который бы прежде не вникалъ въ свойства недуговъ, или не смѣшивалъ разныхъ красокъ, или не рисовалъ. А председатель въ Церкви удобно выискивается; не трудившись, не готовившись къ сану, едва посѣянъ, какъ уже и выросъ, подобно исполинамъ въ баснѣ. Въ одинъ день производимъ мы во святые, и велимъ быть мудрыми тѣмъ, которые ничему не учились, и кромѣ одного произволенія, ничего у себя не имѣють, восходя на степень. Низкое мѣсто любить и смиренно стоять, кто достоинъ высокой степени, много занимался Божиимъ словомъ, и многими законами подчинилъ плоть духу. А надменный председательствуетъ, поднимаетъ бровь противъ лучшихъ себя, безъ трепета восходитъ на престоль, не ужасается, видя воздержнаго внизу. Напротивъ того, думаетъ, что, получивъ могущество, сталъ онъ и премудрѣе, — такъ мало знаетъ онъ себя, до того власть лишила его способности разсуждать!

Но не таковъ былъ многообъемлющій и великій Василій. Онъ служитъ образцемъ для многихъ, какъ всѣмъ прочимъ, такъ соблюденіемъ порядка и въ этомъ. Сей истолкователь священныхъ книгъ сперва читаетъ ихъ народу, и сію степень служенія алтарю не считаетъ для себя низкой; потомъ на *сѣдалищи старецъ* (а), потомъ въ санѣ епископовъ *хвалитъ* Господа (Пс. 106, 32.), не вос-

(а) Пресвитеровъ.

хитивъ, не силою присвоивъ власть, не гонясь за честію, но самъ преслѣдуемый честію, и не человѣческою воспользовавшись милостію, но отъ Бога, и Божію пріявъ благодать.

(28) Но да помедлить слово о предсѣдательствѣ; предложимъ же нѣчто о низшей степени его служенія. Каково напримѣръ и сіе, едва не забытое мною и случившееся въ продолженіе описываемаго времени? У правившаго Церковію (б) прежде Василія произошло съ нимъ несогласіе; отъ чего и какъ, лучше о томъ умолчать; довольно сказать, что произошло. Хотя Епископъ былъ мужъ во всемъ прочемъ не недоблественный, даже чудный по благочестію, какъ показало тогдашнее гоненіе (в) и возстаніе противъ него; однако же въ-разсужденіи Василія подвергся онъ человѣческой немощи. Ибо безславное касается не только людей обыкновенныхъ, но и самыхъ превосходныхъ; и единому Богу свойственно быть совершенно непреткновеннымъ и не увлекаться страстьми. Итакъ противъ него (г) возстаютъ избраннѣйшіе и наиболѣе мудрые въ Церкви, если только премудрѣ многихъ тѣ, которые отлучили себя отъ міра и посвятили жизнь Богу, — я разумѣю нашихъ Назореевъ, особенно ревнующихъ о подобныхъ дѣлахъ. Для нихъ было тя-

(б) Евсевій, Епископъ Кесарійскій. Объ избраніи и возведеніи его на кесарійскій престолъ см. Твор. Св. Отц. Т. 2. стр. 134.

(в) Отъ Аріанъ, при Императорѣ Валентѣ.

(г) Противъ Епископа Евсевія.

гостно, что презирается ихъ могущество, оскорбленное и отринутое, и они отваживаются на самое опасное дѣло, замышляютъ отступить и отторгнуться отъ великаго и безмятежнаго тѣла Церкви, отсѣвши и немалую часть народа изъ низкаго и высокаго сословія. И сіе было весьма удобно сдѣлать по тремъ самымъ сильнымъ причинамъ. Василій былъ мужъ уважаемый, и едва ли кто другой изъ нашихъ любомудрцевъ пользовался такимъ уваженіемъ; если бы захотѣлъ, онъ имѣлъ столько силъ, что могъ бы придать смѣлости своимъ защитникамъ. А оскорбившій его находился въ подозрѣніи у города за смятеніе, происшедшее при возведеніи его на престолъ, такъ какъ и санъ предстоятеля полученъ имъ былъ не столько законно и согласно съ правилами, сколько насильственно. Явились также нѣкоторые изъ западныхъ архіереевъ, и они привлекали къ себѣ всѣхъ православныхъ въ Церкви. Что же предпріемлетъ сей доблестный ученикъ Миротворца? Не ему было противоборствовать и оскорбителямъ и ревнителямъ, не его было дѣло заводить прю и расторгать тѣло Церкви, которая была уже борима и находилась въ опасномъ положеніи отъ тогдашняго преобладанія еретиковъ. Употребивъ въ совѣщаніе о семъ меня, искренняго совѣтника, со мною же вмѣстѣ предается онъ бѣгству, удаляется отсюда въ Понтъ, и настоятельствуетъ въ тамошнихъ обителяхъ, учреждаетъ же въ нихъ нѣчто достойное памятованія, и лобызаетъ пустыню вмѣстѣ съ Илією и Іоанномъ, великими хранителями любомудрія, находя сіе болѣе для себя полезнымъ, нежели въ настоящемъ дѣлѣ замыслить что

(29.)

нибудь недостойное любомудрія, и, во время тишины приучившись управлять помыслами, нарушить сіе среди бури.

(30) Но хотя отшельничество его было столь любомудренно и чудно; однако же возвращеніе найдемъ еще болѣе превосходнымъ и чуднымъ. Оно произошло слѣдующимъ образомъ. / Когда мы были въ Понтѣ; поднялась вдругъ градоносная туча, угрожающая пагубою; она сокрушала всѣ Церкви, надъ которыми разражалась, и на которыя простиралъ власть свою златолюбивѣйшій и христоненавистнѣйшій царь, одержимый сими двумя тяжкими недугами — ненасытностію и богохульствомъ, — этотъ послѣ гонителя гонитель, и послѣ отступника хотя не отступникъ, однако же ни чѣмъ не лучшій для христіанъ, особливо же для тѣхъ изъ христіанъ, которые благочестивѣе и чище, — для поклонниковъ Троицы, — что одно и называю я благочестіемъ и спасительнымъ ученіемъ. Ибо мы не взвѣшиваемъ Божества, и единое неприступное Естество не дѣлаемъ чуждымъ для самаго Себя, вводя въ Него инородныя особства; не врачуемъ зла зломъ, и безбожнаго Савелліева сокращенія не уничтожаемъ еще болѣе нечестивымъ раздѣленіемъ и сѣченіемъ, болѣзную которымъ, сомнительный неистовству Арій поколебалъ и растлилъ великую часть Церкви, и Отца не почитивъ, и обезчестивъ Тѣхъ, Которые отъ Отца, введеніемъ неравныхъ степеней Божества. Напротивъ того мы знаемъ единую славу Отца — равночестіе съ Нимъ Единороднаго, и единую славу Сына — равночестіе съ Нимъ Духа. Чѣствуя и признавая Трехъ по личнымъ свойствамъ и Еди-

наго по Божеству, мы разсуждаемъ, что унижить Единое изъ Трехъ значитъ испровергнуть все. Но этотъ царь, ни мало не помышляя о томъ, будучи не въ состояннн простираетъ взоръ горъ, а напротивъ того низводимый ниже и ниже своими совѣтниками, осмѣлился унижить съ собою и Божеское естество. Онъ дѣлается лукавою тварію, низводитъ господство до рабства, и поставивъ на ряду съ тварію Естество несозданное и превысшее времени.) (31) Такъ онъ мудрствуетъ, и съ такимъ нечестіемъ вооружается на насъ! Ибо не иначе должно представлять себѣ это, какъ варварскимъ нашествіемъ, въ которомъ истребляются не стѣны, не города и дома, или что-либо маловажное, человѣческими руками созидаемое и скоро возстановляемое, но расхищаются самыя души. Вторгается съ царемъ и достойное его воинство, злонамѣренные вожди Церквей, немилосердые четверовластники обладаемой имъ вселенной. Одну часть Церквей они имѣли уже въ своей власти, на другую дѣлали свои набѣги, а третью надѣялись приобрѣсть полномочіемъ и рукою царя, которая или была уже занесена, или по крайней мѣрѣ угрожала. Они пришли испровергнуть и нашу Церковь, всего болѣе полагаясь на низость души въ тѣхъ, о которыхъ предъ симъ сказано, а также на неопытность тогдашняго нашего предстоятеля и на недуги наши. Предстояла великая борьба; въ большей части изъ насъ оказывалась мужественная ревность; но полкъ нашъ былъ слабъ, не имѣлъ защитника и искуснаго сборника, сильнаго словомъ и духомъ. Что жъ сія мужественная, исполненная высокихъ помысловъ и

подлинно христолюбивая душа? Не много нужно было убѣжденій Василию, чтобы онъ явился и сталъ поборникомъ. Напротивъ того, едва увидѣлъ умоляющимъ меня (обоимъ намъ предстоялъ общій подвигъ, какъ защитникамъ праваго ученія), какъ былъ побѣжденъ моленіемъ. Прекрасно и весьма любомудренно разсудилъ онъ самъ въ себѣ по духовному разумѣнію, что, если уже и впасть иногда въ малодушіе, то для сего есть другое время, именно время безопасности, а при нуждѣ — время великодушія; посему тотчасъ отправляется со мною изъ Понта, ревнуетъ объ истинѣ, которая была въ опасности, дѣлается добровольнымъ поборникомъ, и самъ себя предаетъ на служеніе матери-Церкви.

(32) — Но можетъ-быть изъяснилъ онъ столько усердія, и подвизался не соотвѣтственно ревности? Или хотя и мужественно подвизается, но не благоразумно? Или хотя и разсудительно, но не подвергаясь опасностямъ? Или и все сіе было въ немъ совершенно и выше описанія; однако же оставались и нѣкоторые слѣды малодушія? — Нимало. Напротивъ того все вдругъ: примиряется, подаетъ совѣты, приводитъ въ порядокъ воинство, уничтожаетъ встрѣчающіяся препятствія, преткновенія и все то, на что положившись противники, воздвигли на насъ брань. Одно пріемлетъ, другое удерживаетъ, а иное отражаетъ. Для однихъ онъ — твердая стѣна и оплотъ, для другихъ *млатъ, сотрясающій камень* (Иерем. 23, 29.), и *огнь въ терніи* (Пс. 117, 12.), какъ говоритъ Божественное Писаніе, удобно истребляющій подобныхъ сухимъ вѣтвямъ и оскорбителей

Божества. А если съ Павломъ подвизался и Варнава, который о семъ говорить и пишетъ; то и за сіе благодареніе Павлу, который его избралъ и содѣлалъ сотрудникомъ въ подвигѣ!) Такимъ образомъ противники остались безъ успѣха, и злые въ первый разъ тогда зло посрамлены и побѣждены; они узнали, что презирающимъ другихъ не безбѣдно презирать и Каппадокіянъ, которымъ всего свойственнѣе неколебимость въ вѣрѣ, вѣрность и преданность Троицѣ; ибо отъ Нея имѣютъ они единеніе и крѣпость, тѣмъ самымъ, что защищаютъ, сами будучи защищаемы, даже еще гораздо больше и крѣпче.

Вторымъ дѣломъ и попеченіемъ для Василія было — оказывать услуги Предстоятелю, уничтожить подозрѣніе, увѣрить всѣхъ людей, что огорченіе произошло по искушенію лукаваго, что это было нападеніе завидующаго единомушію въ добрѣ, а самъ онъ зналъ законы благопокорности и духовнаго порядка. Посему приходилъ, умудрялъ, повиновался, давалъ совѣты; былъ у Предстоятеля всѣмъ — добрымъ совѣтникомъ, правдивымъ предстателемъ, истолкователемъ Божія слова, наставникомъ въ дѣлахъ, жезломъ старости, опорю Вѣры, самымъ вѣрнымъ въ дѣлахъ внутреннихъ, самымъ дѣятельнымъ въ дѣлахъ внѣшнихъ. Однимъ словомъ, онъ признанъ столько же благорасположеннымъ, сколько прежде почитаемъ былъ недоброжелательнымъ. Съ сего времени и церковное правленіе перешло къ Василію, хотя по каѳедрѣ занималъ онъ второе мѣсто, ибо за оказываемую имъ благорасположенность получилъ въ замѣнъ власть. И было какое-то чудное согласіе

(33)

и сочетаніе власти; одинъ управлялъ народомъ, а другой — управляющимъ. Василиій уподоблялся укротителю львовъ, своимъ искусствомъ смиря властвующаго, который имѣлъ нужду въ руководствѣ и поддержкѣ; потому что недавно возведенный на кафедру, показывалъ еще въ себѣ нѣкоторые слѣды мірскихъ привычекъ и не утвердился въ духовномъ, а между тѣмъ вокругъ было сильное волненіе, и Церковь окружали враги. Посему сотрудничество было ему пріятно, и въ Василиево правленіе почиталъ онъ правителемъ себя.

(34) — Много и другихъ доказательствъ Василиевой заботливости и попечительности о Церкви; таковы: смѣлость Василиія предъ начальниками, какъ вообще предъ всѣми, такъ и предъ самыми сильными въ городѣ; его рѣшенія распрей, не безъ довѣрія принимаемыя, а, по произнесеніи его устами, чрезъ употребленіе обратившіяся въ законъ; его представительства за нуждающихся, большею частію въ дѣлахъ духовныхъ, а иногда и въ плотскихъ (потому что и это, покоря людей добрымъ расположеніемъ, пользуетъ не рѣдко душѣ); препитаніе нищихъ, страннопріимство, попеченіе о дѣвахъ, писанные и неписанные уставы для монашествующихъ, чиноположенія молитвъ, благоукрашенія алтаря, и иное, чѣмъ только Божіей воистину челоуѣкъ и дѣйствующій по Богу можетъ пользоваться народъ. Но еще выше и славнѣе одно слѣдующее его дѣло.

Былъ голодъ, и самый жестокій изъ памятныхъ дотолѣ. Городъ изнемогалъ; ни откуда не было ни помощи, ни средствъ къ облегченію зла. Приморскія страны безъ труда переносятъ подобные не-

достатки ; потому что инымъ сами снабжаютъ , а другое получаютъ съ моря. У насъ же, жителей твердой земли, и избытки бесполезны, и недостатки невознаградимы ; потому что некуда сбыть того, что у насъ есть, и не откуда привезти, чего нѣтъ. Всего же несноснѣе въ подобныхъ обстоятельствахъ безчувственность и ненасытность имѣющихъ у себя избытки. Они пользуются временемъ, извлекаютъ прибыль изъ скудости, собираютъ жатву съ бѣдствій, не внимаютъ тому, что милуй нища взаимъ даетъ Господу (Притч. 19, 7.) ; что продавая пшеницу скупо, отъ народа проклятъ (Притч. 11, 26.), не слышатъ ни обѣщаній человеколюбивымъ, ни угрозъ безчеловѣчнымъ ; напротивъ того, они ненасытны сверхъ мѣры, и худо разсуждаютъ, заключая для бѣдныхъ утробу свою, а для себя Божіе милосердіе, тогда какъ сами они имѣютъ болѣе нужды въ послѣднемъ, нежели другіе—въ ихъ милосердіи. Такъ поступаютъ скупающіе и продающіе пшеницу, не стыдятся родства, не благодаря Бога, отъ Котораго имѣютъ избытки, когда другіе терпятъ нужду. (Но Василию надлежало не дожидать хлѣбъ съ неба посредствомъ молитвы и питать народъ бѣгствующій въ пустынь, не источать неоскудѣвающую пищу изъ сосудовъ, наполняемыхъ (что и чудно) чрезъ самое истощаніе, чтобы въ воздаяніе за страннолюбіе препитать питающую, не насыщать тысячи пятью хлѣбами, въ которыхъ вторымъ чудомъ—ихъ остатки, достаточные для многихъ трапезъ. Все сіе было прилично Моисею, Илии и моему Богу, отъ Котораго и первымъ дарована таковая сила ; а можетъ-быть и нужно сіе было

только въ тѣ времена и при тогдашнихъ обстоятельствахъ; потому что знаменія не для вѣрующихъ, но для невѣрныхъ. Но что подобно симъ чудесамъ и ведетъ къ тому же, то замыслилъ и привелъ Василій въ исполненіе съ тою же вѣрою. Ибо, отверзши хранилища имущихъ словомъ и увѣщаніемъ, совершаетъ сказанное въ Писаніи, *раздробляетъ алчущимъ пищу* (Пс. 57, 8.), *насыщаетъ нищія хлѣбомъ* (Пс. 131, 15.), *препитываетъ я въ гладъ* (Пс. 32, 19.), и *души алчущія исполняетъ благъ* (Пс. 106, 9.). И какимъ притомъ образомъ? Ибо и это не мало увеличиваетъ его заслугу. Онъ собираетъ въ одно мѣсто уязвленныхъ голодомъ, а иныхъ даже едва дышащихъ, мужей и женъ, младенцевъ, старцевъ, весь жалкій возрастъ, испрашиваетъ всякаго рода снѣди, какими только можетъ быть утоленъ голодъ, выставляетъ котлы полные овощей и соленыхъ припасовъ, какими питаются у насъ бѣдные; потомъ, подражая служенію самого Христа, Который, препоясавшись лентіемъ, не погнушался умыть ноги ученикамъ, при содѣйствіи своихъ рабовъ или служителей удовлетворяетъ тѣлеснымъ потребностямъ нуждающихся, удовлетворяетъ и потребностямъ душевнымъ, къ напитуанію присоединивъ честь, и облегчивъ ихъ участь тѣмъ и другимъ.

(26) — Таковъ былъ новый нашъ хлѣбодатель и второй Іосифъ! Но можемъ сказать о немъ еще нѣчто и большее. Ибо Іосифъ извлекаетъ прибытокъ изъ глада, своимъ челоуѣколюбіемъ покупаетъ Египеть, во время обилія заапасшись на время голода, и будучи сему наученъ сновидѣніями другихъ. А Василій

былъ милостивъ даромъ , безъ выгодъ для себя помогаль въ раздаяніи хлѣба , имѣлъ въ виду одно , чтобы челоуѣколюбіемъ приобрѣсть челоуѣколюбіе и чрезъ здѣшнее *житомльріе* (Лук. 12, 42.) сподобиться тамошнихъ благъ. Къ сему присовокуплялъ онъ и пищу словесную — совершенное благодѣяніе и даеніе истинно высокое и небесное ; потому что слово есть хлѣбъ ангельскій ; имъ питаются и напоеваются души, алчущія Бога, ищущія не скорогибнущей и преходящей, но вѣчно-пребывающей пищи. И таковой пищи самымъ богатымъ раздаятелемъ былъ сей , во всемъ прочемъ, сколько знаемъ, весьма скудный и убогій, врачевавшій *не гладъ хлѣба, ни жажду воды*, но желаніе слова истинно животворнаго и питательнаго (Амос. 8, 11.), которое хорошо имъ питаемаго ведетъ къ преспѣванію духовнаго возраста. — (27)

За сіи и подобныя дѣла (ибо нужно ли останавливаться на подробномъ описаніи оныхъ ?), когда соименный (д) благочестію уже преставился и спокойно испустилъ духъ на рукахъ Василія , возводится онъ на высокій престолъ епископскій , правда, не безъ затрудненій, не безъ зависти и противоборства со стороны какъ предсѣдательствующихъ въ отечествѣ , такъ и присоединившихся къ нимъ самыхъ порочныхъ гражданъ. Впрочемъ надлежало препобѣдить Духу Святому, и Онъ подлинно по превосходству побѣждаетъ. Ибо изъ сопредѣльныхъ странъ воздвигаетъ для помазанія извѣстныхъ благочестіемъ мужей и ревнителей , а въ числѣ ихъ и

(д) Евсевій, Епископъ Кесарійскій.

новаго Авраама , нашего патріарха , моего отца , съ которымъ происходитъ даже нѣчто чудное (е). Не только по причинѣ многихъ лѣтъ оскудѣвъ силами , но и удрученный болѣзнію , находясь при послѣднемъ дыханіи , онъ отваживается на путешествіе , чтобы своимъ голосомъ помочь избранію , и возложивъ упованіе на Духа , (скажу кратко) возложенъ былъ мертвымъ на носила , какъ во гробъ , возвращается же юнымъ , сильнымъ , зрящимъ горѣ , будучи укрѣпленъ рукою , помазаніемъ (а не много сказать) и главою помазаннаго . И къ древнимъ сказаніямъ да будетъ присовокуплено и сіе , что трудъ даруетъ здравіе , что ревность воскрешаетъ мертвыхъ , что скачетъ старость помазанная Духомъ .

(28) Такъ удостоенный предсѣдательства , какъ и свойственно мужамъ , которые содѣлались ему подобными , сподобились таковой же благодати и приобрѣли столько къ себѣ уваженія , Василій ни чѣмъ послѣдующимъ не посрамилъ ни своего любомудрія , ни надежды ввѣрившихъ ему служеніе . Но въ таковой же мѣрѣ оказывался непрестанно превосходящимъ самого себя , въ какой дотолѣ превосходилъ другихъ , разсуждая о семъ превосходно и весьма любомудренно . Ибо быть только не худымъ , или сколько ни есть и какъ ни есть добрымъ , почиталъ онъ добродѣтелию частнаго человѣка . А въ начальникѣ и предстоятелѣ , особливо же въ имѣющемъ подобное (ж) начальство , и то уже порокъ , если не

(е) См. о семъ Тв. Св. Отц. Т. 2. стр. 138, 139.

(ж) Василюу.

многимъ превосходить онъ простолюдиновъ, если не оказывается непрестанно лучшимъ и лучшимъ, если не соразмѣряетъ добродѣтели съ саномъ и высокостію престола. Ибо и тотъ, кто стоитъ высоко, едва успѣваетъ въ половину; и тотъ, кто преизобилуетъ добродѣтелію, едва привлекаетъ многихъ къ посредственности. Лучше же сказать (полюбоумствую о семъ нѣсколько выше), что усматриваю (а думаю, усмотритъ со мною и всякій мудрый) въ моемъ Спасителѣ, когда Онъ былъ съ нами, вообразивъ въ Себѣ и то, что выше насъ, и наше естество, то же, какъ разсуждаю, было и здѣсь. И Христось, по сказанному, *преспѣваше какъ возрастомъ такъ премудростію и благодатію* (Лук. 2, 52.), не въ томъ смыслѣ, что получалъ въ этомъ приращеніе (что могло стать совершеннѣе въ Томъ, Кто совершенъ отъ начала?), но въ томъ разумѣ, что сіе открывалось и обнаруживалось въ Немъ постепенно. И добродѣтель Василіева получила тогда, какъ думаю, не приращеніе, но большій кругъ дѣйствія, и при власти нашла она больше предметовъ, гдѣ показать себя.

Во-первыхъ, дѣлаетъ онъ для всѣхъ явнымъ, что данное ему было не дѣломъ человѣческой милости, но даромъ Божіей благодати. Но то же покажутъ и поступки его со мною. Ибо въ чемъ я соблюдалъ любомудріе при семъ обстоятельстве, въ томъ и онъ держался того же любомудрія. Когда всѣ другіе думали, что я поспѣшу къ новому Епископу, обрадуюсь (что, можетъ-быть, и случилось бы съ другимъ), и лучше съ нимъ раздѣлю начальство, нежели соглашусь имѣть такую же власть, и когда

(39)

обо всемъ этомъ заключали по нашему дружеству ; тогда, избѣгая высокомерія, котораго и во всемъ избѣгаю не меньше всякаго другаго, а вмѣстѣ избѣгая и повода къ зависти, особливо пока обстоятельства не пришли еще въ устройство, но находились въ замѣшательствѣ, остался я дома, съ насиліемъ обуздавъ желаніе видѣться съ Василиемъ. А онъ жалуется на сіе, правда, однако же извиняетъ. И послѣ сего, когда пришелъ я къ нему, но, по той же опять причинѣ, не принявъ ни чести вступить на кафедру, ни предпочтенія между пресвитерами, онъ не только не сталъ охуждать сего, но еще (что и благоразумно сдѣлалъ) похвалилъ, и лучше согласился понести обвиненіе въ гордости отъ тѣхъ, которые не понимали такой предусмотрительности, нежели поступить въ чемъ-нибудь вопреки разуму и его внушеніямъ. И чѣмъ другимъ доказалъ бы онъ лучше, что душа его выше всякаго человѣкоугодничества и ласкательства, что у него въ виду одно — законъ добра, какъ не такимъ образомъ мыслей въ-разсужденіи меня, котораго считалъ въ числѣ первыхъ и короткихъ друзей своихъ ?

(40) — Потомъ умягчаетъ и врачуетъ онъ высокоудреннымъ и цѣльбоноснымъ словомъ своимъ тѣхъ, которые возставали противъ него. И достигаетъ сего не угодливостію, и не поступками неблагородными, но дѣйствуя весьма отважно и прилично сану, какъ челоѣкъ, который не смотритъ на одно настоящее, но промышляетъ о будущей благопокорности. Примѣчая, что отъ мягкости нрава происходитъ уступчивость и робость, а отъ суровости — строптивость и своеправіе, онъ помогаетъ одному другимъ, и

упорство растворяетъ кротостію, а уступчивость — твердостію. Рѣдко нужно было прибѣгать ему къ слову, чаще дѣло оказывалось дѣйствительнѣйшимъ къ уврачеванію. Не хитростію порабощалъ онъ, но привлекалъ къ себѣ благорасположеніемъ. Не власть употреблялъ онъ напередъ, но пощадою покорялъ власти, и что всего важнѣе, покорялъ тѣмъ, что всѣ уступали его разуму, признавали добродѣтель его для себя недосыгаемою, и въ одномъ видѣли свое спасеніе — быть съ нимъ и подъ его начальствомъ, а также одно находили опаснымъ — быть противъ него, и отступленіе отъ него почитали отчужденіемъ отъ Бога. Такъ добровольно уступали и покорялись, какъ-бы ударами грома подклоняемые подъ власть; каждый приносилъ свое извиненіе, и сколько прежде оказывалъ вражды, столько теперь благорасположенія и преусубіянія въ добродѣтели, въ которой одной и находилъ для себя самое сильное оправданіе. И только развѣ неизлечимо поврежденный былъ пренебреженъ и отринутъ, чтобы самъ въ себѣ сокрушился и потребился, какъ ржа пропадаетъ вмѣстѣ съ желѣзомъ.

Когда же домашнія дѣла устроились по его мысли и какъ не чаяли невѣрныя, которые не знали его; тогда замышляетъ въ умѣ нѣчто большее и возвышеннѣйшее. Другіе смотрятъ только у себя подъ ногами, расчитываютъ, какъ бы свое только было въ безопасности (если это истинная безопасность), далѣе же не простираются, и не могутъ выдумать или привести въ исполненіе ничего великаго и смѣлаго: но онъ, хотя во всемъ другомъ соблюдалъ умѣренность, въ этомъ же не знаетъ умѣ-

ренности ; напротивъ того , высоко подъявъ главу , и озирая окрестъ душевнымъ окомъ , объемлетъ всю вселенную , куда только пронеслось спасительное слово. Примѣчая же , что великое наслѣдіе Бога , стяжанное Его ученіями , законами и страданіями , *языкъ святъ , царское священіе* (1 Петр. 2, 9.), приведено въ худое положеніе , увлечено въ тысячи мнѣній и заблужденій , и виноградъ , перенесенный и пересаженный изъ Египта — сего безбожнаго и темнаго невѣдѣнія , достигшій красоты и необъятнаго величія , такъ что покрылъ всю землю , распростерся выше горъ и кедровъ , — сей самый виноградъ поврежденъ лукавымъ и дикимъ вепремъ — дѣволомъ (Ис. 79, 9—14.), — примѣчая это , Василій не признаетъ достаточнымъ въ безмолвіи оплакивать бѣдствіе и къ Богу только воздѣвать руки , у Него искать прекращенія обдергающихъ золь , а самому между тѣмъ почивать ; напротивъ того онъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность и отъ себя привнести нѣчто и оказать какую-нибудь помощь. / Ибо что горестнѣе сего бѣдствія ? И о чемъ болѣе должно заботиться взирающему горѣ ? Когда одинъ дѣлаетъ хорошо или худо ; сіе ничего не предвѣщаетъ для цѣлаго общества. Когда цѣлое въ хорошемъ или худомъ положеніи ; тогда по необходимости и каждый членъ общества приходитъ въ подобное же состояніе. Сіе-то представлялъ и имѣлъ въ виду и сей попечитель и предстатель общаго блага. И поелику , какъ думаетъ Содомонъ за-едино съ самою истинною , *моль костель сердце чувственно* (Притч. 14, 30.), и беззаботный бываетъ благодущенъ , а сострадательный — скорбенъ , неотступный помысль

сушить его сердце: то Василій приходилъ въ содроганіе, скорбѣлъ, уязвлялся, былъ въ положеніи то Іоны, то Давида, *отрицаешся души* (Іон. 4, 8.), не давалъ ни сна очамъ, ни дреманія вѣждамъ (Пс. 131, 4.), заботами изнурялъ останокъ плотей, пока не находилъ уврачеванія злу. Онъ взыскуеть Божеской или и человѣческой помощи, только бы остановить общій пожаръ и разсѣять облегающую насъ тму.

(43)

И такъ изобрѣтаетъ слѣдующее одно весьма спасительное средство. Сколько могъ, углубившись въ себя самого и затворившись съ Духомъ, напрягаетъ всѣ силы человѣческаго разума, перечитываетъ всѣ глубины Писанія, и ученіе благочестія предастъ письмени. Дѣлаетъ возраженія еретикамъ, борется и препирается съ ними, отражаетъ ихъ чрезмѣрную наглость, и тѣхъ, которые были подъ руками, низлагаетъ вблизи разящимъ оружіемъ устъ, а тѣхъ, которые находились въ дали, поражаетъ стрѣлами писменъ, не менѣе достойныхъ уваженія, какъ и начертанія на скрижаляхъ; потому что изображаютъ законы не одному іудейскому, малочисленному народу, не о пищѣ и питіи, не о жертвахъ установленныхъ на-время, не о плотскихъ очищеніяхъ, но всѣмъ родамъ, всѣмъ частямъ вселенной, о словѣ истины, которымъ приобрѣтается спасеніе.

Но было у него и другое средство. Поелику, какъ дѣло безъ слова, такъ и слово безъ исполненія, равно не совершенны; то онъ присовокупляетъ къ слову и содѣйствіе самыхъ дѣлъ. Къ однимъ идетъ самъ, къ другимъ посылаетъ, иныхъ зоветъ къ себѣ, даетъ совѣты, *обличаетъ, запрещаетъ* (2

(44) Тим. 4, 2.), угрожаетъ, укоряетъ, защищаетъ народы, города, людей частныхъ, придумываетъ всѣ роды спасенія, всѣмъ вракуетъ. Сей Веселеиль, архитекторъ Божіей скинии (Исх. 31, 1. 2.), употребляетъ въ дѣло всякое вещество и искусство, все соплетаетъ вмѣстѣ, чтобы составилось преизящество и стройность единой Красоты. / Нужно ли уже говорить о другомъ чемъ?

(45) Между тѣмъ опять пришелъ къ намъ христорборный царь и утѣснитель Вѣры, и чѣмъ съ сильнѣйшимъ противникомъ долженъ онъ былъ имѣть дѣло, тѣмъ съ вящимъ пришелъ нечестіемъ и съ ополченіемъ воспламененнымъ болѣе прежняго, подражая тому нечистому и лукавому духу, который, оставивъ челоуѣка и скитавшись, возвращается къ нему, чтобы, какъ сказано въ Евангеліи (Лук. 11, 24—26), вселиться съ бѣльшимъ числомъ духовъ. Его-то ученикомъ дѣлается царь, чтобы вмѣстѣ и загладить первое свое пораженіе, и присовокупить что-нибудь къ прежнимъ ухищреніямъ. Тяжело и жалко было видѣть, что повелитель многихъ народовъ, удостоенный великой славой, покорившій всѣхъ окрестъ себя державъ нечестія, ниспровергнувшій всѣ преграды, оказался побѣжденнымъ отъ единого мужа и отъ единого города, сдѣлался посмѣшищемъ, какъ самъ примѣчалъ, не только для руководствующихъ имъ поборниковъ безбожія, но и для всѣхъ людей. / Рассказываютъ о царѣ Персидскомъ (3), что, когда шелъ онъ съ войскомъ въ Эл-

(3) Ксерксъ.

ладу, веда всякаго рода людей, кипя гнѣвомъ и надмѣ-
 ваясь гордостію, тогда не симъ однимъ превозносился,
 и не только не полагалъ мѣры угрозамъ, но чтобы
 сильнѣе поразить умы Элиновъ, заставлялъ себя
 бояться превращеніемъ самыхъ стихій. Носилась
 молва о какой-то небывалой сушѣ и о какомъ-то
 небываломъ морѣ сего новаго творца, о воинствѣ
 плывущемъ по сушѣ и шествующемъ по морю, о
 похищенныхъ островахъ, о морѣ наказанномъ би-
 чами, и о многомъ другомъ, что, ясно свидѣтель-
 ствуя о разстройствѣ умовъ въ воинствѣ и въ вое-
 начальникѣ, поражало, однако же, ужасомъ слабодуш-
 ныхъ, хотя и возбуждало смѣхъ въ людяхъ болѣе
 мужественныхъ и твердыхъ разсудкомъ. Ни въ чемъ
 подобномъ не имѣлъ нужды ополчающійся противъ
 насъ; но, по слухамъ, онъ дѣлалъ и говорилъ, что
 и того было еще хуже и пагубнѣе. *Положилъ на
 небеси уста своя, хулу глаголя въ высоту, и
 языкъ его преиде по земли (Пс. 72, 9).* — Такъ
 прекрасно божественный Давидъ, еще прежде насъ,
 выставилъ на позоръ сего, преклонившаго небо къ
 землѣ, и къ тварямъ причислившаго премірное
 Естество, Котораго тварь и вмѣстить не можетъ,
 хотя Оно и пребывало нѣсколько съ нами, по за-
 кону человѣколюбія, чтобы привлечь къ Себѣ насъ,
 поверженныхъ на землю! И какъ ни блистательны
 первые опыты отважности сего царя, но еще бли-
 стательнѣе послѣдніе съ нами подвиги. Какіе же
 разумію первые опыты? Изгнанія, бѣгства, описа-
 нія имуществъ, явные и скрытые навѣты, убѣжденія,
 когда доставало на сіе времени, принужденія за
 недостаточностію убѣждений; изгнаіе изъ церквей

исповѣдниковъ праваго и нашего ученія, а введеніе въ Церковь держащихся царевой пагубы, тѣхъ, которые требовали рукописаній нечестія, и составляли писанія еще болѣе ужасныя; сожженіе пресвитеровъ на морѣ; злочестивые военачальники, которые не Персовъ одолѣваютъ, не Скивовъ покоряютъ, не варварскій какой-нибудь народъ преслѣдуютъ, но ополчаются на Церкви, издѣваются надъ алтарями, безкровныя жертвы обагрятъ кровью людей и жертвъ, оскорбляютъ стыдливость дѣвъ. И для чего все это? Для того, чтобы изгнанъ былъ патріархъ Іаковъ, а на мѣсто его введенъ Исавъ, *возненавидѣнный* (Мал. 1, 2.) до рожденія. Таковы сказанія о первыхъ опытахъ его отважности; они и донныѣ, какъ скоро приходятъ на память или пересказываются, извлекаютъ слезы у многихъ.

(47) — Но когда царь, обойдя прочія страны, устремился, съ намѣреніемъ поработить, на сію незаблемую и неуязвимую мать Церквей, на сію единственно еще оставшуюся животворную искру истины: тогда въ первый разъ почувствовалъ безуспѣшность своего замысла; ибо онъ былъ отраженъ, какъ стрѣла ударившаяся въ твердыню, и отскочилъ, какъ порванная вервь. Такого встрѣтилъ онъ предстоятеля Церкви! И къ такому приразившись утесу, сокрушился! Отъ испытанныхъ тогдашнїа бѣдствїа можно и о другомъ чемъ-нибудь слышать рассказы и повѣствованія (а нѣтъ никого, кто бы не повѣствовалъ о семъ); но всякой удивляется, кто только знаетъ тогдашнїа боренїа, нападенїа, обѣщанїа, угрозы, знаетъ, что къ Василию, съ намѣ-

рениемъ уговорить его, присылаемы были то проходящіе должность судей, то люди военного званія, то женскіе приставники—эти мужи между женами, и жены между мужами, мужественные только въ одномъ—въ нечестіи, естественно неспособные предаваться распутству, но блудодѣйствующіе языкомъ, которымъ только и могутъ, наконецъ этотъ архимагирь (и), Навузарданъ, грозившій Василию орудіемъ своего ремесла, и отшедшій во огнь, и здѣсь для него привычный.

Но я, какъ можно сокращеніемъ, передамъ слову, что кажется мнѣ наиболее удивительнымъ, и о чемъ не могу умолчать, хотя бы и желалъ. Кто не знаетъ тогдашняго начальника (і) области, который какъ собственную свою дерзость особенно устремлялъ противъ насъ (потому что и крещеніемъ былъ совершенъ или погубленъ у нихъ (к)), такъ сверхъ нужды услуживалъ Повелителю, и своею во всемъ угодливістію на долгое время удержалъ и соблюлъ за собою власть? Къ сему-то правителю, который скрежеталъ зубами на Церковь, принималъ на себя львиный образъ, рыкалъ, какъ левъ, и для многихъ былъ непреступенъ, вводится, или лучше сказать, самъ входитъ и доблественный Василій, какъ призванный на празднество, а не на судъ. Какъ пере-

(и) Главный поваръ у Валента, по имени Демосеенъ, который, будучи присланъ къ Василию, грозилъ убить его своимъ повареннымъ ножомъ. О немъ Св. Василій говаривалъ: «накопецъ есть у насъ и Демосеенъ неграмотный.»

(і) По имени Модеста.

(к) У Аріанъ.

сказать мнѣ достойнымъ образомъ или дерзость правителя, или благоразумное сопротивленіе ему Василия? Для чего тебѣ, сказалъ первый (назвавъ Василия по имени; ибо не удостоилъ наименовать Епископомъ), хочется съ дерзостію противиться такому могуществу, и одному изъ всѣхъ оставаться упорнымъ? Доблественный мужъ возразилъ: въ чемъ и какое мое высокоуміе? не могу понять сего. — Въ томъ, говоритъ первый, что не держишься одной Вѣры съ царемъ, когда всѣ другіе склонились и уступили. — Не сего требуетъ царь мой, отвѣчаетъ Василій: не могу поклониться твари, будучи самъ Божія тварь и имѣя повелѣніе быть богомъ. — Но что же мы, по твоему мнѣнію? спросилъ правитель. Или ничего не значимъ мы, повелѣвающие это? Почему не важно для тебя присоединиться къ намъ, и быть съ нами въ общеніи? — Вы правители, отвѣчалъ Василій, — и не отрицаю, что правители знаменитые, — однако же не выше Бога. И для меня важно быть въ общеніи съ вами (почему и не такъ? и вы Божія тварь); впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ общеніи со всякимъ другимъ изъ подчиненныхъ вамъ; потому что христіанство определяется не достоинствомъ лицъ, а вѣрою. — Тогда правитель пришелъ въ волненіе, сильнѣе воскипѣлъ гнѣвомъ, всталъ съ своего мѣста, и началъ говорить съ Васи́ліемъ суровѣе прежняго. Что же, сказалъ онъ, развѣ не боишься ты власти? — Нѣтъ, — что ни будетъ, и чего ни потерплю. — Даже хотя бы потерпѣлъ ты и одно изъ многаго, что состоитъ въ моей волѣ? — Что же такое? объясни мнѣ это. — Отнятіе имущества, изгнаніе, истязаніе, смерть. —

Ежели можешь, угрожай инымъ; а это ни мало насъ не трогаетъ. — Какъ же это, и почему? спросилъ правитель. — Потому, отвѣчаетъ Василій, что не подлежитъ описанію имущества, кто ничего у себя не имѣетъ, развѣ потребуешь отъ меня и этого волосянаго рублища и немногихъ книгъ, въ которыхъ состоятъ всѣ мои пожитки. Изгнанія не знаю; потому что не связанъ никакимъ мѣстомъ; и то, на которомъ живу теперъ, не мое, и всякое, куда меня ни кинуть, будетъ мое. Лучше же сказать, вездѣ Божіе мѣсто, гдѣ ни буду я *пресельникомъ и пришлецемъ* (Пс. 38, 13.). А истязанія что возмутъ, когда нѣтъ у меня и тѣла, развѣ разумѣешь первый ударъ, въ которомъ одномъ ты и властенъ? Смерть же для меня благодѣтельна: она скорѣе преподшлетъ къ Богу, для Котораго живу и тружусь, для Котораго большею частію себя самого я уже умеръ, и къ Которому давно поспѣшаю. — Правитель, изумленный сими словами, сказалъ: такъ и съ такою свободою никто доселѣ не говаривалъ передо мною, — и при этомъ присвокупилъ свое имя. — Можетъ-быть, отвѣчалъ Василій, ты не встрѣчался съ Епископомъ: иначе, безъ сомнѣнія, имѣя дѣло о подобномъ предметѣ, услышалъ бы ты такія же слова. Ибо во всемъ иномъ, о правитель, мы скромны и смиренѣ всякаго, — это повелѣваетъ намъ заповѣдь, и не только предъ такимъ могуществомъ, но даже предъ кѣмъ бы то ни было, не поднимаемъ брови: а когда дѣло о Богѣ, и противъ Него дерзаютъ возставать, тогда, презирая все, мы имѣемъ въ виду одного Бога. Огонь же, мечъ, дикіе звѣри и терзающіе плоть когти скорѣе будутъ для насъ на-

302

(50)

слаждениемъ, нежели произведутъ ужасъ. Сверхъ этого оскорбляй, грози, дѣлай все, что тебѣ угодно, пользуйся своею властію. Пусть слышитъ о семъ и царь, что ты не докоришь себѣ насъ и не заставишь приложиться къ нечестію, какими ужасами ни будешь угрожать.

(51) Когда Василій сказалъ сіе, а правитель, выслушавъ, узналъ, до какой степени неустрашима и неодолима твердость его, тогда уже не съ прежними угрозами, но съ нѣкоторымъ уваженіемъ и съ уступчивостію велитъ ему выйти вонъ и удалиться. А самъ, какъ можно поспѣшнѣе, представъ царю, говорить: « побѣждены мы, царь, настоятелемъ сея Церкви. Это мужъ, который выше угрозы, тверже доводовъ, сильнѣе убѣжденій. Надобно подвергнуть искушенію другихъ, не столько мужественныхъ, а его или открытою силой должно принудить, или и не ждать, чтобы уступилъ онъ угрозамъ. »

(52) Послѣ сего царь, вина самъ себя и будучи побѣжденъ похвалами Василію (и врагъ дивится доблести противника), не велитъ дѣлать ему насилія; и какъ желѣзо, хотя умягчается въ огнѣ, однако же не престааетъ быть желѣзомъ; такъ и онъ, перейтивъ угрозы въ удивленіе, не принявъ общенія съ Василіемъ, стыдяся показать себя перейтившимся, но ищетъ оправданія наиболѣе благоприличнаго. И сіе покажетъ слово. Ибо въ день Божоявленія, при многочисленномъ стеченіи народа, въ сопровожденіи окружающей его свиты, вошедъ во храмъ и присоединясъ къ народу, симъ самымъ показываетъ видъ единенія. Но не должно преѣйти молчаніемъ

и сего. Когда вступилъ онъ внутрь храма, и слухъ его, какъ громомъ, пораженъ былъ начавшимся псалмопѣніемъ; когда увидѣлъ онъ море народа, а въ алтарѣ и близъ онаго не столько человѣческое, сколько ангельское благолѣпіе, и впередъ всѣхъ въ прямомъ положеніи стоялъ Василій, какимъ въ словѣ Божіемъ описывается Самуилъ (1 Цар. 7, 10.), не восклоняющійся ни тѣломъ, ни взоромъ, ни мыслию (какъ будто бы въ храмѣ не произошло ничего новаго), но пригвожденный (скажу такъ) къ Богу и къ престолу, а окружающіе его стояли въ какомъ-то страхѣ и благоговѣніи; когда, говорю, царь увидѣлъ все сіе, и не находилъ примѣра, къ которому бы могъ примѣнить видимое: тогда пришелъ онъ въ изнеможеніе какъ человѣкъ, и взоръ и душа его отъ изумленія покрываются мракомъ и приходятъ въ круженіе. Но сіе не было еще примѣтнымъ для многихъ. Когда же надобно было царю принести къ божественной трапезѣ дары, приготовленные собственными его руками (1), и по обычаю никто до нихъ не касался (не извѣстно было, приметъ ли Василій); тогда обнаруживается его немощь. Онъ колеблется на ногахъ, и если бы одинъ изъ служителей алтаря, подавъ руку, не поддержалъ колеблющагося, и онъ упалъ, то паденіе сіе было бы достойно слезъ. О томъ же, что и съ какимъ любомудріемъ вѣщалъ Василій самому царю (ибо въ другой разъ, бывъ

(1) По изъясненію Никиты, дары сіи состояли въ золотыхъ сосудахъ.

у насъ въ церкви, вступилъ онъ за завѣсу, и имѣлъ тамъ, какъ весьма желалъ, свиданіе и бесѣду съ Василиемъ), нужно ли говорить что иное, кромѣ того, что окружавшіе царя и мы, вошедшіе съ ними, слышали тогда Божіи глаголы. Таково начало и таковъ первый опытъ царскаго къ намъ снисхожденія; симъ свиданіемъ, какъ потокъ, остановлена большая часть обидъ, какія дотолѣ наносили намъ.

(54) — Но вотъ другое происшествіе, которое не мало-важнѣе описанныхъ. Злые превозмогли; Василию опредѣлено изгнаніе, и ничего не доставало къ исполненію опредѣленія. Наступила ночь; приготовлена колесница; враги рукоплескали; благочестивые уныли; мы окружали путника съ охотою готовившагося къ отъѣзду; исполнено было и все прочее, нужное къ сему прекрасному поруганію. И что же? Богъ разоряетъ опредѣленіе. Кто поразилъ первенцевъ Египта, ожесточившагося противъ Израиля, Тотъ и теперь поражаетъ болѣзнію сына царева. И какъ мгновенно! Здѣсь писаніе объ изгнаніи, а тамъ опредѣленіе о болѣзни; и рука лукаваго писца удержана, святой мужъ спасается, благочестивый дѣлается даромъ горячки, вразумившей дерзкаго царя! Что справедливѣе и скоропостижнѣе сего? А послѣдствія были таковы. Царевъ сынъ страдалъ и изнемогалъ тѣломъ; сострадалъ съ нимъ и отецъ. И что же дѣлаетъ отецъ?—Отвсюду ищетъ помощи, избираетъ лучшихъ врачей, совершаетъ молебствія съ усердіемъ, какого не оказывалъ дотолѣ, и повергшись на землю, потому что зло-страданіе и царей дѣлаетъ смиренными. И въ этомъ

ничего нѣтъ удивительнаго ; и о Давидѣ написано, что сначала также скорбѣлъ о сынѣ (2 Цар. 12, 16.). Но какъ царь нигдѣ не находилъ врачевства отъ болѣзни, то прибѣгаетъ къ Василиевой вѣрѣ. Впрочемъ, стыдясь недавняго оскорбленія, не самъ отъ себя приглашаетъ сего мужа, но просить его поручаетъ людямъ наиболѣе къ себѣ близкимъ и привязаннымъ. И Василій пришелъ, не отговариваясь, не упоминая о случившемся, какъ сдѣлалъ бы другой; вмѣстѣ съ его пришествіемъ облегчается болѣзнь, отецъ предается благимъ надеждамъ. И если бы къ сладкому не примѣшивалъ онъ горечи, и призвавъ Василю, не продолжилъ въ то же время вѣрить не-православнымъ; то можетъ-быть царевъ сынъ, получивъ здравіе, былъ бы спасенъ отцовыми руками, въ чемъ были увѣрены находившіеся при этомъ и принимавшіе участіе въ горести.

Сказываютъ, что въ скоромъ времени случилось то же и съ областнымъ начальникомъ. Постигшая болѣзнь и его подклоняетъ подъ руку Святаго. Для благоразумныхъ наказаніе дѣйствительно бываетъ урокомъ; для нихъ злостраданіе нерѣдко лучше благоденствія. Правитель страдалъ, плакалъ, жаловался, посылалъ къ Василю, умолялъ его, взывалъ къ нему: «ты удовлетворенъ; подай спасеніе!» И онъ получилъ просимое, какъ самъ сознавался и увѣрялъ многихъ не знавшихъ о семъ; потому что не переставалъ удивляться дѣламъ Василовымъ и пересказывать о нихъ.

Но таковы были и такой имѣли конецъ поступки Василены съ этими людьми; а съ другими не поступалъ ли Василій иначе? не было ли у него

маловажныхъ ссоръ и за малости? не оказалъ ли въ чемъ меньшаго любомудрія, такъ что это было бы достойно молчанія, или не очень похвально? Нѣтъ. Но кто на Израиля нѣкогда воздвигъ губителя Адера (3 Цар. 11, 14.), тотъ и противъ Василія воздвигаетъ правителя Понтійской области, по-видимому негодующаго за одну женщину, а въ дѣйствительности поборствующаго нечестію и возставшаго на благочестіе. Умалчиваю о томъ, сколько какихъ оскорбленій причинилъ онъ сему мужу (а то же будетъ сказать) и Богу, противъ Котораго и за Котораго воздвигнута была брань. Одно то передаю слову, что наиболѣе и оскорбителя постыдило, и подвижника возвысило, если только высоко и велико быть любомудрымъ, и любомудріемъ одерживать верхъ надъ многими.

(50) — Одну женщину, знатную по мужъ, который недавно кончилъ жизнь, преслѣдовалъ товарищъ сего суди, принуждая ее противъ воли вступить съ нимъ въ бракъ. Не зная, какъ избѣжать преслѣдованій, она пріемлетъ намѣреніе, не столько смѣлое, сколько благоразумное, прибѣгаетъ къ священной трапезѣ, и Бога избираетъ защитникомъ отъ нападений. И если сказать предъ самою Троицею (употреблю между похвалами сіе судебное выраженіе), что надлежало дѣлать не только великому Василю, который въ подобныхъ дѣлахъ для всѣхъ былъ законодателемъ, но и всякому другому, гораздо низшему предъ Василемъ, впрочемъ іерею? Не должно ли было вступить въ дѣло, удержать прибѣгшую, позаботиться о ней, подать ей руку помощи, по Божію челоуколюбію и по закону, почтив-

шему жертвенники? Не должно ли было рѣшиться скорѣе все сдѣлать и претерпѣть, нежели согласиться на какую-либо противъ нея жестокость, и тѣмъ какъ поругать священную трапезу, такъ поругать и вѣру, съ какою умоляла бѣдствовавшая? — Нѣтъ, говоритъ новый судія, надлежало покориться моему могуществу, и христіанамъ стать измѣнниками собственныхъ своихъ законовъ. — Одинъ требовалъ просительницу, другой всѣми мѣрами ее удерживалъ; и первый выходилъ изъ себя, а наконецъ посылаетъ нѣсколькихъ чиновниковъ обыскать опочивальню Святаго, не потому, чтобы находилъ сіе нужнымъ, но для того болѣе, чтобы опозорить его. Что ты говоришь? Обыскивать домъ сего безстрастнаго, котораго охраняють Ангелы, на котораго жены не смѣютъ и взирать! Не только еще велитъ обыскать домъ, но самого Василя представить къ нему и подвергнуть допросу, не кротко и человѣколюбиво, но какъ одного изъ осужденныхъ. Одинъ явился, а другой предсѣдалъ исполненный гнѣва и высокомѣрія. Одинъ предстоялъ, какъ и мой Иисусъ предъ судією Пилатомъ; и громы медлили; *оружіе Божіе* было уже *очищено*, но отложено, *лукъ напряжень*, но удержанъ (Пс. 7, 13.), открывая время покаянію: таковъ законъ у Бога!

— (57)

Посмотри на новую борьбу подвижника и гонителя! Одинъ приказывалъ Василию совлечь съ себя верхнее рубище. Другой говоритъ: если хочешь, скину предъ тобою и хитонъ. Одинъ грозилъ побоями безплотному; другой преклонялъ уже выю. Одинъ грозилъ строгать когтями; другой отвѣчаетъ: оказавъ мнѣ услугу такими терзаніями, уврачуешь

мою печень, которая, какъ видишь, много беспокоить меня.—Такъ они препирались между собою. Но городъ, какъ скоро узналъ о несчастіи и общей для всѣхъ опасности (такое оскорбленіе почиталъ всякій опасностію для себя), весь приходитъ въ волненіе и воспламеняется; какъ рой пчель, встревоженный дымомъ, другъ отъ друга возбуждаются и приходятъ въ смятеніе всѣ сословія, всѣ возрасты, а болѣе всѣхъ оружейники и царскіе ткачи, которые въ подобныхъ обстоятельствахъ, по причинѣ свободы, какою пользуются, бываютъ раздражительнѣе и дѣйствуютъ смѣлѣе. Все для каждого стало оружіемъ, случилось ли что подъ руками по ремеслу, или встрѣтилось прежде другаго; у кого пламенники въ рукахъ, у кого занесенные камни, у кого поднятыя палки; у всѣхъ одно направленіе, одинъ голосъ и общая ревность. Гнѣвъ—страшный воинъ и военачальникъ. При такомъ воспламененіи умовъ и женщины не остались безоружными (у нихъ ткацкія берда служили вмѣсто копій), и одушевленные ревностію перестали уже быть женщинами, напротивъ того самонадѣянность превратила ихъ въ мужчинъ. Коротко сказать: думали, что, расторгнувъ на части правителя, раздѣлятъ между собою благочестіе. И тотъ у нихъ былъ благочестивѣе, кто первый бы наложилъ руку на умыслившаго такую дерзость противъ Василія. Что же строгій и дерзкій судія? — Сталъ жалкимъ, бѣднымъ, самымъ смиреннымъ просителемъ. Но явился сей безъ крови мученикъ, безъ ранъ вѣнценосецъ, и удержавъ силою народъ, обуздываемый уваженіемъ, спасъ своего просителя и оскорбителя. Такъ

сотворилъ Богъ святыхъ, *творяи вся и претворяи* (Амос. 5, 8.) въ лучшее, Богъ, Который *гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Притч. 3, 34.). Но Раздѣливый море, Пресѣкшій рѣку, Премѣнившій законы стихій, воздѣланіемъ рукъ Воздвигшій побѣдные памятники, чтобъ спасти народъ бѣгствующій, чего не сотворилъ бы, чтобъ и Василя исхитить изъ опасности?

Съ сего времени брань отъ міра прекратилась, и возымѣла отъ Бога правый конецъ, достойный Василіевой вѣры. Но съ сего же времени начинается другая брань, уже отъ Епископовъ и ихъ споборниковъ; и въ ней много безславія, а еще больше вреда подчиненнымъ. Ибо кто убѣдитъ другихъ соблюдать умѣренность, когда таковы предстоятели?—Къ Василю давно не имѣли расположенія по тремъ причинамъ. Не были съ нимъ согласны въ разсужденіи Вѣры, а если и соглашались, то по необходимости, принужденные множествомъ. Не всеѣмъ отказались и отъ тѣхъ низостей, къ какимъ прибѣгали при рукоположеніи. А то, что Василій далеко превышалъ ихъ славою, было для нихъ всего тягостнѣе, хотя и всего стыднѣе признаться въ томъ. Произошла еще и другая распря, которою подновилось прежнее. Когда отечество наше раздѣлено на два воеводства, два города (м) сдѣланы въ немъ главными, и къ новому отошло многое изъ принадлежавшаго старому; тогда и между Еписко-

(м) Кесарія и Тиана. Епископомъ въ послѣднемъ городѣ былъ Авенъ, который и объявилъ свои притязанія на нѣкоторыя части Василіевой архіепископїи, имѣвшей престоль въ Кесарїи.

нами произошли замѣнительства. Одинъ (п) думалъ, что съ раздѣломъ гражданскимъ дѣлится и церковное правленіе; посему присвоивалъ себѣ, что приписано вновь къ его городу, какъ принадлежащее уже ему, а отнятое у другаго. А другій (о) держался стараго порядка и раздѣла, какой былъ издревле отъ отцевъ. Отъ сего частію уже произошли, а частію готовы были произойти многія непріятности. Новый Митрополитъ отвлекалъ отъ сѣзда на соборы, расхищалъ доходы. Пресвитеры Церквей—иные были склоняемы на его сторону, другіе замѣняемы новыми. Отъ сего происходило, что положеніе Церквей дѣлалось хуже и хуже отъ раздора и сѣченія; потому что люди бываютъ рады нововведеніямъ, съ удовольствіемъ извлекаютъ изъ нихъ свои выгоды, и легче нарушить какое-нибудь постановленіе, нежели возстановить нарушенное. Болѣе же всего раздражали новаго Митрополита Таврскіе всходы и проходы, которые были у него передъ глазами, а принадлежали Василию; въ великое также ставилъ онъ пользоваться доходами отъ святаго Ореста, и однажды отняты даже были мулы у самого Василія, который ѣхалъ своей дорогой; разбойническая толпа возбранила ему продолжать далѣе путь. И какой благовидный предлогъ! Духовные дѣти, спасеніе душъ, дѣло Вѣры—все это служить прикровеніемъ ненасытимости (дѣло самое нетрудное!). Къ этому присовокупляется правило, что не дол-

(п) Анеимъ. (о) Св. Василій.

жно платить дани неправославнымъ (а кто оскорбляетъ насъ, тотъ неправославецъ).

Но Святый, во-истину Божій и горняго Иерусалима Митрополить, не увлекся съ другими въ паденіе, не потерпѣлъ того, чтобы оставить дѣло безъ вниманія, и не слабое придумалъ средство къ прекращенію зла. Посмотримъ же, какъ оно было велико, чудно и (что болѣе сказать?) достойно его только души. Самый раздоръ употребляетъ онъ въ поводъ къ приращенію Церкви, и случившемуся даетъ самый лучшій оборотъ, умноживъ въ отечествѣ число Епископовъ. А изъ сего что происходитъ? — Три главныя выгоды. Попеченіе о душахъ приложено большее; каждому городу даны свои права; а тѣмъ и вражда прекращена.

Для меня было страшно сіе измышленіе; я боялся, чтобы самому мнѣ не стать придаткомъ, или не знаю, какъ назвать сіе приличіе. Всему удивляюсь въ Василіи, даже не могу и выразить, сколь велико мое удивленіе; но (признаюсь въ немощи, которая и безъ того уже не безъизвѣстна многимъ) не могу похвалить сего одного — этого нововведенія касательно меня и этой невѣроимчивости; самое время не истребило во мнѣ скорби о томъ. Ибо отсюда низринулись на меня всѣ неудобства и замѣшательства въ жизни. Отъ сего не могъ я ни быть, ни считаться любомудрымъ, хотя въ послѣднемъ не много важности. Развѣ въ извиненіе мужа сего приметъ кто отъ меня то, что онъ мудествовалъ выше, нежели по-человѣчески, что онъ, прежде нежели преселился изъ здѣшней жизни, поступалъ уже во всемъ по духу, и умѣя уважать дружество,

не оказывалъ ему уваженія только тамъ, гдѣ надлежало предпочесть Бога и чаемому отдать преимущество предъ тлѣннымъ.

(60) — Боюсь, чтобы избѣгая обвиненія въ нерадѣніи отъ тѣхъ, которые требуютъ описанія всѣхъ дѣлъ Василовыхъ, не сдѣлаться виновнымъ въ неумѣренности предъ тѣми, которые хвалятъ умѣренность; потому что и самъ Василій не презиралъ умѣренности, особенно хвалилъ правило, что умѣренность во всемъ есть совершенство, и соблюдалъ оное въ продолженіе всей своей жизни. Впрочемъ, оставляя безъ вниманія тѣхъ и другихъ, любителей и излишней краткости и чрезмѣрной обширности, продолжу еще слово.

Каждый преуспѣваетъ въ чемъ-нибудь своемъ, а нѣкоторые и въ нѣсколькихъ изъ многочисленныхъ видовъ добродѣтелей; но во всемъ никто не достигалъ совершенства, — безъ всякаго же сомнѣнія не достигъ никто изъ извѣстныхъ намъ. Напротивъ того, у насъ тотъ совершеннѣйшій, кто успѣлъ во многомъ, или въ одномъ преимущественно. Василій же столько усовершеншился во всемъ, что сталъ какъ бы образцевымъ произведеніемъ природы. Разсмотримъ сіе такъ.

Хвалить ли кто нестяжательность, жизнь скудную и не терпящую излишествъ? Но что же бывало когда у Василя, кромѣ тѣла и необходимыхъ покрововъ для плоти? Его богатство — ничего у себя не имѣть, и жить съ единымъ крестомъ, который почиталъ онъ для себя дороже многихъ стяжаній. Не возможно всего пріобрѣсть, хотя бы кто

и захотѣлъ; но надобно умѣть все презирать, и такимъ образомъ казаться выше всего. Такъ разсуждалъ, такъ вель себя Василій. И ему не нужны были ни алтари, ни суетная слава, ни народное провозглашеніе: «Кратесь даетъ свободу Фивяину Кратесу.» Онъ старался быть, а не казаться только совершеннымъ, жилъ не въ бочкѣ и не среди торжища, гдѣ могъ бы всѣмъ наслаждаться, самый недостатокъ обращая въ новый родъ изобилія. Но безъ тщеславія былъ убогъ и нестяжатель, и любя извергать изъ корабля все, что когда ни имѣлъ, легко преплылъ море жизни.

Достойны удивленія воздержаніе и довольство малымъ; похвально не отдаваться во власть сластолюбію и не раболѣпствовать несносному и низкому властелину—чреву. Кто же до такой степени былъ почти невкушающимъ нищи и (не много будетъ сказать) безплотнымъ? Многояденіе и пресмыщеніе отринувъ онъ, предоставивъ людямъ, которые уподобляются безсловеснымъ и ведутъ жизнь рабскую и пресмыкающуюся. А самъ не находилъ великаго ни въ чемъ томъ, что, пройдя чрезъ гортань, имѣетъ равное достоинство; но пока былъ живъ, поддерживалъ жизнь самымъ необходимымъ, и одну зналъ роскошь—не имѣть и вида роскоши, но взирать на крины и на птицъ, у которыхъ и красота безъискусственна и пища вездѣ готова,—взирать сообразно съ высокимъ наставленіемъ (Матѣ. 6, 26—28.) моего Христа, обнищавшаго для насъ и плотію, чтобы обогатились мы Божествомъ. Отъ сего-то у Василія одинъ былъ хитонъ, одна была верхняя ветхая риза; а сонъ на голой землѣ, бдѣніе, неупотребленіе омо-

веній составляли его украшеніе; самую вкусною вечерю и снѣдію служили хлѣбъ и соль — новаго рода приправа, и трезвенное и неоскудѣвающее питіе, какое и не трудившимся приносить источники. А этимъ же, или не оставляя этого, облегчать и врачевать свои недуги было у него общимъ со мною правиломъ любомудрія. Ибо мнѣ, скуднему въ другомъ, надлежало сравниться съ нимъ въ скорбной жизни.

(62)

— Велики дѣвство, безбрачная жизнь, вчиненіе съ Ангелами—существами одинокими, помедлю говорить: со Христомъ, Который, благоволивъ и родиться для насъ рожденныхъ, раждается огъ Дѣвы, узаконяя тѣмъ дѣвство, которое бы возводило насъ отсель, ограничивало міръ, лучше же сказать, изъ одного міра препосылало въ другой міръ, изъ настоящаго въ будущій. Но кто же лучше Василия или дѣвство чтить, или предписывалъ законы плоти, не только собственнымъ своимъ примѣромъ, но и произведеніями своихъ трудовъ? Кѣмъ устроены обители дѣвъ? Кѣмъ составлены письменныя правила, которыми онъ уцѣломудривалъ всякое чувство, приводилъ въ благоустройство каждый членъ тѣла, и убѣждалъ хранить истинное дѣвство, обращая внутреннюю красоту отъ видимаго къ незримому, изнуря вѣншее, отнимая у пламени стараемое вещество, сокровенное же открывая Богу—единому Жениху чистыхъ душъ, Который вводитъ къ Себѣ души бодрствующія, если исходятъ во срѣтеніе Ему съ свѣтло-горащими свѣтильниками и съ обильнымъ запасомъ елея.

Много было споровъ и разногласій о жизни пу-

стыннической и уединенно-общежительной. Безъ сомнѣнія та и другая имѣетъ въ себѣ и доброе и худое не безъ примѣси. Какъ первая, хотя въ большей степени безмолвна, благоустроена и удобнѣе собираетъ къ богомыслию, но, поелику не подвергается испытаніямъ и сравненіямъ, бываетъ не безъ надменія; такъ другая, хотя въ большей степени дѣятельна и полезна, но не изъята отъ мятежей. И Василій превосходнѣйшимъ образомъ соединилъ и слилъ оба сіи рода жизни. Построилъ скиты и монастыри не вдали отъ общинъ и общежитій, не отдѣляя однихъ отъ другихъ, какъ-бы нѣкоторою стѣною, и не разлучалъ, но вмѣстѣ и привелъ въ ближайшее соприкосновеніе и разграничилъ, чтобы и любомудріе не было необщительнымъ, и дѣятельность не была нелюбомудренною; но какъ море и суша дѣлятся между собою своими дарами, такъ и они бы совокупно дѣйствовали къ единой славѣ Божіей. — (63)

Что еще? Прекрасны человеколюбіе, питаніе нищихъ, вспомоствованіе человѣческой немощи. Отойди нѣсколько отъ города, и посмотри на новый городъ (п), на сіе хранилище благочестія, на сію общую сокровищевлагательницу избыточествующихъ, въ которую по увѣщаніямъ Василія вносятся не только избытки богатаго, но даже и послѣднія достоянія, и здѣсь ни моли до себя не допускаютъ, ни татей не радуютъ, но спасаются и отъ нападе-

(п) Страннопримный домъ, построенный Св. Василиемъ близъ Бесаріи.

ній зависти и отъ разрушительнаго времени. Здѣсь учится любомудрію болѣзнь, ублажается несчастіе, испытывается сострадательность. Въ сравненіи съ симъ заведеніемъ что для меня и седмивратные и Египетскіе Оивы, и Вавилонскія стѣны, и Карійскія гробницы Мавзола, и пирамиды, и неисчетное количество мѣди въ Колоссѣ, или величіе и красота храмовъ уже не существующихъ, но составляющихъ предметъ удивленія для людей, и описываемыхъ въ исторіяхъ, хотя строителямъ своимъ не принесли они никакой пользы, кромѣ незначительной славы? Для меня гораздо удивительнѣе сей краткій путь ко спасенію, сіе самое удобное восхожденіе къ небу. Теперь нѣтъ уже предъ нашими взорами тяжкаго и жалкаго зрѣлища; не лежатъ передъ нами люди еще до смерти умершіе и омертвѣвшіе большею частію тѣлесныхъ своихъ членовъ, гонимые изъ городовъ, изъ домовъ, съ торжищъ, отъ водъ, отъ людей наиболѣе имъ любезныхъ, узнаваемые только по именамъ, а не по тѣлеснымъ чертамъ. Ихъ не кладутъ товарищи и домашніе при мѣстахъ народныхъ собраній и сходбищъ, чтобъ возбуждали своею болѣзнію не столько жалость, сколько отвращеніе, слагая жалобныя пѣсни, если у кого остается еще голосъ. Но къ чему описывать всѣ наши злостраданія, когда недостаточно къ сему слово? Василиій преимущественно предъ всѣми убѣждалъ, чтобы мы, какъ люди, не презирали людей, безчеловѣчіемъ къ страждущимъ не безчестили Христа—единую всѣхъ Главу; но чрезъ бѣдствія другихъ благоустроили собственное свое спасеніе, и имѣя нужду въ милосердіи, свое мило-

сердіе давали въ-заимъ Богу. Посему этотъ благородный, рожденный отъ благородныхъ и сіяющій славою, мужъ не гнушался и лобзаніемъ устъ чтить болѣзнь, обнималъ недужныхъ какъ братьевъ, не изъ тщеславія (такъ подумалъ бы иной; но кто былъ столько далекъ отъ сея страсти, какъ Василій?), но чтобы научить своимъ любовудріемъ—не оставлять безъ услугъ страждущія тѣла. Это было и многовѣщее и безмолвное увѣщаніе. И не городъ только пользовался симъ благодѣяніемъ, а область и другія мѣста лишены были онаго. Напротивъ того, всѣмъ предстоятелямъ народа предложилъ онъ общій подвигъ — человѣколюбіе и великодушіе къ несчастнымъ. У другихъ — приготовители снѣдей, роскошныя трапезы, поварскія, искусно приправленныя снѣди, красивыя колесницы, мягкія и волнующіяся одежды; а у Василія—больные, цѣленіе ранъ, подражаніе Христу, не только словомъ, но и дѣломъ очищающему проказу. (61)

Что скажутъ намъ на сіе тѣ, которые обвиняютъ его въ гордости и надменности — эти злые судіи толикихъ доблестей, повѣряющіе правіло не правілами? Возможно ли, хотя лобызать прокаженныхъ и смиряться до такой степени, однако же и превозноситься предъ здоровыми? Возможно ли — изнурять плоть воздержаніемъ, но и надмевать душу пустымъ тщеславіемъ? Возможно ли, хотя осуждать фарисея, проповѣдовать объ униженіи гордыни, знать, что Христосъ снишелъ до рабія зрака, вкушалъ пищу съ мытарями, умывалъ ноги ученикамъ, не возгнушался крестомъ, чтобы пригвоздить къ нему мой грѣхъ, а что и сего необмы-

чайнѣ, видѣтъ Бога распятаго, распятаго среди разбойниковъ, осмѣиваемаго мимоходящими — Бога неодолимаго и превьшаго страданій; однако же парить самому надъ облаками, никого не признавать себѣ равнымъ, какъ представляется сіе клеветущимъ на Василия? Напротивъ того думаю, что кичливостію назвали они постоянство, твердость и непоколебимость его нрава. А также, разсуждаю, они способны называть и мужество дерзостію, и осмотрительность робостію, и цѣломудріе чловѣко-ненавистничествомъ, и правдивость необщительностію. Ибо не безъ основанія заключили нѣкоторые, что пороки идутъ слѣдомъ за добродѣтелями, и какъ-бы сосѣдственны съ ними, что не обучившійся различать сему подобнаго всего легче можетъ принимать вещь не за то, что она въ дѣйствительности.

Кто больше Василия читлъ добродѣтель, или наказывалъ порокъ, или оказывалъ благосклонность къ отличившимся и суровость къ погрѣшившимъ? Часто улыбка его служила похвалою, а молчаніе — выговоромъ, подвергающимъ злое укоризнамъ собственной совѣсти. Но если бы кто былъ неговорливъ, нешутливъ, не охотникъ до собраній, и для многихъ не нравился тѣмъ, что не бываетъ всѣмъ для всѣхъ и не всѣмъ угождаетъ, что изъ сего? Для имѣющихъ умъ не скорѣе ли заслуживаетъ онъ похвалу, нежели порицаніе? Развѣ иный станетъ винить и льва за то, что смотритъ не обезьяной, но грозно и царски, что у него и прыжки благородны, вмѣстѣ удивительны и пріятны; а представляющихъ на зрѣлищѣ будетъ хвалить за пріятность и снисходительность, потому что угождаютъ народу

и возбуждаютъ смѣхъ громкими пощечинами другъ другу? Но если бы и того стали мы искать въ Василии; кто былъ столько пріятель въ собраніяхъ, какъ извѣстно сіе мнѣ, который всего чаще имѣлъ случай видѣть его? кто могъ увлекательнѣе его бесѣдовать, шутить назидательно, уязвлять не оскорбляя, выговора не доводить до наглости, а похвалы до потачки, но въ похвалѣ и выговорѣ избѣгать неумѣренности, пользоваться ими съ разсужденіемъ и наблюдая время, по законамъ Соломона, назначающаго *время всякой вещи* (Екклес. 3, 1.)?

Но что сіе значить въ сравненіи съ совершенствомъ Василія въ словѣ, съ силою дара учить, покоровшею ему міръ? Доселѣ медлимъ еще при подножіи горы, не восходя на ея вершину; доселѣ плаваемъ по заливу, не пускаясь въ широкое и глубокое море. Думаю, если была (Ис. 27, 15.), или будетъ (1 Кор. 15, 52.) труба, оглашающая большую часть воздуха, если представишь или гласъ Божій объемлющій міръ, или, въ слѣдствіе новаго явленія и чуда, потрясающуюся вселенную; то сему можно уподобить голосъ и умъ Василіевъ, которые столько превзошли и оставили ниже себя всякій голосъ и умъ, сколько превосходимъ мы естество безсловесныхъ.

Кто больше Василія очистилъ себя Духу и приуготовился, чтобы стать достойнымъ истолкователемъ божественнаго Писанія? Кто больше его просвѣтился свѣтомъ вѣдѣнія, прозрѣлъ въ глубины Духа, и съ Богомъ изслѣдовалъ все, что вѣдомо о Богѣ? Кто обладалъ словомъ, лучше выражающимъ мысль, такъ что по примѣру многихъ, у которыхъ

(66) - или мысль не находитъ слова, или слово отстаеъ отъ мысли, не имѣлъ онъ недостатка ни въ томъ ни въ другомъ, но одинаково достоинъ похвалы за мысль и за слово, вездѣ оказывался равенъ самому себѣ и въ подлинномъ смыслѣ совершенъ? О Духъ засвидѣтельствовано, что Онъ *вся испытуетъ, и глубины Божія* (1 Кор. 2, 10.), не по тому, что не знаетъ, но по тому, что увеселяется созерцаніемъ. А Василиемъ испытаны всѣ глубины Духа, и изъ сихъ-то глубинъ почерпалъ онъ нужное, чтобы образовать нравы, научать высокой рѣчи, отвлекать отъ настоящаго и преселять въ будущее. Похваляются у Давида красота и величіе солнца, скорость его теченія и сила, потому что оно сіяетъ *какъ женихъ, величественно какъ исполинъ*, и протекая дальній путь, имѣетъ столько силы, чтобы равномерно освѣщать отъ края до края, и по мѣрѣ разстояній не уменьшать теплоты (Пс. 18, 6. 7.). А въ Василии красотою была добродѣтель, величіемъ—богословіе, шествіемъ—непрестанное стремленіе и восхожденіе къ Богу, силою—сѣяніе и раздаяніе слова. И потому мнѣ не коснѣя можно сказать: *во всю землю изыде вѣщаніе его, и въ концы вселенныя глаголы его*, что Павелъ сказалъ объ Апостолахъ (Рим. 10, 18.), заимствовавъ слова у Давида (Пс. 18, 5.). Что иное составляетъ сего-дня пріятность собранія? Что услаждаетъ на пиршествахъ, на торжищахъ, въ церквахъ, увеселяетъ начальниковъ и подчиненныхъ, монаховъ и уединенно-общественныхъ, людей бездолжностныхъ и должностныхъ, занимающихся любомудріемъ виѣшнимъ, или нашимъ? Вездѣ одно и величайшее услажденіе—

это писанія и творенія Василиевы. Послѣ него не нужно писателямъ инаго богатства, кромѣ его писаній. Умолкаютъ старыя толкованія Божія слова, надъ которыми потрудились нѣкоторые, возглашаются же новыя; и тотъ у насъ совершеннѣйшій въ словѣ, кто преимущественно предъ другими знаетъ Василиевы писанія, имѣетъ ихъ въ устахъ и дѣлаетъ внятными для слуха. Въмѣсто всѣхъ одинъ онъ сталъ достаточенъ учащимся для образованія. Это одно скажу о немъ. (67)

Когда имѣю въ рукахъ его *Шестодневъ*, и произношу устно; тогда бесѣдую съ Творцемъ, постигаю законы творенія, и дивлюсь Творцу болѣе, нежели прежде, имѣвъ своимъ наставникомъ одно зрѣніе. Когда имѣю предъ собою его обличительныя слова на еретиковъ; тогда вижу Содомскій огонь, которымъ испепеляются лукавые и незаконныя языки и самый Халанскій столпъ, ко вреду созидаемый и прекрасно разрушаемый. Когда читаю слова о Духѣ; тогда Бога, Котораго имѣю, обрѣтаю вновь, и чувствую въ себѣ дерзновеніе вѣщать истину, восходя по степенямъ его богословія и созерцанія. Когда читаю прочія его толкованія, которыя онъ уясняетъ и для людей *малозрѣщихъ, написавъ трижды на твердыхъ скрижаляхъ своего сердца* (Притч. 22, 21.); тогда убѣждаюсь не останавливаться на одной буквѣ, и смотрѣть не на поверхность только, но простираться далѣе, изъ одной глубины поступать въ новую глубину, призывая бездною бездну и приобрѣтая свѣтомъ свѣтъ, пока не достигну высшаго смысла. Когда займусь его похвалами подвижникамъ; тогда презираю

тѣло, собесѣдую съ похваляемыми, возбуждаюсь къ подвигу. Когда читаю нравственныя и дѣятельныя его слова; тогда очищаюсь въ душѣ и въ тѣлѣ, дѣлаюсь угоднымъ для Бога храмомъ, органомъ, въ который ударяетъ Духъ, пѣснословцемъ Божіей славы и Божія могущества, и чрезъ то преобразуюсь, прихожу въ благоустройство, изъ одного человѣка дѣлаюсь другимъ, измѣняюсь божественнымъ измѣненіемъ.

(28) — Поелику же упомянулъ я о богословіи и о томъ, сколько высокоглаголивъ былъ въ этомъ Василій; то присовокуплю къ сказанному и слѣдующее. Ибо для многихъ всего полезнѣе не потерпѣть вреда, возымѣвъ о немъ худое мнѣніе. Говорю же сіе людямъ злонамѣреннымъ, которые помогаютъ собственнымъ недостаткамъ, приписывая ихъ другимъ. За правое ученіе, за единеніе и собожественность (или не знаю какъ назвать точнѣе и яснѣе) въ Святой Троицѣ Василій охотно согласился бы не только лишиться престоловъ, которыхъ не домогался и въ-началѣ, но даже бѣжать ихъ, и самую смерть, а прежде смерти мученія, встрѣтилъ бы онъ какъ пріобрѣтеніе, а не какъ бѣдствіе. Сіе и доказалъ уже онъ тѣмъ, что сдѣлалъ и что претерпѣлъ; когда за истину осужденный на изгнаніе о томъ только позаботился, что одному изъ провожатыхъ сказалъ: возми записную книжку, и слѣдуй за мной. Между тѣмъ вмѣнялъ онъ въ необходимость *устроить словеса на судъ*, пользуясь въ семъ совѣтомъ божественнаго Давида (Пс. 111, 5.), и отложить не на-долго время брани, потерпѣть владычество еретиковъ, пока не наступитъ время свободы и не

придасть дерзновенія языку. Еретики подѣскивались, чтобы уловить ясное реченіе о Духѣ, что Онъ Богъ;—сіе справедливо, но казалось злочестивымъ для нихъ и для злаго предстателя нечестія. Имъ хотѣлось изгнать изъ города Василія — сіи уста Богословія, а самимъ овладѣть Церковію, и обративъ ее въ засаду для своего зловѣрія, производить отсюда, какъ изъ крѣпости, набѣги на другихъ. Но Василій иными реченіями Писанія и несомнѣнными свидѣтельствами, имѣющими такую же силу, а также неотразимостію умозаключеній, столько стѣснилъ прекословившихъ, что они не могли противиться, но были связаны собственными своими выраженіями, что и доказываетъ особенную силу его слова и благоразуміе. То же доказываетъ и слово, какое онъ написалъ о семъ, вода писаломъ, омакаемымъ въ сосудѣ Духа. Между тѣмъ Василій медлилъ до времени употребить собственное реченіе. прося у самого Духа и у искреннихъ поборниковъ Духа не огорчаться его осмотрительностію; потому что, когда время поколебало благочестіе, стоя за одно реченіе, можно неумѣренностію все погубить. И поборникамъ Духа нѣтъ никакого вреда отъ малаго измѣненія въ реченіяхъ, когда подъ другими словами узнаютъ они тѣ же понятія; потому что спасеніе наше не столько въ словахъ, сколько въ дѣлахъ. Не слѣдовало бы отвергать Иудеевъ, если бы, требуя удержать на-время слово: помазанникъ, вмѣсто слова: Христось, согласились они присоединиться къ намъ. Напротивъ того величайшій вредъ будетъ для цѣлаго, если Церковію будутъ владѣть еретики. А что Василій, преиму-

щественно предъ всѣми, исповѣдывалъ Духа Богомъ, сіе доказывалось тѣмъ, что онъ многократно, если только представлялся случай, проповѣдывалъ сіе всенародно, а также и наединѣ съ ревностію свидѣтельствовалъ предъ тѣми, которые спрашивали. Но еще яснѣе выразилъ сіе въ словахъ ко мнѣ, предъ которымъ въ бесѣдѣ о такихъ предметахъ у него не было ничего сокровеннаго. И не просто подтверждалъ онъ это, но, что рѣдко дѣлывалъ прежде, присовокуплялъ самыя страшныя на себя заклинанія, что, если не будетъ чтить Духа единосущнымъ и равночестнымъ Отцу и Сыну, то да лишень будетъ самаго Духа. Если же кто, хотя въ этомъ, признаетъ меня участникомъ его мыслей; то открою вѣчто, можетъ-быть, неизвѣстное многимъ. Когда, по тѣснотѣ времени, налагалъ онъ на себя осторожность; тогда предоставлялъ свободу мнѣ, котораго, какъ почтеннаго неизвѣстностію, никто не сталъ бы судить и изгонять изъ отечества,—предоставлялъ съ тѣмъ, чтобы наше благовѣствованіе было твердо при его осторожности и моемъ дерзновеніи.

И сего коснулся я не въ защищеніе его славы (Василій выше всѣхъ обвинителей, если бы и нашлись еще какіе), но въ предостереженіе тѣхъ, которые за опредѣленіе благочестія принимаютъ тѣ одни реченія, какія находятся въ писаніяхъ сего мужа, чтобы они не возъмѣли слабѣйшей вѣры, и въ оправданіе своего зловѣрія не обратили его богословія, какое, по внушенію Духа, изложилъ онъ примѣнительно ко времени, но чтобы, внимая въ смыслъ написаннаго, и въ цѣль, съ какою написано,

паче и паче восходили къ истинѣ и заграждали уста нечестивымъ. О если бы богословіе его было моимъ богословіемъ, и богословіемъ всѣхъ единомысленныхъ со мною! Я столько полагаюсь на чистоту Василиевой въ семь вѣры, что кромѣ всего прочаго и ее готовъ раздѣлить съ нимъ; пусть предъ Богомъ и предъ людьми благомыслящими вмѣнится моя вѣра ему, а его мнѣ! Ибо не называемъ противорѣчащими другъ другу Евангелистовъ за то, что одни занимались болѣе челоуѣчествомъ Христовымъ, а прочіе богословіемъ; одни начали тѣмъ, что относится къ намъ, а другіе тѣмъ, что превыше насъ. Раздѣлили же такимъ образомъ между собою проповѣдь для пользы, какъ думаю, пріемлющихъ и по внушенію глаголющаго въ нихъ Духа.

Но поелику въ ветхомъ и въ новомъ Завѣтѣ было много мужей извѣстныхъ благочестіемъ, законодателей, военачальниковъ, пророковъ, учителей, мужественныхъ до крови; то, сличивъ съ ними Василія, и отсюда составимъ о немъ понятіе. Адамъ удостоенъ быть рукотвореніемъ Божиимъ, вкушать райское наслажденіе и принять первый законъ, но (чтобы при уваженіи къ прародителю не сказать чего-либо хульнаго) не соблюлъ заповѣди. Василій же и принялъ и сохранилъ заповѣдь, отъ древа познанія не потерпѣлъ вреда, и пройдя мимо пламеннаго меча, (совершенно знаю) достигъ рая. *Енохъ упова первый призываети Господа* (Быт. 4, 26.). Но Василій и призвалъ и другимъ проповѣдалъ, — что гораздо важнѣе призванія. Енохъ преложень, принявъ сіе преложеніе въ награду за малое благочестіе

(71) — (потому что вѣра состояла еще въ тѣняхъ), и тѣмъ избѣжалъ опасностей послѣдующей жизни. Но для Василія, совершенно испытаннаго въ жизни совершенной, цѣлая жизнь была предложениемъ. Ною поручены были ковчегъ и сѣмена втораго міра, повѣренныя малому древу и спасаемыя отъ водъ. Но Василій избѣжалъ потопа нечестія, содѣлалъ городъ свой ковчегомъ спасенія, легко преплывающимъ пучину ересей, и обновилъ изъ него цѣлый міръ. Великъ Авраамъ, патріархъ и жрецъ необычайной жертвы, который рожденнаго по обѣтованію приводитъ къ Даровавшему, какъ готовую жертву и поспѣшающую на закланіе. Но не меньше жертва и Василія, который самого себя принесъ Богу, и въ-замѣнъ не получилъ ничего равночестнаго такой жертвѣ (да и могло ли что быть равночестнымъ?), а потому и совершилъ жертвоприношеніе. Исаакъ былъ обѣтованъ еще до рожденія. Но Василій былъ самообѣтованъ, помявъ Ревекку, то-есть Церковь, не издалека, но вблизи, не чрезъ посольство домохадца, но данную и ввѣренную Богомъ. Онъ не былъ перехитренъ касательно предпочтенія дѣтей, но непогрѣшительно удѣлилъ каждому должное, разсудивъ по Духу. Хвалю лѣствицу Іакова, и столпъ, который помазалъ онъ Богу, и борьбу его съ Богомъ, если это была борьба, а не приравненіе, какъ думаю, человѣческой мѣры къ Божіей высотѣ, отъ чего и носить онъ на себѣ знаменія побѣжденнаго естества. Хвалю благопопечительность сего мужа о стадѣ, и его благоденствіе, и двѣнадцать патріарховъ происшедшихъ отъ него, и раздѣлъ благословенія, и знаменитое при семъ пророчество о бу-

душемъ. / Но хвалю также лѣствицу, которую не видѣлъ только Василій, но прошелъ постепенными восхожденіями въ добродѣтели; хвалю не помазанный, но воздвигнутый имъ Богу столпъ, который предаеть позору нечестивыхъ; хвалю борьбу, въ которой боролся не съ Богомъ, но за Бога, низлагая ученіе еретиковъ; хвалю и пастырское его искусство, которымъ обогатился, пріобрѣтя большее число овецъ знаменанныхъ, нежели не знаменанныхъ; хвалю и доброе многочадіе рожденныхъ по Богу и благословеніе, которымъ подкрѣпилъ многихъ. / Иосифъ былъ раздавателемъ хлѣба, но для одного Египта, притомъ не многократно, и хлѣба тѣлеснаго. А Василій былъ раздавателемъ для всѣхъ, всегда, и хлѣба духовнаго, что для меня важнѣе Иосифова житомѣрія. И онъ былъ искушенъ съ Иовомъ Авситидійскимъ, и побѣдилъ, и при концѣ подвиговъ громко провозглашено о немъ, что не поколебалъ его никто изъ многихъ покушавшихся привести въ колебаніе, но что со многимъ превосходствомъ низложилъ онъ искушителя, и заградилъ уста неразумію друзей, которые не знали тайны страданія. *Моисей и Ааронъ во іереехъ его* (Пс. 38, 6.)— тотъ великій Моисей, который казнилъ Египеть, спасъ народъ при знаменіяхъ и чудесахъ многихъ, входилъ внутрь облака и далъ двоякій законъ, внѣшній—законъ буквы, и внутренній—законъ духа; и тотъ Ааронъ, братъ Моисеевъ и по тѣлу и по духу, который припосилъ жертвы и молитвы за народъ, былъ таинникомъ священной и великой скиніи, юже водрузи Господь, а не чловкъ (Евр. 8, 2.). Но Василій — ревнитель обонхъ

не тѣлесными, а духовными и словесными бичами наказуетъ племя еретическое и египетское, люди же избранны, ревнители добрымъ дѣломъ (Тит. 2, 14.), преводить въ землю обѣтованія, пишутъ законы на скрижаляхъ, не сокрушаемыхъ, но спасаемыхъ, не прикровенные, но всецѣло духовные; входятъ во святая-святыхъ, не единожды въ годъ, но многократно и (можно сказать) ежедневно, и оттуда открываетъ намъ Святую Троицу, очищаетъ людей не на время установленными кропленіями, но вѣчными очищеніями. Что превосходнѣе всего въ Иисусѣ?—Военачаніе, раздѣлъ жребіевъ и овладѣніе Святою землею. А Василій развѣ не предводитель, не военачальникъ спасаемыхъ чрезъ вѣру, не раздаятель различныхъ у Бога жребіевъ и обителей, которыя раздѣляетъ предводимымъ? Посему можетъ сказать и сіи слова: *ужа нападоша ми въ державныхъ* (Пс. 98, 6.), *въ руку Твоею жребій мой* (Пс. 30, 16.)—жребій, гораздо драгоценнѣйшій земныхъ и удобопохищаемыхъ. И (не будемъ упоминать о Судіяхъ, или знаменитѣйшихъ изъ Судей) *Самуилъ въ призывающихъ имя Его* (Пс. 38, 6.), отданъ Богу до рожденія, и тотчасъ послѣ рожденія священъ, помазуетъ изъ рога царей и священниковъ. И Василій не освященъ ли Богу съ младенчества, отъ утробы матерней: не отданъ ли Ему и съ хламидою (1 Цар. 2, 19.); не помазанникъ ли Господень, взирающій въ пренебесное и Духомъ помазующій совершенныхъ? Славенъ Давидъ между царями, и хотя повѣствуется о многихъ побѣдахъ и торжествахъ его надъ врагами, однако же главнѣйшее его отличіе—кротость, а до

(72) -

царствованія — сила гуслей, отражающая лукаваго духа (1 Цар. 16, 23.). Соломонъ просилъ у Бога широту сердца, и получивъ, столько преуспѣлъ въ премудрости и созерцаніи, что сталъ славнѣе всѣхъ современниковъ. И Василій, по моему разсужденію, ни мало не уступалъ одному въ кротости, другому въ мудрости; посему усмирять онъ дерзость бѣснующихся царей, и не одна южская, или другая какая царица приходила отъ конецъ земли по слуху о мудрости его, но мудрость его стала извѣстна во всѣхъ концахъ земли. Умолчу о послѣдующей жизни Соломоновой; она всѣмъ извѣстна, хотя и пощадимъ ее. ¶ Ты хвалишь дерзновеніе Илии предъ учителями, и огненное его восхищеніе? Хвалишь прекрасное наслѣдіе Елиссея — милоть, за которою послѣдовалъ и духъ Илинъ? Похвали же и жизнь Василиеву во огнѣ, то-есть во множествѣ искушеній, и спасеніе чрезъ огнь, воспламеняющій, но не сожигающій (извѣстное чудо въ купинѣ), а также прекрасный кожанный покровъ дарованный свыше, то-есть безплотность. Оставляю прочее: юношей орошенныхъ въ огнѣ; бѣглеца пророка, молящагося во чревѣ китовомъ, и ищедшаго изъ звѣря, какъ изъ чертога; праведника, во рвѣ связывавшаго ярость львовъ, и подвигъ седми Маккаевевъ, съ іереемъ и матерью освящаемыхъ Богу кровію и всѣми родами мученій. Василій подражалъ ихъ терпѣнію, и стяжалъ ихъ славу.

Перехожу къ новому Завѣту, и сравнивъ съ Василіемъ прославившихся въ ономъ, почту ученика по учителямъ. Кто Предтеча Іисусовъ? Іоаннъ, какъ гласъ — Слова, и какъ свѣтильникъ — Свѣта,

взыгралъ предъ Иисусомъ во чревѣ, и предшествовалъ Ему во адѣ, предпосланный Иродовымъ неистовствомъ, чтобы и тамъ проповѣдать Градущаго. И если кому слово мое кажется смѣлымъ, пусть напередъ приметъ во вниманіе, что я не предпочитаю, даже не равняю Василія съ тѣмъ, кто больше всѣхъ рожденныхъ женами, а хочу показать въ Василіи ревнителя, который имѣетъ нѣкоторыя отличительныя черты Іоанновы. Ибо для учащихся не мало важно и малое подражаніе великимъ образцамъ. И Василій не явственное ли изображеніе Іоаннова любомудрія? И онъ обиталъ въ пустынь; и у него одеждою по ночамъ была власяница—незнаемая и непоказываемая другимъ; и онъ любилъ такую же пищу, очищая себя Богу воздержаніемъ; и онъ сподобился быть проповѣдникомъ, хотя и не предтечею Христовымъ; и къ нему исходили, не только всѣ окрестныя, но и живущіе внѣ предѣловъ страны; и онъ сталъ среди двухъ Завѣтовъ, разрѣшая букву одного и обнаруживая духъ другого, разрѣшеніе видимаго обращая въ полноту сокровеннаго. /И онъ подражалъ въ ревности Петру, въ неутомимости Павлу, а въ вѣрѣ—обоимъ симъ именитымъ и переименованнымъ Апостоламъ, въ велегласіи же—сынамъ Заведеевымъ, въ скудости и неизлишествѣ—всѣмъ ученикамъ. А за сіе ввѣряются ему и ключи небесныя; не только отъ Іерусалима до Илирика, но гораздо большій кругъ объемлетъ онъ Евангеліемъ; и хотя не именуется, однако же дѣлается сыномъ громовымъ. И онъ, возлежа на лонѣ Иисусовомъ, извлекаетъ отсюда силу слова и глубину мыслей. *Стать Стефаномъ,*

хотя и готовъ былъ, воспрепятствовало ему то, что уваженіемъ къ себѣ удерживалъ побивающихъ камнями. Но я намѣренъ сказать еще короче, не входя о семъ въ подробности. Иное изъ совершенствъ самъ онъ избрѣлъ, въ другомъ подражалъ, а въ иномъ превзошелъ, и тѣмъ, что преуспѣвалъ во всемъ, сталъ выше всѣхъ извѣстныхъ нынѣ.

Сверхъ всего скажу еще объ одномъ, и притомъ кратко. (77)
 Такова доблесть сего мужа, таково обиліе славы, что многое маловажное въ Василии, даже тѣлесные его недостатки, другіе думали обратить для себя въ средство къ славѣ. Таковы были блѣдность лица, отращеніе на немъ волосъ, тихость походки, медленность въ рѣчахъ, необычайная задумчивость и углубленіе въ себя, которое во многихъ, по причинѣ неискуснаго подражанія и неправильнаго разумѣнія, сдѣлалось угрюмостью. Таковы же были: видъ одежды, устройство кровати, приемы при вкушеніи пищи, что все дѣлалось у него не по намѣренію, но просто, и какъ случилось. И ты увидишь многихъ Василиевъ по наружности; это — изваянія представляющія тѣнь Василиеву; ибо много сказать, чтобы они были и эхомъ. Эхо, хотя окончаніе только реченій, однако же повторяетъ явственно; а эти люди болѣе отстоятъ отъ Василія, нежели сколько желаютъ къ нему приблизиться. Справедливо же ставилось въ немалую, а даже въ великую честь, если кому случалось или близкимъ быть къ Василію, или приелуживать ему, или замѣнить на память что-либо имъ сказанное или сдѣланное, въ шутку ли то, или съ намѣреніемъ, чѣмъ, сколько знаю, и я неоднократно хвалился; потому

что у Василя и необдуманное было драгоценнѣе и замѣлательнѣе сдѣланнаго другими съ усиленіемъ.

(78) — Когда же, теченіе скончавъ и вѣру соблюдши, возжелалъ онъ разрѣшиться, и наступило время къ принятію вѣщевъ; когда услышалъ онъ не то повелѣніе: *взыди на гору, и скончайся* (Втор. 32, 49, 50.), но другое: «*скончайся, и взойди къ намъ*»: тогда совершаетъ онъ чудо не меньше описанныхъ. Будучи уже почти мертвъ и бездыханенъ, оставивъ большую часть жизни, оказывается онъ еще крѣпкимъ при произнесеніи исходной своей рѣчи, чтобы отойти отсель съ вѣщаніями благочестія, и на рукоположеніе искреннѣйшихъ своихъ служителей подаетъ руку и духъ, чтобы алтарь не лишенъ былъ его учениковъ и помощниковъ въ священствѣ.

Коснѣтъ, правда, слово коснуться послѣдующаго, однако же коснется, хотя говорить о семъ и приличнѣе было бы другимъ, а не мнѣ, который (сколько ни учился любомудрію) не умѣю соблюсти любомудрія въ скорби, когда привожу себѣ на память общую потерю и скорбь, какая объяла тогда вселенную.

(79) — /Василій лежалъ при послѣднемъ издыханіи, призываемый къ горнему ликостоянію, къ которому съ давняго времени простиралъ свои взоры. Вокругъ него волновался весь городъ; нестерпима была потеря; жаловались на его отшествіе, какъ на притѣсненіе, думали удержать его душу, какъ будто можно было захватить и насильно остановить ее руками и молитвами (горестъ дѣлала ихъ безразсудными); и всякій, если бы только возможно, го-

товъ былъ приложить ему что-нибудь отъ своей жизни. Когда же всѣ ихъ усилія оказались напрасны (надлежало обличиться тому, что онъ челоѣкъ), и когда, изрекши послѣднее слово: *въ руцѣ Твои предложу духъ мой* (Пс. 30, 6.), поемлемый Ангелами, радостно испустилъ онъ духъ, впрочемъ тайноводствовавъ прежде присутствующихъ, и усовершенствовавъ своими наставленіями: тогда открывається чудо замѣчательнѣйшее изъ бывшихъ когда-либо. Святый былъ выносимъ подъземлемый руками святыхъ. Но каждый заботился о томъ, чтобы вѣзяться или за воскриліе ризъ, или за сѣнь, или за священныи одръ, или коснуться только (ибо что священнѣе и чище его тѣла?), или даже идти подлѣ несущихъ, или насладиться однимъ зрѣніемъ (какъ бы и оно доставляло пользу). Наполнены были торжища, переходы, вторыя и третьи жилища; тысячи всякаго рода и возраста людей, дотолѣ незнаемыхъ, то предшествовали, то сопровождали, то окружали одръ и тѣснили другъ друга. Псалмопѣнія заглушаемы были рыданіями; и любомудріе разрѣшилось горестію. Наши препирались съ посторонними, съ язычниками, съ іудеями, съ пришлецами, а они съ нами, о томъ, кто больше насладится зрѣлищемъ и извлечетъ для себя большую пользу. Скажу въ заключеніе, что горесть окончилась дѣйствительнымъ бѣдствіемъ: отъ тѣсноты, стремленія и волненія народнаго не малое число людей лишились жизни, и кончина ихъ была ублажаема, потому что преселились отсюда вмѣстѣ съ Василіемъ, и стали (какъ сказалъ бы иный усерднѣйшій) надгробными жертвами. Когда же тѣло съ

трудомъ укрѣлось отъ хищныхъ рукъ, и оставило позади себя сопровождающихъ; предается оно гробу отцевъ, и къ іереямъ прилагается архіерей, къ проповѣдникамъ — великій гласъ, оглашающій еще мой слухъ, къ мученикамъ — мученикъ.

И теперь онъ на небесахъ, тамъ, какъ думаю, приноситъ за насъ жертвы и молится за народъ (ибо, и оставивъ насъ, не вовсе оставилъ); а я — Григорій, полумертвый, полуосвѣченный, отторгнутый отъ великаго союза (какъ и свойственно разлученному съ Василиемъ), влекущій жизнь болѣзненную и неблагоуспѣшную, не знаю, чѣмъ кончу, оставшись безъ его руководства. Впрочемъ и донынѣ подаетъ онъ мнѣ совѣты, и если когда преступаю предѣлы должнаго, уцѣломудриваетъ меня въ ночныхъ видѣніяхъ.

(81) — Но если я примѣшиваю къ похваламъ слезы, живописую словомъ жизнь сего мужа, предлагаю будущимъ временамъ общую картину добродѣтели, для всѣхъ Церквей и душъ начертаніе спасенія, на которое взирая, какъ на одушевленный законъ, можемъ устроить жизнь: то вамъ, просвѣщеннымъ его ученіемъ, подамъ ли другой какой совѣтъ, кромѣ того, чтобы, всегда обращая взоръ къ нему, какъ-бы еще видающему васъ и вами видимому, у совершились вы духомъ! И такъ всѣ вы предстоящіе мнѣ, весь Василиевъ ликъ, всѣ служители алтаря, всѣ низшіе служители Церкви, всѣ духовные и мірскіе, приступите и составьте со мною похвалу Василию: пусть каждый расскажетъ объ одномъ какомъ-нибудь изъ его совершенствъ; пусть ищутъ въ немъ сѣдацие на престолахъ — за-

конодателя, гражданскіе начальники — градостроителя, простолюдины — учителя благочинія, ученые — наставника, дѣвы — невѣстоводителя, супруги — наставника въ цѣломудріи, пустынники — окрыляющаго, живущіе въ обществѣ — судію, любители простоты — путеводителя, ведущіе жизнь созерцательную — богослова, живущіе въ веселіи — узду, бѣдствующіе — утѣшеніе, сѣдина — жезлъ, юность — дѣтство, нищета — снабдителя, обиліе — домостроителя. Думаю, что и вдовы восхваляютъ покровителя, сироты — отца, нищіе — нищелюбца, странные — страннолюбца, братія — братолюбца, больные — врача, отъ всякой болѣзни подающаго врачевство, здравые — охранителя здравія, и всѣ — *всѣмъ бывшаго вся* (1 Кор. 9, 22.), да всѣхъ, или какъ можно большее число людей, приобщать.

(12)

Сіе тебѣ, Василій, отъ меня, котораго голосъ былъ для тебя нѣкогда весьма пріятенъ, отъ меня — равнаго тебѣ саномъ и возрастомъ! И если оно близко къ достоинству; то сіе — твой даръ; ибо на тебя надѣясь, приступалъ я къ слову о тебѣ. Если же оно далеко отъ достоинства и гораздо ниже надеждъ; могъ ли что сдѣлать я, сокрушенный старостію, болѣзнію и скорбію о тебѣ? Впрочемъ и Богу угодно то, что по силамъ. Призри же на меня свыше, божественная и священная глава, и даннаго мнѣ, для моего вразумленія, *пакостника плоти* (2 Кор. 12, 7.) утиши твоими молитвами, или научи меня сносить его терпѣливо, и всю жизнь мою направь къ полезнѣйшему! А если преставлюсь, и тамъ прими мя въ крovy свои, чтобы, сожительствуя другъ съ другомъ, чище и

совершенно́е созерца́я святу́ю и блаженну́ю Трои́цу, о Которой ны́нѣ имѣемъ нѣкоторое позна́нiе, остано́вить намъ на семъ свое желанiе, и получи́ть се въ воздая́нiе за то, что мы и ратовали и были ратуемы.

Таково тебѣ отъ меня слово! Кто же восхвалитъ меня, который послѣ тебя оставлю жизнь, если и доставлю слову нѣчто достойное похвалы, о Хри́стѣ Иису́сѣ Госпо́дѣ нашемъ, Которому слава во вѣки? Аминь.

С Л О В О 44,

**НА НЕДЕЛЮ НОВУЮ, НА ВЕСНУ И НА ПАМЯТЬ
МУЧЕНИКА МАМАНТА.**

Древенъ и съ доброю цѣлю установленъ законъ чтить день Обновленія, лучше же сказать, съ днемъ Обновленія чтить новыя благодѣянія, и чтить не однажды, но многократно, всякій разъ какъ съ новымъ обращеніемъ года возвращается тотъ же день, дабы дарованное благо со временемъ не изгладилось изъ памяти, и не исчезло, потерявшись въ глубинѣ забвенія. Обновляются, какъ читаемъ у Исаи, *острови къ Богу* (41, 1.): что бы ни надлежало разумѣть подъ сими островами, а по моему мнѣнію разумѣть должно Церкви не давно устроенныя изъ язычниковъ, возникающія изъ горькаго невѣрія и получающія твердость удобовосходимую для Бога. Обновляется, у другаго Пророка, (Иерем. 1, 18.) *стѣна мѣдяна*, то-есть, какъ думаю, душа твердая и златовидная, новоутвержденная въ благочестіи. Мы имѣемъ повелѣніе *пѣть Господеви пѣснь нову* (Пс. 149, 1.), увлечены ли мы были грѣхомъ въ Вавилонъ, въ эту лукавую слитность, и потомъ счастливо возвратились во

Іерусалимъ, и какъ тамъ, бывъ не землѣ чуждой, не могли пѣть божественной пѣсни, такъ здѣсь составили и новую пѣснь и новый образъ жизни, или постоянно пребывали и преуспѣвали въ добрѣ, и иное уже совершили, а иное еще совершаемъ при помощи Святаго и обновляющаго Духа. Обновляется, и притомъ весьма великолѣпно, Скинія свидѣнія, которую Богъ показалъ, Веселіилъ совершилъ, а Моисей водрузилъ. Обновляется и царство Давидово, даже не однажды, но въ первый разъ при помазаніи, а въ другой—при провозглашеніи Давида царемъ. *Быша же обновленіа во Іеросалимѣхъ, и зима бѣ* (Іоан. 10, 22.), то-есть зима невѣрія. И пришелъ Іисусъ—Богъ и храмъ, Богъ вѣчный, храмъ новый, въ одинъ день разоряемый, въ три дня возстановляемый и пребывающій во вѣки, да буду я спасенъ, воззванъ отъ древняго паденія, и содѣлаюсь новою тварію, возсозданный таковымъ челоуѣколюбіемъ. Божественный Давидъ желаетъ сердца чистаго, въ немъ созидаемаго, и духа праваго, обновляемаго во утробѣ его, не потому, чтобы не имѣлъ (кому же и имѣть, какъ не великому Давиду?) но потому, что признаетъ новымъ настоящее непрестанно прилагаемое къ прошедшему. Но какая мнѣ нужда говорить о большемъ числѣ обновленій? Могу объяснить настоящее обновленіе, которое нынѣ празднуемъ—отъ смерти переходя къ жизни. Обновленіе, обновленіе нашъ праздникъ, братія; да повторяется сіе неоднократно отъ удовольствія! И какое еще обновленіе? Кто знаетъ, пусть научить сему, а не знающій да обновитъ слухъ!

Богъ есть свѣтъ непреступный, Онъ непрерывенъ, не начинался, не прекратится; Онъ неизмѣняемъ, вѣчно-сіяющъ и трисіятеленъ: не многіе (думаю же, едвали и не многіе) созерцаютъ Его во всей полнотѣ. Силы окружающія Бога и служебные души—суть вторые свѣты, отблески Свѣта перваго. А свѣтъ, который у насъ, не только начался въ послѣдствіи, но пресѣкается ночью, и самъ равномерно пресѣкаетъ ночь. Онъ ввѣренъ зрѣнію, разлитъ въ воздухъ, и самъ пріемлетъ то, что отдаетъ; ибо доставляетъ зрѣнію возможность видѣть, и первый бываетъ видимъ посредствомъ зрѣнія, разлитый же вокругъ видимыхъ предметовъ сообщаетъ имъ видимость. Богъ, восхотѣвшій устроить сей міръ, который состоитъ изъ видимаго и невидимаго, и служить великимъ и дивнымъ проповѣдникомъ Его величія, сей Богъ для существъ присносущныхъ Самъ есть Свѣтъ, а не иной кто (ибо нуженъ ли свѣтъ вторичный для тѣхъ, которые имѣютъ Свѣтъ высочайшій?). А существа дольнія и насъ окружающія прежде всего осіяваетъ Онъ симъ видимымъ свѣтомъ. Ибо великому Свѣту прилично было начать мірозданіе сотвореніемъ свѣта, которымъ уничтожаетъ Онъ тму и бывшіе дотолѣ нестроеніе и безпорядокъ. И, какъ разсуждаю, въ-началѣ Богъ сотворилъ не этотъ органическій и солнечный свѣтъ, но не заключенный въ тѣлѣ и въ солнцѣ, а потомъ уже данный солнцу освѣщать всю вселенную. Когда для другихъ тварей осуществилъ Онъ прежде вещество, а въ-послѣдствіи облекъ въ форму, давъ каждому существу устройство частей, очертавіе и величину; тогда, чтобы содѣлать еще большее

чудо, осуществилъ здѣсь форму прежде вещества (ибо форма солнца—свѣтъ), а потомъ уже присовокупляетъ вещество, создавъ око дня, то-есть солнце. По сему къ днямъ причисляется нѣчто первое, второе, третье и такъ далѣе до дня седмаго, упокоевающаго отъ дѣлъ, и сими днями раздѣляется все сотворенное, приводимое въ устройство по неизреченнымъ законамъ, а не мгновенно производимое ¹²³ Всемогущимъ Словомъ, для Котораго помыслить или изречь значить уже совершить дѣло. Если же послѣднимъ явился въ міръ человекъ, почтенный Божіимъ рукотвореніемъ и образомъ; то сіе ни мало не удивительно: ибо для него, какъ для царя, надлежало приготовить царскую обитель, и потомъ уже ввести въ нее царя въ сопровожденіи всѣхъ тварей.

Итакъ, если бы мы пребыли тѣмъ, чѣмъ были, и сохранили заповѣдь, то сдѣлались бы тѣмъ, чѣмъ не были, и пришли бы къ древу жизни отъ древа познанія. Чѣмъ же бы мы сдѣлались? Безсмертными и близкими къ Богу. Но поелику завистию лукаваго *смерть въ міръ вниде* (Прем. Солом. 2, 24.) и овладѣла человекомъ чрезъ обольщеніе; то Богъ, ставъ человекомъ, страждетъ какъ человекъ, и унищаваетъ до воспріятія плоти, чтобы мы обогатились Его нищетою. Отсюда смерть, и гробъ, и воскресеніе. Отсюда новая тварь, и по праздникъ праздникъ; и я опять учредитель торжества, праздную обновленіе моего спасенія.

«Что же?» скажешь. «Развѣ не обновленія день былъ и первый Воскресный день, послѣдовавшій за оною священною и свѣтоносною ночью? Для чего

даешь сіе наименованіе нынѣшнему дню , о празд-
нолюбецѣ, вымышляющій многія веселія?» — То былъ
день спасенія, а это день воспоминанія спасенія.
Тотъ день разграничиваетъ собою погребеніе и вос-
кресеніе , а этотъ есть чисто день новаго рожде-
нія, чтобы, какъ первое твореніе начинается днемъ
недѣльнымъ (а сіе видно изъ того, что седьмой отъ
него день дѣлается субботою, потому что онъ день
упокоенія отъ дѣлъ), такъ и второе твореніе начи-
налось опять тѣмъ же днемъ; потому что онъ есть
первый въ числѣ послѣдующихъ за нимъ, и осмый
въ числѣ предшествующихъ ему — день изъ высо-
кихъ высокій, изъ дивныхъ дивный; ибо ведетъ къ
горнему состоянію. О семъ днѣ, мнѣ кажется, га-
дательствуетъ и божественный Соломонъ, повелѣ-
вая давать *часть седмимъ*, то-есть настоящей
жизни, и *осмимъ* (Еккл. 11, 2.), то-есть жизни
будущей, какъ отъ здѣшняго благодѣланія, такъ и
отъ тамошняго возстановленія. Но и великій Да-
видъ въ честь сего же дня воспѣваетъ псалмы свои:
о *осмомъ* (Пс. 6 и 11.), такъ какъ сему же дню
обновленій воспѣваетъ другой псаломъ (29), име-
нуня какое-то обновленіе дому; а сей домъ—мы,
которые удостоились быть, именоваться и содѣло-
ваться храмомъ Божиимъ.

Вотъ вамъ слово о днѣ Обновленія! Но и сами
обновитесь, и совлекшись ветхаго человѣка, во об-
новленіи жизни (Рим. 6, 4.) жительствуйте, нало-
живъ узду на все, отъ чего бываетъ смерть, об-
учивъ всѣ члены, возненавидѣвъ или излевавъ вся-
кую негодную снѣдь древа, и для того только на-
матую древнее, чтобы избѣгать его *Красень* на

видъ и добръ въ снѣдь былъ тотъ плодъ, который
 умертвилъ меня. Будемъ бѣгать доброцвѣтности,
 станемъ смотрѣть на самихъ себя. *Да не попы-*
дигь ты доброты похоть, ниже да восхитиши-
ся въждами (Притч. 6, 25.), если можно, даже и
 бѣлаго взгляда, помня Еву, сію сладкую приман-
 ку, драгоценную отраву. Спасетъ ли того чужая,
 кого погубила своя? Да не услаждается гортань
 твоя, въ которой бываетъ поглощено все, что да-
 ютъ ей, и многоцѣнное, прежде нежели ею приня-
 то, дѣлается ничего нестоящимъ по принятіи. Тебя
 изнѣжило обоняніе? бѣгай благовоній. Разслаби-
 ло осязаніе? откажись отъ всего, что гладко и
 мягко. Убѣдилъ слухъ? затвори двери всякой
 обольстительной и празднои бесѣды. *Отверзай уста*
твоя слову Божію (Притч. 31, 81.), чтобы при-
 влечь Духъ, а не похитить себѣ смерти. Если оболь-
 щаетъ тебя что-нибудь запрещенное, вспомни, кто
 ты былъ, и отъ чего погибъ. Если хотя нѣсколько
 уклонился ты отъ здраваго смысла; войди въ себя,
 пока не совершенно обезумѣлъ и подвергся смерти,
 изъ ветхаго стань новымъ, и праздноу обновленіе
 души. Гнѣвъ питай на одного только змія, чрезъ
 котораго ты палъ. Всю вождельвательную силу
 твою устреми къ Богу, а не къ чему-либо иному
 злокозненному и обманчивому. Во всемъ да на-
чальствуетъ разсудокъ, и лучшее въ тебѣ да не
увлекается худшимъ. Не питай ненависти, и при-
 томъ безъ причины, къ брату своему, за котораго
 Христось умеръ и, будучи Богомъ и Владыкой,
 сталъ твоимъ братомъ. Не завидуй благоуспѣвшему
 ты, который самъ возбудилъ къ себѣ зависть, по-

вѣрилъ, что тебѣ завидуютъ, и чрезъ то низложенъ. Не презирай слезъ ты, который самъ претерпѣлъ достойное многихъ слезъ, и потомъ помилованъ. Не отталкивай отъ себя бѣднаго ты, который обогащенъ Божествомъ; въ противномъ случаѣ по крайней мѣрѣ не обогащайся во вредъ бѣдному; ибо и это уже много значить при нашей ненасытности. Не презирай странника, за котораго Христосъ былъ странникомъ (а у Христа всѣ мы странники и пришельцы), да не будешь по-прежнему устраненъ изъ рая. Нуждающемуся въ кровѣ, пищѣ и одеждѣ, доставь сіе ты, который пользуешься этимъ, и еще сверхъ нужды. Не люби богатства, если оно не помогаетъ бѣднымъ. Прощай — получившій прощеніе; милуй — помилованный. Человѣколюбіемъ приобрѣтай человѣколюбіе, пока есть къ тому время. Да обновится у тебя вся жизнь, да обновятся всѣ пути твоей дѣятельности. Живущія подъ игомъ супружества! дайте нѣчто и Богу, потому что вы связаны. Дѣвы! отдайте Богу все; потому что вы свободны. Не будьте хищницами рабскаго сластолюбія, избегающія свободы тѣмъ, что живете съ мужьями, хотя они вамъ не мужья. Не терплю, чтобы вы непрестанно страдали сладострастными воспоминаніями. Ненавижу знакомства чрезъ воздухъ. Сильные, убойтесь Сильнѣйшаго; сѣдящіе на высокихъ престолахъ, устращитесь Вышняго! Не дивись тому, что постоянно. Не презирай того, что постоянно. Не сжимай крѣпко того, что взятое въ руки расплывается. Не ревнуй о томъ, что достойно не зависти, а ненависти. Не возносьсь высоко, чтобы не пасть глубже. Не

„ставъ въ великое, что кажешься лучше худыхъ, но скорби, что превосходятъ тебя добрые. Не смѣйся паденію ближняго; самъ ходи, сколько можешь, не преткновенно, но и лежащему на землю подавай руку. Въ печали не теряй надежды на благоденствіе, и при успѣшномъ теченіи дѣлъ жди печали. Въ одинъ годъ бываютъ четыре годовыя времени; одно мгновеніе производитъ многіе перевороты. Удовольствіе да пресѣкается у тебя заботою, а скорбь—лучшею надеждою. Такъ обновляется чловѣкъ, такъ чувствуется день обновленія, такимъ наслажденіемъ, такими яствами. *Да не яви́шися, сказано, предо Мною (κενός) тощъ* (Исх. 23, 15.), но принеси съ собою что-нибудь доброе. А теперь явился (*καιρός*) новъ, съ иными нравами, всецѣло измѣненъ. *Древняя мимойдоша, се быша вся нова* (2 Кор. 5, 17.). Сіе плодоноси празднику, измѣнись добрымъ измѣненіемъ, и даже въ такомъ случаѣ не думай о себѣ высоко, но скажи съ Давидомъ: *сія измѣна десницы Вышняго* (Пс. 76, 11.), отъ Котораго все благоуспѣшное въ людяхъ. Слово Божіе хочетъ, чтобы ты не на одномъ мѣстѣ стоялъ, но былъ приснодвиженъ, благодвиженъ, совершенно новозданъ, и если согрѣшаешь, обращай отъ грѣха, а если благоуспѣваешь, еще болѣе напргалъ силы. Вчера вѣра твоя была сообразна съ обстоятельствами времени, нынѣ познай вѣру Божію. *Доколь храмлешь на обѣ плеснь* (3 Цар. 18, 21.)? Долго ли будешь готовить нужное къ строенію? Займись наконецъ самою постройкою. Вчера вмѣнялъ ты себѣ въ честь казаться; нынѣ вмѣни въ большую себѣ честь быть тѣмъ на самомъ

дѣлѣ. Долго ли у тебя будутъ однѣ грезы? Поза-
 боться когда-нибудь и о дѣйствительности! Вчера
 ты былъ любителемъ зрѣлищъ; окажись нынѣ люби-
 телемъ созерцаній. Вчера былъ ты злорѣчивъ, наглъ,
 нынѣ говори одно доброе и будь кротокъ. Вчера пре-
 давался ты пїанству; нынѣ служи цѣломудрію. Нынѣ
 пьешь вино; завтра пей воду. Нынѣ *сладкосерд-*
ствуешь на одрѣхъ отъ костей слоновыхъ и ма-
жешься первыми вонями (Амос. 6, 4. 6.); завтра
 ложись на голой землѣ и бодрствуй. Изъ смѣюща-
 гося сдѣлайся задумчивымъ, вмѣсто щегольскихъ
 одеждъ надѣнь рубище, вмѣсто высокомѣрнаго и
 напыщеннаго вида прими простую наружность, изъ
 златоносца стань нищетолюбцемъ, изъ высококвѣ-
 снаго поникшимъ къ землѣ. Если такъ будешь раз-
 суждать и поступать; то будетъ небо новое и
 земля новая для тебя, постигающаго какъ прочее
 такъ и сему основаніе. =

Но перейдемъ уже и къ тому, чтобы воспразд-
 новать прилично времени. Ибо все прекрасно сте-
 кается къ торжеству и сорадуется. Смотри, каково
 видимое! Царица годовыхъ временъ исходитъ во
 срѣтеніе царицѣ дней, и приноситъ отъ себя въ
 даръ все, что есть прекраснѣйшаго и прїятнѣйшаго.
 Нынѣ небо прозрачно; нынѣ солнце выше и зла-
 товиднѣе, нынѣ кругъ луны свѣтлѣе и сонмъ звѣздъ
 чище. Нынѣ вступаютъ въ примиреніе волны съ
 берегами, облака съ солнцемъ, вѣтры съ воздухомъ,
 земля съ растеніями, растенія со взорами. Нынѣ
 источники струятся прозрачнѣе, нынѣ рѣки текутъ
 обильнѣе, разрѣшившись отъ зимнихъ узъ; лугъ
 благоухаетъ, растеніе цвѣтетъ, трава посѣкается, и

агнцы скачуть на злчныхъ поляхъ. Уже корабль выводится изъ пристани съ восклицаніями, при томъ большею частію богоугодными, и окривляется парусомъ; дельфинъ, съ возможнымъ удовольствіемъ перевода дыханіе и поднимаясь на-верхъ, играетъ около корабля и неумоимо сопровождаетъ пловцевъ. Уже земледѣлецъ водружаетъ въ землю плугъ, возводя взоръ горѣ и призывая въ помощь Подателя плодовъ; уже ведетъ онъ подъ ярмо вола—оратая, нарѣзываетъ пышную борозду, и веселится надеждами. Уже пасущіе овецъ и воловъ настраиваютъ свирѣли, наигрываютъ пастушескую пѣснь, и встрѣчаютъ весну подъ деревьями и на утесахъ; уже садовникъ ухаживаетъ за деревьями; птицеловъ заготавливаетъ клетки, осматриваетъ лучки, замѣчаетъ полетъ птицъ; рыболовъ всматривается въ глубины, очищаетъ сѣти, и сидитъ на камняхъ. Уже трудолюбивая пчела, расправивъ крылья и оставивъ улей, показываетъ свою мудрость, летаетъ по лугамъ, собираетъ добычу съ цвѣтовъ, и иная обдѣлываетъ соты, переплетая шестиугольныя и одна на другую опрокинутыя чашечки, и смыкая ихъ попеременно, то прямо, то подъ угломъ, вмѣстѣ для красоты и для прочности; а иная складываетъ медъ въ сіи хранилища, и воздѣмываетъ для пришлаго гостя сладкій и безъ плуга возвращенный плодъ. О если бы поступали такъ и мы, Христовъ пчельникъ, мы—имѣющіе передъ собою такой образецъ мудрости и трудолюбія! Уже птица вьетъ себѣ гнѣздо; одна прилетаетъ въ него временно, другая живетъ въ немъ постоянно, а иная летаетъ вокругъ, оглашаетъ лѣсъ и

какъ-бы разговариваетъ съ человѣкомъ. Все воспѣваетъ Бога и славить Его безсловесными гласами. И чрезъ меня за все приносится благодареніе Богу. Такимъ образомъ хвалебная ихъ пѣснь дѣлается моею, отъ нихъ и я беру поводъ къ пѣснословію. Ибо нынѣ выражаетъ радость свою все живущее, и у насъ наслаждается всякое чувство. Нынѣ высоковынный и рыный конь, наскучивъ стоять подъ кровлей и разорвавъ привязь, скачетъ по полю и красуется при рѣкахъ.

Что еще? Нынѣ Мученики подъ открытымъ небомъ совершаютъ торжественное шествіе, къ свѣтлымъ алтарямъ созываютъ народъ христілюбивый и возвѣщаютъ свои подвиги. Къ ихъ числу принадлежатъ и мой вѣнценосецъ (онъ мой, хотя и не у меня: да падетъ зависть! говорю знающимъ), знаменитѣйшій Мамантъ, и пастырь и мученикъ. Онъ прежде доилъ ланей, которыя одна предъ другою поспѣшали напитать праведника необыкновеннымъ млекою; а теперь пасетъ народъ матери градовъ, и сегодня, среди многихъ тысячъ отвсюду поспѣшающихъ людей, празднуетъ обновленіе весны,—какъ отличающейся красотами добродѣтелей, такъ достойной Пастырей и торжественныхъ словъ.

Скажу еще короче: нынѣ весна естественная, весна духовная, весна для душъ, весна для тѣлъ, весна видимая, весна невидимая; и о если бы мы сподобились ея тамъ, прекрасно измѣнившись здѣсь, и обновленными преиди въ новую жизнь, о Христе Іисусе Господѣ нашемъ, Которому всякая слава и честь и держава со Святымъ Духомъ, во славу Бога Отца, аминь!

С Л О В О 45,

НА СВЯТУЮ ПАСХУ.

На стражи моей стану, говоритъ чудный Аввакумъ (2, 1.). Стану съ нимъ нынѣ и я, по даннымъ мнѣ отъ Духа власти и созерцанію; *посмотрю* и узнаю, что будетъ мнѣ показано и что *возглаго- лано*. Я стоялъ и смотрѣлъ: и вотъ мужъ восшед- шій на облака, мужъ весьма высокій, и *образъ его яко образъ Ангела* (Суд. 13, 6.), и одежда его, какъ блистаніе мимолетающей молніи. Онъ *воздѣлъ* руку къ востоку, воскликнулъ громкимъ голосомъ (а гласъ его, какъ гласъ трубы, и вокругъ его какъ-бы множество вой небесныхъ) и сказалъ: «ны- нѣ спасеніе міру, міру видимому и міру невиди- мому! Христось изъ мертвыхъ, — возстаньте съ Нимъ и вы; Христось во славу Своей, — восходите и вы; Христось изъ гроба, — освобождайтесь отъ узъ грѣха; отверзаются врата ада, истребляется смерть, отла- гается ветхій Адамъ, совершается новый: *аще кто во Христѣ, нова тварь* (2 Кор. 5, 17.); обнов- лядитесь». Такъ говорилъ онъ, а другіе воспѣли

то же, что и прежде, когда явился намъ Христосъ чрезъ долнее рожденіе: *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во чловѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. 2, 14.).

Съ ними и я (о если бы имѣть мнѣ и голосъ достойный ангельской пѣсни, и оглашающій концъ міра!) вѣщаю вамъ такъ: Пасха, Господня Пасха! и еще скажу въ честь Троицы: Пасха! Она у насъ праздниковъ праздникъ и торжество торжество; столько превосходитъ всѣ торжества, не только чловѣческія и земныя, но даже Христовы и для Христа совершаемыя, сколько солнце превосходитъ звѣзды. Прекрасно у насъ и вчера блистало и осіявалось все свѣтомъ, какимъ наполнили мы и частныя дома и мѣста общественныя, когда люди, всякаго почти рода и всякаго званія, щедрыми огнями просвѣтили ночь, въ образъ великаго свѣта, свѣта, какимъ небо сіяетъ свыше, озаряя цѣлый міръ своими красотами; свѣта премірнаго, который въ Ангелахъ, первой свѣтлой природѣ послѣ Перваго Естества, изъ Него исходитъ, — и Свѣта въ Троицѣ, Которою составленъ всякій свѣтъ, отъ недѣлимаго Свѣта раздѣляемый и украшаемый. Но прекраснѣе и блистательнѣе нынѣшня свѣтозарность: потому что вчерашній свѣтъ былъ предтечею великаго воскресшаго Свѣта, и какъ-бы предпразднственнымъ веселіемъ; а нынѣ празднуемъ самое воскресеніе, не ожидаемое еще, но уже совершившееся и примиряющее собою весь міръ.

Посему иные пусть принесутъ какіе ни есть другіе плоды, и всякій пусть предложитъ времени свой даръ — даръ праздничный, большой или

малый, но духовный и Богу угодный, сколько у каждого достанетъ на то силъ. Ибо даръ соразмѣрный достоинству едва ли принесутъ и Ангелы — существа первыя, духовныя и чистыя, зрители и свидѣтели горней славы, хотя они способны къ совершеннѣйшему пѣснословію. А я принесу въ даръ слово, какъ лучшее и драгоцѣннѣйшее изъ всего, что имѣю, наипаче же, когда воспѣваю Слово за благодареніе къ разумному естеству. Съ сего и начну. Ибо, принося въ жертву слово о великой Жертвѣ и о величайшемъ изъ дней, не могу не востечь къ Богу и не въ Немъ положить для себя начало. И вы, услаждающіеся подобными предметами, чтобы выйдти вамъ отсель насладившимися дѣйствительно неудобостоцаемымъ, поелику слово у меня о Богѣ и божественно, очистите и умъ, и слухъ, и мысль. Слово же будетъ самое полное и вмѣстѣ самое краткое; какъ не огорчить недостаткомъ, такъ не наскучить и излишествомъ.

Богъ всегда былъ, есть и будетъ, или лучше сказать, всегда есть: ибо слова: былъ и будетъ, означаютъ дѣленія нашего времени и свойственны естеству переходящему: а Сый — всегда. И симъ именемъ именуетъ Онъ Самъ Себя, бесѣдуя съ Моисеемъ на горѣ (Исх. 3, 14.); потому что сосредоточиваетъ въ Себѣ Самомъ всецѣлое бытіе, которое не начиналось и не прекратится. Какъ нѣкое море сущности не опредѣленное и безконечное, простирающееся за предѣлы всякаго представленія о времени и ествѣ, однимъ умомъ (и то весьма не ясно и недостаточно — не въ-разсужденіи того, что есть въ Немъ Самомъ, но въ-разсужденіи того, что

окрестъ Его), чрезъ набрасываніе нѣкоторыхъ очертаній, отгѣняется Онъ въ одинъ какой-то обликъ дѣйствительности, убѣгающій прежде, нежели будетъ уловленъ, и ускользящей прежде, нежели умопредставленъ, столько же осіявающій владычественное въ насъ, если оно очищено, сколько быстрота летящей молніи осіяваетъ взоръ. И сіе, кажется мнѣ, для того, чтобы постигаемымъ привлекать къ Себѣ (ибо совершенно непостижимое безнадежно и недоступно), а не постижимымъ приводить въ удивленіе, чрезъ удивленіе же возбуждать большее желаніе, и чрезъ желаніе очищать, а чрезъ очищеніе содѣлывать богоподобными; и когда содѣлаемся такими, уже бесѣдовать какъ съ присными (дерзнуть слово изречь нѣчто смѣлое) — бесѣдовать Богу, вступившему въ единеніе съ богами и познанному ими, можетъ-быть столько же, сколько Онъ знаетъ познающихъ Имъ (1 Кор. 13, 12.).

Итакъ Божество безпредѣльно и неудобосозерцаемо. Въ немъ совершенно постижимо сіе одно — Его безпредѣльность; хотя иной и почитаетъ принадлежностію простаго естества — быть или во все непостижимымъ, или совершенно-постижимымъ. Но изслѣдуемъ, что составляетъ сущность простаго естества; потому что простота не составляетъ еще его естества, точно такъ же, какъ и въ сложныхъ существахъ не составляетъ естества одна только сложность. Разумъ, разсматривая безпредѣльное въ двухъ отношеніяхъ — въ отношеніи къ началу и въ отношеніи къ концу (ибо безпредѣльное простирается далѣе начала и конца, и не заключается между ними), когда устремить взоръ свой на горнюю

бездну, и не находить, на чемъ остановиться, или гдѣ положить предѣлъ своимъ представленіямъ о Богѣ, тогда безпредѣльное и неизслѣдимое называется безначальнымъ; а когда, устремившись въ дольную бездну, испытываетъ подобное прежнему, тогда называетъ его безсмертнымъ и нетлѣннымъ; когда же сводить въ единство то и другое, тогда именуетъ вѣчнымъ; ибо вѣчность не есть ни время, ни часть времени, потому что она неизмѣрима. Но что для насъ время, измѣряемое теченіемъ солнца, то для вѣчныхъ вѣчность, нѣчто спротяженное съ вѣчными существами и какъ-бы нѣкоторое временное движеніе и разстояніе.

Симъ да ограничится нынѣ любомудрствованіе наше о Богѣ; потому что нѣтъ времени распространяться, и предметъ моего слова составляетъ не богословіе, но Божіе домостроительство. Когда же именую Бога; разумѣю Отца и Сына и Святаго Духа, какъ не разливая Божества далѣе сего числа Лиць, чтобы не ввести множества боговъ, такъ не ограничивая меньшимъ числомъ, чтобы не осуждали насъ въ скудости Божества, когда впадемъ или въ іудейство, защищая единоначаліе, или въ язычество, защищая многоначаліе. Въ обоихъ случаяхъ зло равно, хотя отъ противоположныхъ причинъ. Таково Святое-Святыхъ, сокрываемое и отъ самыхъ Серафимовъ и прославляемое тремя Святынями, которыя сходятся въ единое Господство и Божество, о чемъ другой нѣкто прекрасно и весьма высоко любомудрствовалъ прежде насъ.

Но поелику для Благости не довольно было упражняться только въ созерцаніи Себя самой, а надле-

жало, чтобы благо разливалось, шло далѣе и далѣе, чтобы число облагодѣтельствованныхъ было, какъ можно, большее (ибо сіе свойственно высочайшей Благодати); то Богъ измышляетъ, во-первыхъ, Ангельскія и небесныя силы. И мысль стала дѣломъ, которое исполнено Словомъ и совершено Духомъ. Такъ произошли вторыя свѣтлости, служители первой Свѣтлости, разумѣть ли подъ ними разумныхъ духовъ, или какъ-бы невещественный и безплотный огонь, или другое какое естество, наиболѣе близкое къ сказаннымъ. Хотѣлъ бы я сказать, что они неподвижны на зло и имѣютъ только движеніе къ добру, какъ сущіе окрестъ Бога и непосредственно озаряемые отъ Бога (ибо земное пользуется вторичнымъ озареніемъ); но признавать и называть ихъ не неподвижными, а неудободвижными, убѣждаетъ меня Денница — по свѣтлости, а за превозношеніе ставшій и называемый тмою, съ подчиненными ему богоотступными силами, которыя чрезъ свое удаленіе отъ добра стали виновниками зла, и насъ въ оное вовлекаютъ. Такъ и по такимъ причинамъ сотворенъ Богомъ умный міръ, сколько могу о семъ любомудрствовать, малымъ умомъ взвѣсивая великое.

Поелику же первыя твари были благоугодны Богу; то измышляетъ другой міръ — вещественный и видимый; и это есть стройный составъ неба, земли и того, что между ними, удивительный по прекраснымъ качествамъ каждой вещи, и еще болѣе достойный удивленія по стройности и согласію цѣлаго, въ которомъ, и одно къ другому и все ко всему, состоитъ въ прекрасномъ соотношеніи, служа

Зрѣт

къ полнотѣ единого міра. А симъ Богъ показалъ, что Онъ силенъ сотворить не только сродное, но и совершенно чуждое Себѣ естество. Сродны же Божеству природы умныя и однимъ умомъ постигаемыя, совершенно же чужды твари подлежащія чувствамъ, а и изъ сихъ послѣднихъ еще далѣе отстоять отъ Божественнаго естества твари вовсе неодушевленные и недвижимыя.

Итакъ умъ и чувство, столь различныя между собою, стали въ своихъ предѣлахъ, и изразили собою величіе Зиждительнаго Слова, какъ безмолвныя хвалители и ясноглаголивые проповѣдники великолѣпія. Но еще не было смѣшенія изъ ума и чувства, сочетанія противоположныхъ — сего опыта высшей Премудрости, сей щедрости въ образованіи естествъ; и не все богатство Благости было еще обнаружено. Восхотѣвъ и сіе показать, художническое Слово созидаетъ живое существо, въ которомъ приведены въ единство то и другое, то-есть невидимое и видимая природа, созидаетъ, говорю, челоуѣка; и изъ сотвореннаго уже вещества взявъ тѣло, а отъ Себя вложивъ жизнь (что въ словѣ Божіемъ извѣстно подъ именемъ души и образа Божія), творить какъ-бы нѣкоторый вторый міръ, въ маломъ великій; поставляетъ на землѣ инаго ангела, изъ разныхъ природъ составленнаго поклонника, зрителя видимой твари, таинника твари умосозерцаемой, царя надъ тѣмъ, что на землѣ, подчиненнаго горнему царству, земнаго и небеснаго, временнаго и безсмертнаго, видимаго и умосозерцаемаго, ангела, который занимаетъ средину между величіемъ и низостию, одинъ и тотъ же есть духъ и плоть, —

духъ ради благодати, плоть ради превозношенія, духъ, чтобы пребывать и прославлять Благодѣтеля, плоть, чтобы страдать, и страдая припомянуть и поучаться, сколько ущедренъ онъ величіемъ; творить живое существо, здѣсь предуготовляемое и преселяемое въ иной міръ, и (что составляетъ конецъ тайны) чрезъ стремленіе къ Богу достигающее обоженія. Ибо умѣряемый здѣсь свѣтъ истинны служитъ для меня къ тому, чтобы видѣть и сносить свѣтлость Божію, достойную Того, Кто связуетъ и разрѣшаетъ, и опять совокупить превосходнѣйшимъ образомъ.

Сего человѣка, почтивъ свободою, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чѣмъ и вложившему сѣмена онаго, Богъ поставилъ въ рай (что бы ни значилъ сей рай) дѣлателемъ безсмертныхъ растеній — можетъ-быть божественныхъ помысловъ, какъ простыхъ, такъ и болѣе совершенныхъ, поставилъ нагимъ по простотѣ и безыскусственной жизни, безъ всякаго покровя и огражденія, ибо таковымъ надлежало быть первозданному. Даетъ и законъ для упражненія свободы. Закономъ же была заповѣдь: какими растеніями ему пользоваться, и какого растенія не касаться. А послѣднимъ было древо познанія, и насажденное въ-началѣ не злонамѣренно, и запрещенное не по зависти (да не отверзаютъ при семь устъ богоборцы, и да не подражаютъ змію!); напротивъ того оно было хорошо для употребляющихъ благовременно (потому что древо сіе, по моему умозрѣнію, было созерцаніе, къ которому безопасно приступать могутъ только опытно усовершенствовавшіеся), но не хорошо для

простыхъ еще и для неумѣренныхъ въ своемъ желаніи, подобно какъ и совершенная пища не полезна для слабыхъ и требующихъ молока.

Когда же, по зависти діавола и по обольщенію жены, которому она сама подверглась какъ слабѣйшая, и которое произвела какъ искусная въ убѣжденіи (о немощь моя! ибо немощь прародителя есть и моя собственная), человекъ забылъ данную ему заповѣдь и побѣжденъ горькимъ вкушеніемъ; тогда чрезъ грѣхъ дѣлается онъ изгнанникомъ, удаляемымъ въ одно время и отъ древа жизни, и изъ рая, и отъ Бога, облекается въ кожанья ризы (можетъ быть въ грубѣйшую, смертную и противоборствующую плоть), въ первый разъ познаетъ собственный стыдъ, и укрывается отъ Бога. Впрочемъ и здѣсь пріобрѣтаетъ нѣчто, именно смерть — въ преступленіе грѣха, чтобы зло не стало бессмертнымъ. Такимъ образомъ самое наказаніе дѣлается человеколюбиемъ. Ибо такъ, въ чемъ я увѣренъ, наказываетъ Богъ.

Но въ прегражденіе многихъ грѣховъ, какіе произрасталъ корень поврежденія отъ разныхъ причинъ и въ разныя времена, человекъ и прежде вразумляемъ былъ многообразно: словомъ, Закономъ, Пророками, благодареніями, угрозами, карами, наводненіями, пожарами, войнами, побѣдами, пораженіями, знаменіями небесными, знаменіями въ воздухѣ, на землѣ, на морѣ, неожиданными переворотами въ судьбѣ людей, городовъ, народовъ (все сіе имѣло цѣлю загладить поврежденіе); наконецъ стало нужно сильнѣйшее врачевство, по причинѣ сильнѣйшихъ педуговъ: человекоубійствъ, прелюбо-

дѣяній, клятвопреступленій, муженеистовства, и сего послѣдняго и перваго изъ всѣхъ золь—идолослуженія и поклоненія твари вмѣсто Творца. Поелику все сіе требовало сильнѣйшаго пособія; то и подается сильнѣйшее. И оно было слѣдующее.

Само Божіе Слово, превѣчное, невидимое, непостижимое, безтѣлесное, Начало отъ Начала, Свѣтъ отъ Свѣта, Источникъ жизни и безсмертія, Отпечатокъ Первообраза, Печать не переносимая, Образъ неизмѣняемый, опредѣленіе и слово Отца, приходитъ къ Своему образу, носитъ плоть ради плоти, соединяется съ разумною душою ради моей души, очищая подобное подобнымъ, дѣлается человѣкомъ по всему, кромѣ грѣха. Хотя чревоноситъ Дѣва, въ которой душа и тѣло предочищены Духомъ (ибо надлежало и рожденіе почтить, и дѣвство предпочесть); однако же Происшедшій есть Богъ и съ воспринятымъ (а) отъ Него, единое изъ двухъ противоположныхъ—плоти и Духа, изъ которыхъ Одинъ обожилъ, другая обожена.

О новое смѣшеніе! о чудное раствореніе! Сый начинаетъ бытіе; Несозданный созидается; Необъемлемый объемлетъ чрезъ разумную душу, посредствующую между Божествомъ и грубою плотію; Богатѣй обнищаетъ — обнищаетъ до плоти моей, чтобы мнѣ обогатиться Его Божествомъ; Исполненный истощается—истощается не надолго въ славѣ Своей, чтобы мнѣ быть причастникомъ полно-

(а) Человѣческимъ естествомъ.

ты Его. Какое богатство благодати! Что это за таинство о мнѣ? Я получилъ образъ Божій, и не сохранилъ его; Онъ воспринимаетъ мою плоть, чтобы и образъ спасти, и плоть обезсмертить. Онъ вступаетъ во второе съ нами общеніе, которое гораздо чуднѣе перваго, поколику тогда даровалъ намъ лучшее, а теперь воспріемлетъ худшее; но сіе болѣе перваго, сіе выше для имѣющихъ умъ.

«Но что намъ до сего?» — скажетъ, можетъ-быть, какой-нибудь чрезъ-мѣру ревностный любитель праздниковъ. «Гони коня къ цѣли, — любомудрствуй о томъ, что относится къ празднику, и для чего собрались мы нынѣ.» Такъ и сдѣлаю, хотя началъ нѣсколько отдаленно, къ чему принужденъ усердіемъ и словомъ.

Для любителей учености и изящества не худо, можетъ-быть, кратко разобрать наименованіе самой Пасхи; ибо такое отступленіе будетъ не недостойно слышанія. Великая и досточтимая Пасха называется у Евреевъ пасхою на ихъ языкѣ (гдѣ слово сіе значитъ: прехожденіе) — исторически, по причинѣ бѣгства и преселенія изъ Египта въ Хананею, а духовно, по причинѣ прехожденія и восхожденія отъ дольняго къ горнему и въ землю обѣтованія. Но на многихъ мѣстахъ Писанія находимъ встрѣчающимся, что нѣкоторыя названія изъ неясныхъ измѣнены въ яснѣйшія, или изъ грубыхъ въ благоприличнѣйшія; то же усматриваемъ и здѣсь. Ибо нѣкоторые, принявъ слово сіе за наименованіе спасительнаго страданія, потомъ приспособивъ къ эллинскому языку, по перемѣненіи Ф на П, и К на Х,

наименовали день сей Пасхою (б). А привычка къ измѣненному слову сдѣлала его употребительнѣйшимъ; потому что оно нравилось слуху народа, какъ реченіе болѣе благочестное.

Божественный Апостолъ прежде насъ еще сказалъ, что весь Законъ есть стѣнь грядущихъ (Кол. 2, 17.) и умопредставляемаго. И Богъ, глаголавшій съ Моисеемъ, когда давалъ о семъ законы, говорить: виждь, да сотвориши вся по образу показанному тебѣ на горѣ (Исх. 25, 40.), давая симъ разумѣть, что видимое есть нѣкоторый оттънокъ и предназначеніе невидимаго. И я увѣренъ, что ничего не установлено было напрасно, безъ основанія, съ цѣлію низкою и недостойною Божія законодательства и Моисеева служенія, хотя и трудно для каждой тѣни изобрѣсть особое умозрѣніе, объясняющее всѣ подробности узаконеннаго касательно самой скинии, мѣрѣ, вещества, левитовъ носившихъ ее и служившихъ при ней, и касательно жертвъ, очищеній и приношеній. Сіе удобосозерцаемо только для тѣхъ, которые подобны Моисею добродѣтелю, и наиболѣе приближаются къ нему ученостию. Ибо и на самой горѣ является Богъ человѣкамъ, частію Самъ нисходя съ Своей высоты, а частію насъ возводя отъ дольней низости, чтобы Недостижимый былъ постигнутъ смертною природою, хотя въ малой мѣрѣ и сколько для ней безопасно. Да и невозможно, чтобы дебелость перстнаго тѣла и ума — узника постигала Бога иначе, какъ при Божіемъ пособіи. Посему и тогда не всѣ, какъ извѣстно,

(б) Отъ *пасхоу*, стражду.

удостоены одинакаго чина и мѣста; но одинъ удостоенъ того, а другой—другаго, каждый же, какъ думаю, по мѣрѣ своего очищенія. А иные и совершенно были удалены, и получили дозволеніе слышать одинъ гласъ свыше; это тѣ, которые нравами уподоблялись звѣрямъ и недостойны были божественныхъ таинствъ. Впрочемъ мы, избравъ средину между тѣми, которые совершенно грубы умомъ, и тѣми, которые слишкомъ предаются умозрѣніямъ и пареніямъ ума, чтобы не остаться вовсе недѣятельными и неподвижными, а также и не стать пытливыми сверхъ мѣры, не уклониться и не удалиться отъ предположеннаго предмета (одно было бы вѣчто іудейское и низкое, другое же походило бы на толкованіе сновъ; а то и другое равно предосудительно), будемъ бесѣдовать о семъ по мѣрѣ возможности, не вдаваясь въ крайнія нелѣпости, достойныя осмѣянія.

Разсуждаю же такъ. Поелику насъ, которые въ началѣ пали чрезъ грѣхъ и сластолюбіемъ вовлечены даже въ идолопоклонство и незаконное кровопролитіе, надлежало опять возвести и привести въ первобытное состояніе, по великому милосердію Бога, Отца нашего, не потервѣвшаго, чтобы оставалось поврежденнымъ такое произведеніе руки Его — человѣкъ: то какимъ образомъ возсозидается онъ? и что при семъ происходитъ? Не одобрено сильное врачество, какъ невѣрное и способное произвести новыя раны, по причинѣ затвердѣвшей отъ времени опухоли; усмотрѣнь же для исправленія кроткій и человѣколюбивый способъ врачеванія; потому что и кривая вѣтвь не выноситъ внезапна-

го перегиба и усилія спрямляющей руки, и скорѣе может переломиться, нежели выпрямиться. Горячій и старый конь не терпитъ мучительной узды безъ какой-нибудь лести и ласки. Посему дается намъ въ помощь Законъ, какъ-бы стѣна поставленная между Богомъ и идолами, чтобъ отводить отъ идоловъ и приводить насъ къ Богу. И въ началѣ позволяетъ онъ иное маловажное, чтобы приобрѣсть важнѣйшее. Дозволяетъ пока жертвы, чтобы возстановить въ насъ вѣдѣніе о Богѣ. Потомъ, когда наступило время, отмѣняетъ и жертвы, постепенными лишеніями премудро измѣняя насъ, и навывшихъ уже къ благопокорности приводя къ Евангелію. Такъ и на сей конецъ взошелъ писанный Законъ, собирающій насъ ко Христу; и такова, по моему разсужденію, причина жертвъ!

Но чтобы позналъ ты глубину мудрости и богатство неизслѣдимыхъ судовъ Божіихъ, самая жертвы не оставилъ Богъ вовсе неосвященными, несовершенными и ограничивающимися однимъ пролитіемъ крови; но къ подзаконнымъ жертвамъ присоединяется великая и относительно къ первому Естеству, такъ сказать, незакалаемая Жертва—очищеніе не малой части вселенной, и не на малое время, но цѣлаго міра и вѣчное. Для сего берется овца (Исх. 12, 5.) по незлобію и какъ одѣніе древней наготы; ибо такова Жертва за насъ принесенная, которая есть и именуется одеждою нетлѣнія. Совершенно, не только по Божеству, въ сравненіи съ Которымъ ничего нѣтъ совершеннѣе, но и по воспріятому естеству, которое помазано Божествомъ, стало тѣмъ же съ Помазавшимъ и, осмѣ-

люсь сказать, купно-Богомъ. *Мужескъ полъ*; потому что приносится за Адама, лучше же сказать, потому что крѣпче крѣпкаго, перваго падшаго подъ грѣхъ, особенно же потому что не имѣеть въ Себѣ ничего женскаго, несвойственнаго мужу, а напротивъ того, по великой власти, силою расторгаетъ дѣвственныя и матернія узы, и раждается отъ пророчицы мужескъ полъ, какъ благовѣствуетъ Исаія (Ис. 8, 3.). *Единоольтно*, какъ *солнце правды* (Мал. 4, 2.), или оттолѣ (в) выходящее, или описываемое видимымъ и къ Себѣ возвращающееся, и какъ *благословенный вѣнецъ благодати* (Пс. 64, 12.), повсюду Самъ Себѣ равный и подобный, а сверхъ сего и какъ то, чѣмъ оживотворяется кругъ добродѣтелей, непримѣтно между собою сливающихся и растворяющихся по закону взаимности и порядка. *Непорочно* и нескверно; потому что врачуетъ отъ позора и отъ недостатковъ и сквернъ, произведенныхъ поврежденіемъ; ибо хотя воспринялъ на Себя наши грѣхи и понесъ болѣзни, но Самъ не подвергся ничему, требующему уврачеванія. *Искушенъ* былъ по *всяческимъ* по подобію нашему, но *развѣ грѣха* (Евр. 4, 15.); потому что гонитель *Свѣта*, Который *во тмѣ свѣтитсѣ*, *Его не объятъ* (Іоан. 1, 5.). Что еще? Упоминается *первый мѣсяць*, или лучше сказать, *начало мѣсяцей* (Исх. 12, 2.), или потому что онъ былъ такимъ у Евреевъ издавна, или потому что сдѣлался такимъ въ-послѣдствіи, съ сего именно времени, и отъ таинства принялъ наименование перваго. *Въ деслтый мѣсяца* (3) —

(в) Съ небесъ.

это самое полное изъ числъ, первая изъ единицъ совершенная единица, и родительница совершенства. Соблюдается до пятого дня (6); можетъ-быть потому что жертва моя есть очистительная для чувствъ, отъ которыхъ мое паденіе и въ которыхъ брань, такъ какъ они приѣмлютъ въ себя жало грѣха. Избирается же не *отъ агнецъ* только, но и изъ худшей природы, изъ стоящихъ по лѣвую руку, *отъ козлищъ* (5); потому что закалается не за праведныхъ только, но и за грѣшныхъ, и за послѣднихъ, можетъ-быть, тѣмъ паче, что имѣемъ нужду въ большемъ челоуколюбіи. Ни мало же не удивительно, что особенно требуется овца по каждому дому, а если нѣтъ, то по бѣдности чрезъ складчину *по домоу отечества*. Ибо всего лучше, чтобы каждый самъ собою достаточенъ былъ къ приобрѣтенію совершенства, и зовущему Богу приносилъ жертву живую, святую, всегда и во всемъ освящаемую. Если же нѣтъ; то долженъ употребить къ сему содѣйственниками сродныхъ ему по добродѣтели и по добонравныхъ. Сіе, какъ думаю, значить, въ случаѣ нужды, приобщать къ жертвѣ сосѣдей. Потомъ священная ночь, противоборница этой ночи — настоящей слитной жизни, ночь, въ которую истребляется первородная тма, все приходитъ во свѣтъ, въ порядокъ и въ свой видъ, прежнее безобразіе приѣмлетъ благообразность. Потомъ бѣжимъ отъ Египта, мрачнаго гонителя — грѣха, бѣжимъ отъ Фараона, невидимаго мучителя и отъ немилосердныхъ приставниковъ, преселяясь въ горній міръ; освобождаемся отъ *бренія* и *плинодъланія*, отъ состава сей тлѣнвой и поплзновенной плоти, всего чаще имъ чѣмъ

не управляемой кромѣ бранныхъ помысловъ. Потомъ закалается агнецъ, и честною кровію печатлѣются дѣла и умъ, или сила и дѣятельность — сіи *подвои* (7) нашихъ дверей, разумію движенія мысли и мнѣнія, прекрасно отверзаемая и заключаемая умозрѣніемъ; потому что и для понятій есть нѣкоторая мѣра. Потомъ послѣдняя и тягчайшая казнь гонителямъ, подлинно достойная ночи: Египетъ плачетъ надъ первенцами собственныхъ помысловъ и дѣлъ (что называется въ Писаніи племенемъ халдейскимъ отъятымъ (Ис. 48, 14.) и вавилонскими младенцами, разбиваемыми и сокрушаемыми о камень, Пс. 136, 9.). Вездѣ у Египтянъ рыданіе и вопль; а отъ насъ отступить тогда ихъ губитель, чти помазаніе и страшась его. Потомъ отъятіе кваса въ продолженіе седми дней (число самое таинственное и состоящее въ близкомъ отношеніи къ сему міру), отъятіе давняго и застарѣвшаго поврежденія (а не хлѣбной и жизненной закваски), чтобы не имѣть при себѣ въ пути египетскаго теста и остатковъ фарисейскаго и безбожнаго ученія. Египтяне будутъ плакать; а нами да снѣтся агнецъ *къ вечеру* (6); потому что при концѣ вѣковъ страданіе Христово. И Христось, разрушая грѣховную тму, вечеромъ пріобщаетъ учениковъ таинству. Не *вареный*, но *печеный* (8. 9.), чтобы у насъ въ словѣ не было ничего необдуманнаго и водянистаго и удобно-распускающагося, но чтобы оно было твердо и плотно, искушено огнемъ очистительнымъ, свободно отъ всего грубаго и излишняго, чтобы добрыми углями, воспламеняющими и очищающими нашу мысленную способность, по-

могъ намъ Пришедшій огня воврещи на землю (Лук. 12, 49.), которымъ потребляются худые навыки, и Поспѣшающей возжечь его. А что въ словѣ плотянаго и питательнаго, пусть будетъ снѣдено и потреблено съ внутренностями и сокровенностями ума, и подвергнуто духовному переваренію — все до головы и до ногъ, то-есть до первыхъ умозрѣній о Божествѣ и до послѣднихъ разсужденій о воплощеніи. Но ничего не вынесемъ, ничего не оставимъ до утрія (10); потому что многія изъ нашихъ таинствъ не должны быть разглашаемы постороннимъ, потому что по прошествіи сей ночи нѣтъ очищенія, потому что не похвально до другаго времени откладывать тѣмъ, которые приняли слово. Какъ хорошо и богоугодно, чтобы гнѣвъ не продолжался чрезъ цѣлый день, но прекращался до захожденія солнца (разумѣть ли сіе о дѣйствительномъ времени, или таинственно; ибо не безопасно для насъ гнѣвающихся видѣть зашедшимъ Солнце правды); такъ сего брашна не должно оставлять на всю ночь и отлагать къ слѣдующему дню. А кости и неснѣдное, то-есть для насъ неудоборазумѣваемое, да не сокрушатся (10), чрезъ худое раздѣленіе и разумѣніе (повременю говорить о томъ, что кости Іисуса не сокрушены и въ историческомъ смыслѣ, хотя распинатели и желали ускорить смерть по причинѣ субботы), и да не будутъ извержены и расхищены, чтобы святая не дати псамъ — злымъ терзателямъ слова, и не повергнуть свиніямъ того, что въ словѣ свѣтло какъ бисеръ, но да сожжеться сіе огнемъ, которымъ попаляются и все-сожженія, все испытующимъ и вѣдущимъ Духомъ

истончаваемыя и соблюдаемыя, а не гибнущія и не разсѣваемыя по водамъ, какъ поступилъ Моисей съ слитою Израильтянами главою тельца, въ укоризну ихъ жестокосердія.

Не должно оставить безъ вниманія и образъ вкушенія, потому что Законъ не умолчалъ и сего, но и объ этомъ сокрылъ умозрѣніе въ буквѣ. Потребимъ жертву *со тщаніемъ, снѣдая опрѣсноки съ горькимъ зеліемъ* (8), препоясавъ чресла, и надѣвъ *сапоги*, и подобно старцамъ опершись на *жезлы* (11). *Со тщаніемъ*, чтобы не сдѣлать того, что заповѣдь запрящаетъ Лоту, не будемъ *озираться, ниже стоимъ во всемъ предѣлѣ, въ горѣ спасемъ*, да не купно *яты* будемъ содомскимъ и необычнымъ огнемъ (Быт. 19, 17), и да не отвердѣемъ въ соляной столпъ отъ возвращенія къ худшему, что производится медленіемъ. *Съ горькимъ зеліемъ*; потому что жизнь по Богу горька и трудна, особливо для начинающихъ, и она презираетъ удовольствія. *Ибо хотя новое иго благо, и бремя легко, какъ слышишь* (Матѣ. 11, 30.), но оно таково по причинѣ надежды и воздаянія, которое несравненно щедрѣе, нежели чего заслуживало бы здѣшнее злостраданіе. А безъ сего кто не сознается, что Евангеліе гораздо труднѣе и тягостнѣе законныхъ постановленій? Законъ возбраняетъ совершеніе грѣховъ, а намъ обращаются въ вину и причины, почти какъ дѣйствія. Законъ говоритъ: *не прелюбы сотвориши* (Матѣ. 5, 27). А ты не имѣй и вождельнія, не возжигай страсти любопытнымъ и внимательнымъ воззрѣніемъ. Въ Законѣ сказано: *не убіеши* (21). А ты не только не мсти за ударъ, но

даже отдай себя въ волю бiющему. Столько послѣднее любомудреннѣе перваго! Законъ говорить: не во лжу кленешися (33). А ты вовсе не кленись, ни мало, ни много; потому что клятва раждает клятвопреступленіе. Законъ говорить: не совокупляй домъ къ дому, и село къ селу (Ис. 5, 8.), убога насильствуя (Иезек. 22, 29.). А ты отдай съ готовностію и пріобрѣтенное правдою, обнажи себя для нищихъ, чтобы съ легкостію взять тебѣ крестъ и обогатиться невидимымъ. Чресла несвязанныя и неопоясанныя пусть будутъ у безсловесныхъ; потому что они не имѣютъ разума, господствующаго надъ сластолюбіемъ (не говорю пока, что и они знаютъ предѣлъ естественнаго движенія). А ты поясомъ и цѣломудріемъ укроти въ себѣ похотливость и это *ржаніе*, какъ говоритъ Божественное Писаніе (Иерем. 5, 8.), порицая гнусность страсти, чтобы тебѣ чистому вкусить Пасху, *умертвивъ уды лже на земли* (Кол. 3, 5.), и подражая поясу Іоанна, пустытника, Предтечи и великаго проповѣдника истины. Знаю и другой поясъ, именно воинскій и означающій мужество, по которому нѣкоторые называются *добропоясниками* (*) (Ис. Нав. 4, 13.) и *единопоясниками Сирскими* (4 Цар. 24, 2.). О немъ и Богъ говоритъ, бесѣдуя съ Іовомъ: *ни, но препояши яко мужъ чресла твоя* (Іов. 40, 2.), и дай мужественный отвѣтъ. И божественный Да-

(*) По славянскому переводу: *вооруженными на рать*. Собственнѣе же *добропоясникъ* значить: тяжело вооруженный, а *единопоясникъ* — легко вооруженный.

видъ хвалится, что Богъ препоясуетъ его силою (Пс. 17, 33.), и самого Бога представляетъ онъ облекшимся въ силу и препоясавшимся (Псал. 92, 1.), очевидно противъ нечестивыхъ, если кому не угодно разумѣть подъ симъ преизобиліе и вмѣстѣ какъ-бы ограниченіе силы, въ какомъ смыслѣ Богъ и свѣтомъ одѣвается яко ризою (Пс. 103, 2.). Ибо кто устоитъ предъ неограниченнымъ Его могуществомъ и свѣтомъ? Спрашиваю: что общаго между чреслами и истиною? Что разумѣтъ святой Павелъ, говоря: *станите убо препоясани чресла ваша истиною* (Ефес. 6, 14.)? Не то ли, что созерцательность обуздываетъ въ насъ вождельвательную силу, и не позволяетъ ей стремиться инуда? Ибо любовь къ чему бы то ни было одному не позволяетъ съ такою же силою стремиться къ другимъ удовольствіямъ.

Кто намѣревается вступить въ землю святую и носящую на себѣ слѣды Божіи: тотъ да *иззуетъ сапоги*, какъ и Моисей на горѣ (Исх. 3, 5.), чтобы не внести чего-либо мертваго и составляющаго среду между Богомъ и человѣками. Также, если какой ученикъ посылается на благовѣствованіе, ему, какъ любомудренному и чуждому всякаго излишества, должно не только не имѣть при себѣ мѣди, жезла и болѣе одной ризы, но и быть не обуевнымъ, чтобы видимы были *красны ноги благовѣствующихъ миръ* (Ис. 52, 7.) и всѣ прочія блага. Но кто бѣжитъ отъ Египта и отъ всего египетскаго, тотъ долженъ быть въ сапогахъ, для безопасности какъ отъ чего другаго, такъ отъ скорпіоновъ и змievъ, которыхъ Египетъ производитъ во множе-

ствѣ, чтобъ не потерпѣть вреда отъ блюдущихъ пяту, на которыхъ повелѣно намъ наступать (Лук. 10, 19.).

О жезлѣ же и сокровенномъ знаменованіи онаго думаю такъ. Мнѣ извѣстенъ жезлъ употребляемый для опоры, а также жезлъ пастырскій и учительскій, которымъ обращаютъ на путь словесныхъ овецъ. Но теперь повелѣваетъ законъ взять тебѣ жезлъ для опоры, чтобы ты не преткнулся мыслию, когда слышишь о крови, страданіи и смерти Бога, и думая стать защитникомъ Божіимъ, не впалъ въ безбожіе. Напротивъ того смѣло и не сомнѣваясь ѣшь Тѣло и пей Кровь, если желаешь жизни. Безъ невѣрія внимай ученію о Плоти и не соблазняйся, слушай ученіе о страданіи, стой опершись, твердо, неизменно, ни мало не колеблясь предъ противниками, ни мало не увлекаясь ученіями вѣроятности, поставь себя на высоту, поставь ноги во дворяхъ *Иерусалима* (Пс. 121, 2.), утверди на камнѣ, да не подвижутся стопы твои (Пс. 16, 5.), шествующія по Богу. Чтò скажешь? Такъ угодно было Богу, чтобы ты вышелъ изъ *Египта*, отъ печи жезльзны (Втор. 4, 20.), оставилъ тамошнее многобожіе, и веденъ былъ Моисеемъ — законодателемъ и военачальникомъ.

Предложу тебѣ совѣтъ и неприличный мнѣ, лучше же сказать, совершенно приличный, если будешь смотрѣть духовно. Возми у Египтянъ въ заемъ золотые и серебряные сосуды и иди съ ними; запасись на путь чужимъ, лучше же сказать, своимъ собственнымъ. Тебѣ должно получить плату за рабство и плинюодѣланіе; ухитрись какъ-нибудь вы-

требовать ее, возми у нихъ обманомъ. Да! Ты здѣсь бѣдствовалъ, боролся съ брениемъ — съ симъ обременительнымъ и нечистымъ тѣломъ, строишь чужіе и непрочные города, которыхъ *память погибаетъ съ шумомъ* (Псал. 9, 7.). Чтò же? Ужели выйдти тебѣ ни съ чѣмъ, безъ вознагражденія? Ужели оставишь Египтянамъ и сопротивнымъ силамъ, чтò они худо приобрѣли, и еще хуже расточаютъ? Это не ихъ собственность; они насильно себѣ присвоили, похитили у Того, Кто сказалъ: *Мое серебро и Мое злато* (Агг. 2, 9.); И дамъ его, кому хочу. Вчера принадлежало имъ — такъ было понущено; а нынѣ Владыка приноситъ и даетъ тебѣ, который употребишь хорошо и спасительно. Приобрѣтемъ сами себѣ *други отъ мамоны неправды, да егда оскудѣемъ* — во время суда, возмемъ свое назадъ (Лук. 16, 9.). Если ты Рахиль или Лія, душа патриаршеская и великая; украдь идоловъ, какихъ найдешь у отца своего, не для того, чтобы ихъ сберечь, но чтобы уничтожить. Если ты мудрый Израильтянинъ; перенеси ихъ въ землю обѣтованія. Пусть гонитель скорбитъ и о семь, и перехитренный узнаеть, что онъ напрасно мучительствовалъ и поработалъ лучшихъ себя.

Если такъ поступишь, такъ выйдешь изъ Египта: несомнѣнно знаю, что столпъ огненный и облачный будетъ указывать тебѣ путь и днемъ и ночью, пустыня сдѣлается не дикою, море раздѣлится, Фараонъ погрязнетъ, одождится хлѣбъ, камень источить воду, Амаликъ будетъ низложенъ, не оружіемъ только, но и бранноносными руками праведниковъ, изображающими вмѣстѣ и молитву и непобѣдимое

знаменіе Креста, рѣка остановится въ теченіи, солнце станеть, луна замедлитъ въ пути, стѣны падутъ и безъ стѣнобитныхъ орудій, предшествовать будутъ шершни (Второз. 7, 20.), пролагая путь Израилю и отражая иноплеменниковъ; и не продолжая слова скажу: все то, что повѣствуется за симъ и вмѣстѣ съ симъ, дано тебѣ будетъ отъ Бога.

Таковъ праздникъ, который празднуешь ты нынѣ! Таково пиршество, которое предлагается тебѣ въ день рожденія ради тебя Родившагося, и въ день погребенія ради тебя Пострадавшаго! Таково для тебя таинство Пасхи! Сіе преднаписалъ Законъ, сіе совершилъ Христось — разоритель буквы, совершитель духа, Который, Своими страданіями уча страдать, Своимъ прославленіемъ даруетъ возможность съ Нимъ прославиться.

Остается изслѣдовать вопросъ и догматъ, оставляемый безъ вниманія многими, но для меня весьма требующій изслѣдованія. Кому и для чего пролита сія изліянная за насъ кровь — кровь великая и преславная Бога и Архіерея и Жертвы? Мы были во власти лукаваго, проданные подъ грѣхъ и сластолюбіемъ купившіе себѣ поврежденіе. А если цѣна искупленія дается не яному кому, какъ содержащему во власти; спрашиваю: кому и по какой причинѣ принесена такая цѣна? Если лукавому; то какъ сіе оскорбительно! Разбойникъ получаетъ цѣну искупленія, получаетъ не только отъ Бога, но самаго Бога, за свое мучительство беретъ такую безмѣрную плату, что за нее справедливо было пощадить и насъ! А если Отцу; то, во-первыхъ, ка-

кимъ образомъ? Не у Него мы были въ плѣну. А во-вторыхъ, по какой причинѣ кровь Единороднаго пріятна Отцу, Который не принялъ и Исаака, приносимаго отцемъ, но замѣнилъ жертвоприношеніе, вмѣсто словесной жертвы давъ овна? Или изъ сего видно, что пріемлетъ Отецъ, не потому что требовалъ или имѣлъ нужду, но по домостроительству и потому что человѣку нужно было освятиться человѣчествомъ Бога, чтобы Онъ Самъ избавилъ насъ, преодолевъ мучителя силою, и возвелъ насъ къ Себѣ чрезъ Сына посредствующаго и все устрояющаго въ честь Отца, Которому оказывается Онъ во всемъ покорствующимъ? Таковы дѣла Христовы; а большее да почтено будетъ молчаніемъ.

Мѣдный же змій хотя и повѣшенъ противъ угрызающихъ змиевъ, однако же не какъ образъ Пострадавшаго за насъ, но какъ изображающій противное, и взирающихъ на него спасаетъ не чрезъ увѣренность, что онъ живъ, но потому, что низложенный (чего и достоинъ былъ) самъ умерщвленъ и умерщвляетъ съ собою подчинившіяся ему силы. И какое приличное ему отъ насъ надгробіе? *Гдѣ ти смерте жало? гдѣ ти аде побѣда* (1 Кор. 15, 55.)? Ты низложенъ Крестомъ, умерщвленъ Животодавцемъ, бездыханенъ, мертвъ, недвижимъ, бездѣйственъ, и хотя сохраняешь образъ змія, но преданъ позору на высотѣ!

Но причастимся Пасхи, нынѣ пока прообразовательно, хотя и откровеннѣе, нежели въ Ветхомъ Заветѣ. Ибо подзаконная Пасха (осмѣливаюсь сказать, и говорю) была еще болѣе неяснымъ прообразованіемъ прообразованія. А въ-послѣдствіи и скоро

причастіямъ совершеннѣе и чище, когда Слово будетъ пить съ нами сіе *ново въ царствіи Отца* (Матѣ. 26, 29.), открывая и преподавая, что нынѣ явлено Имъ въ нѣкоторой мѣрѣ; ибо познаваемое нынѣ всегда ново. Въ чемъ же состоитъ это питіе и это вкушеніе?— Для насъ въ томъ, чтобы учиться, а для Него, чтобы учить и сообщать ученикамъ Своимъ слово; ибо ученіе есть пища и для питающаго.

Но приступите, и мы приобщимся закона, по Евангелію, а не по писмени, совершенно, а не несовершенно, вѣчно, а не временно. Сдѣлаемъ для себя главою не дольний Іерусалимъ, но горнюю митрополю—городъ, не воинствами нынѣ попираемый, но прославляемый Ангелами. Не будемъ приносить въ жертву *тельцевъ юныхъ* и *агнцевъ роги износлихъ* и *пазнокти* (Пс. 68, 32.), въ которыхъ много мертвеннаго и безчувственнаго. Но *пожремъ* Богу *жертву хвалы* (Пс. 49, 14.) на горнемъ жертвенникѣ съ горними ликами. Пройдемъ первую завѣсу, приступимъ ко второй завѣсѣ, припикнемъ во Святаѣ-Святыхъ. Скажу еще болѣе: принесемъ въ жертву Богу самихъ себя, лучше же, будемъ ежедневно приносить и всякое движеніе. Все примемъ ради Слова, въ страданіяхъ будемъ подражать Страданію, кровію почтимъ Кровь, охотно взойдемъ на крестъ. Вождельныи гвозди, хотя и очень болѣзненны. Ибо страдать со Христомъ и за Христа вождельннѣе, нежели наслаждаться съ другими.

Если ты Симонъ Киринейскій; то возми крестъ

Т. IV.

12

и послѣдуй. Если ты распять со Христомъ, какъ разбойникъ; то, какъ благопризвательный, познай Бога. Если Онъ и со *беззаконными вмѣшлся* (Марк. 15, 28.) за тебя и за твой грѣхъ; то будь ты ради Его исполнителемъ закона. И распинаемый поклонись Распятому за тебя, извлеки пользу даже изъ порочной своей жизни, купи смертію спасеніе, войди со Іисусомъ въ рай, чтобы узнать, откуда ты ниспалъ, созерцай тамошнія красоты, а ропотника оставь съ его хулами умереть внѣ. Если ты Іосифъ Аримаѳейскій, проси тѣла у распинающаго; очищеніе міра пусть будетъ твоимъ очищеніемъ. Если ты Никодимъ—нощный боготчець; положи Его во гробъ съ благовонными мастями. Если ты одна или другая изъ Марій, или Саломія, или Іоанна; плачь рано, старайся первая увидѣть отъятый камень, а можетъ-быть и Ангеловъ, и самого Іисуса; скажи что-нибудь, слушай гласа; и если услышишь: *не прикасайся Мнѣ* (Іоан. 20, 17.), стань вдали, почти Слово, но не оскорбляйся. Онъ знаетъ, кому явиться прежде другихъ. Обнови воскресеніе; Евѣ, которая пала первая, помоги первой привѣтствовать Христа и возвѣстить ученикамъ. Будь Петромъ и Іоанномъ, спѣши ко гробу, теки то *скорѣе*, то *скупѣе* (Іоан. 20, 4.), соревнуя добрымъ соревнованіемъ. Если превзошли тебя скоростію; то преобладай тщаніемъ, не прикинувъ только во гробъ, но взойдя внутрь. Если какъ *Томас* не будешь вмѣстѣ съ собранными учениками, которымъ является Христосъ; не будь невѣренъ послѣ того, какъ увидишь. А если не вѣришь; повѣрь сказывающимъ. Если же и имъ не вѣришь; увѣрься язвами гвоз-

динными. Если снисходитъ во адъ; нисходи съ Нимъ и ты, познай и тамошнія Христовы тайны: какое домостроительство и какая причина двойкаго снисхожденія? всѣхъ ли безъ изытія спасаетъ явившись тамъ, или однихъ вѣрующихъ? Если восходитъ на небо; восходи съ Нимъ и ты, будь въ числѣ сопровождающихъ или срътающихъ Его Ангеловъ, вели *взяться вратамъ* (Пс. 23, 7.), сдѣлаться выше, чтобы пріять Возвысившагося страданіемъ; недоумѣвающимъ по причинѣ тѣла и знаковъ страданій, безъ которыхъ снисшелъ, и съ которыми восходитъ, и потому вопрошающимъ: *кто есть сей Царь славы?* — отвѣтуй: *Господь крѣпокъ и силенъ — силенъ* какъ во всемъ, что всегда творилъ и творить, такъ и въ нынѣшней брани и побѣдѣ за челоуѣчество; и на двукратный вопросъ дай двукратный отвѣтъ. Если будутъ дивиться, говоря, какъ въ лицедѣйственномъ представленіи у Исаи: *кто сей пришедый отъ Едома и отъ земныхъ?* и отъ чего у Безкровнаго и Безтѣлеснаго *червлены ризы*, какъ у винодѣлателя, истоптавшаго полное точило (Ис. 63, 1—3.)? — ты укажи на лѣпоту одежды пострадавшаго тѣла, украшеннаго страданіемъ и просвѣтленнаго Божествомъ, которое всего любезнѣе и прекраснѣе.

Что скажутъ намъ на сіе клеветники, злые цѣнители Божества, порицатели достохвальнаго, обьятыя тмою при самомъ Свѣтѣ, невѣжды при самой Мудрости, тѣ, за которыхъ Христось напрасно умеръ, неблагодарныя твари, созданія лукаваго? Это ставишь ты въ вину Богу — Его благодѣаніе? Потому Онъ малъ, что для тебя смирилъ Себя?

что къ заблудшему пришелъ *Пастырь добрый*, полагающій душу за овцы (Иоан. 10, 11.); пришелъ на тѣ горы и холмы, на которыхъ приносилъ ты жертвы, и обрѣлъ заблудшаго, и обрѣтеннаго воспріалъ на тѣ же рамена, на которыхъ понесъ крестное древо, и воспринятаго опять привелъ къ горней жизни, и приведеннаго сопрічислилъ къ пребывающимъ въ чинѣ своемъ? что *возжегъ свѣтильникъ* — плоть Свою, и *помель храмину* — очищая міръ отъ грѣха, и *сыскала драхму* — царскій образъ, заваленный страстями; по обрѣтеніи же драхмы, созываетъ пребывающія въ любви Его силы, дѣлаетъ участниками радости тѣхъ, которыхъ сдѣлалъ таинниками Своего домостроительства (Лук. 15, 8. 9.)? что лучезарнѣйшій Свѣтъ слѣдуетъ за предтекшимъ свѣтильникомъ, Слово за гласомъ, Женихъ — за невѣстоводителемъ, приготовляющимъ Господу *люди избранны* (Тит. 2, 14.) и предпочающимъ водою для Духа? Сіе ставишь въ вину Богу? За то считаешь Его низкимъ, что *препоисуется лентіемъ*, и умываетъ ноги учениковъ (Иоан. 13, 4. 5.), и указываетъ совершеннѣйшій путь къ возвышенію — смиреніе? что смиряется ради души, преклонившейся до земли, чтобы возвысить съ Собою склоняемое долу грѣхомъ? Какъ не поставишь въ вину того, что Онъ ѣсть съ мытарями и у мытарей, что учениками имѣетъ мытарей, да и Самъ пріобрѣтетъ нѣчто? Чтò же пріобрѣтетъ? — Спасеніе грѣшниковъ. Развѣ и врача обвинить иной за то, что наклоняется къ ранамъ и терпитъ зловопіе, только бы подать здравіе болящимъ? Обвинить и того, кто изъ состраданія наклонился къ

ямъ, чтобы, по закону (Исх. 23, 5. Лук. 14, 5.), спасти упавшій въ нее скотъ?

Правда, что Онъ былъ посланъ, но какъ чело-
вѣкъ (потому что въ Немъ два естества; такъ, Онъ
утомлялся, и алкалъ, и жаждалъ, и былъ въ боре-
ннѣ, и плакалъ—по закону тѣлесной природы); а
если посланъ и какъ Богъ, что изъ сего? Подъ по-
сольствомъ разумнѣй благоволеніе Отца, къ Ко-
торому Онъ относитъ дѣла Свои, чтобы почтить
безлѣтное начало и не показаться противникомъ
Богу. О Немъ говорится, что преданъ (Рим. 11,
25.); но написано также, что Самъ Себя предалъ
(Ефес. 5, 2. 25.). Говорится, что Онъ воскрешенъ
Отцемъ и вознесенъ (Дѣян. 3, 15. 1, 11.); но на-
писано также, что Онъ Самъ Себя воскресилъ и
восшелъ опять на небо (1 Сол. 4, 14. Еф. 4, 10.)—
первое по благоволенію, второе по власти. Но ты
выставляешь на видъ уничтожительное, а проходишь
молчаніемъ возвышающее. Разсуждаешь, что Онъ
страдалъ, а не присовокупляешь, что страдалъ доб-
ровольно. Сколько и нынѣ страдаетъ Слово! Одни
чтутъ Его какъ Бога, и сливаютъ; другіе безче-
стятъ Его какъ плотъ, и отдѣляютъ. На которыхъ
же болѣе прогнѣвается Онъ, или лучше сказать, ко-
торымъ отпустить грѣхъ? Тѣмъ ли, которые сли-
ваютъ, или тѣмъ, которые разсѣкаютъ злочестиво?
Ибо первымъ надлежало раздѣлить, а послѣднимъ
соединить,—первымъ относительно къ числу, а по-
слѣднимъ относительно къ Божеству. Ты соблазня-
ешься плотію? И Іудеи также соблазнялись. Не на-
зовешь ли Его и Самаряниномъ? О томъ, что да-
лѣе, умолчу. Ты невѣруешь въ Его Божество? Но

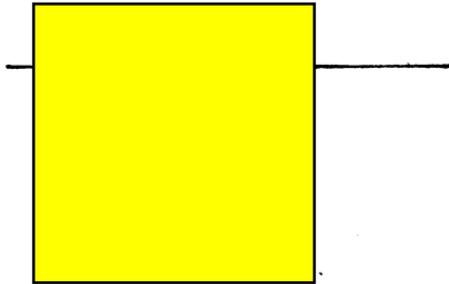
въ Него и бѣсы вѣровали, о ты, который невѣрнѣ бѣсовъ и несознательнѣ Іудеевъ! Одни наименованіе Сына признавали означающимъ равночестіе, а другіе узнавали въ изгоняющемъ Бога; ибо въ семь убождало претерпѣваемое отъ Него. А ты ми равенства не принимаешь, ни Божества не исповѣдуешь въ Немъ. Лучше было бы обрѣзаться и стать бѣсноватымъ (скажу нѣчто смѣшное), нежели въ необрѣзаніи и въ здоровомъ состояніи имѣть лукавыя и безбожныя мысли.

Но брань съ ними или прекратимъ, если пожелають, хотя и поздно, уцѣломудриться, или отложимъ до времени, если не захотятъ сего, но останутся такими же, каковы теперь. Ни мало и ни чего не убоимся, подвизаясь за Троицу и съ Троицею. Теперь же нужно намъ представить кратко содержаніе слова. Мы получили бытіе, чтобы благоденствовать; и благоденствовали послѣ того, какъ получили бытіе. Намъ ввѣренъ былъ рай, чтобы насладиться; намъ дана была заповѣдь, чтобы, сохранивъ ее, заслужить славу, — дана не потому что Богъ не зналъ будущаго, но потому что Онъ постановилъ законъ свободы. Мы обольщены, потому что возбудили зависть; пали, потому что преступили законъ; постились, потому что не соблюли поста, будучи препобѣждены древомъ познанія; ибо древняя и современная намъ была сія заповѣдь, служившая какъ-бы пѣстуномъ для души и обузданіемъ въ наслажденіи; и мы ей справедливо подчинены, чтобы соблюденіемъ ея возвратить себѣ то, что потеряли несоблюденіемъ. Мы возымѣли нужду въ Богѣ воплотившемся и умерщвленномъ,

чтобы намъ ожить. Съ Нимъ умерли мы, чтобы очиститься; съ Нимъ воскресли, потому что съ Нимъ умерли; съ Нимъ прославились, потому что съ Нимъ воскресли. Много было въ то время чудесъ: Богъ распинаемый, солнце омрачающееся, и снова возгорающееся (ибо надлежало, чтобы и твари сострадали Творцу), завѣса раздравшаяся, кровь и вода излившіяся изъ ребра (одна, потому что Онъ былъ человѣкъ, другая, потому что Онъ былъ выше человѣка), земля колеблющаяся, камни расторгающіеся ради Камня, мертвецы возставшіе въ увѣреніе, что будетъ послѣднее и общее воскресеніе, чудеса при погребеніи, которыя воспоешь ли кто достойно? Но ни одно изъ нихъ не уподобляется чуду моего спасенія. Немногія капли крови возсозидаютъ цѣлый міръ, и для всѣхъ людей дѣлаются тѣмъ же, чѣмъ бываетъ закваска для молока, собирая и связуя насъ во-едино.

Но великая и священная Пасха, и очищеніе всего міра!—буду бесѣдовать съ тобою, какъ съ чѣмъ-то одушевленнымъ. Слово Божіе, и свѣтъ, и жизнь, и мудрость, и сила!—всѣ твои наименованія меня радуютъ. Порожденіе, исхожденіе, и отпечатлѣніе великаго Ума! Умопредставляемое Слово, и Человѣкъ умосозерцаемый, Который *носишь всяческая глаголомъ силы Своя* (Евр. 1, 3.)! Прими теперь слово сіе, не начатокъ, но, можетъ-быть, послѣднее мое плодоприношеніе; слово вмѣстѣ благодарственное и молитвенное, чтобы мнѣ не терпѣть другихъ скорбей кромѣ необходимыхъ и священныхъ, въ которыхъ протекла жизнь моя. Останови или мучительную власть надо мною тѣла (ибо видишь,

Господи, какъ она велика и обременительна), или приговоръ Твой, если отъ Тебя низлагаемъ. Если же разрѣшусь, какимъ желаю, и буду принять въ небесныя крѣпы; то, можетъ-быть, и тамъ возложу угодное на святыи жертвенникъ Твой, Отче, и Слово, и Душе Святыи. Ибо Тебѣ подобаетъ всякая слава, честь и держава во вѣки, аминь.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

СЛОВА И ПОСЛАНИЯ СВ. ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА:

	Стр.
СЛОВО 41, на Святую Пятидесятницу.	5
СЛОВО 42, прощальное, произнесенное во время при- бытія въ Константинополь ста пятидесяти Епископовъ.	24
СЛОВО 43, надгробное Василю, Архіепископу Кесаріи Каппадокійскія.	52
СЛОВО 44, въ недѣлю новую, на весну и память муче- ника Маманта.	141
СЛОВО 45, на Святую Пасху.	152
ПОСЛАНИЕ 1, къ монаху Евагрію, о Божествѣ.	187
ПОСЛАНИЕ 2, къ Нектарію, Епископу Константинополь- скому.	191
ПОСЛАНИЕ 3, къ пресвитеру Кледонію, противъ Аполли- нарія—первое.	195
ПОСЛАНИЕ 4, къ Кледонію, противъ Аполлинарія—вто- рое.	208

СТИХОТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА.

ПѢСНОПѢНІЯ ТАИСТВЕННЫЯ :

Слово 1, о началахъ.	215
Слово 2, о Сынѣ.	217
Слово 3, о Святомъ Духѣ.	221
Слово 4, о міръ.	226

	Стр.
Слово 5, о Промыслѣ	231
Слово 6, объ умныхъ сущностяхъ	235
Слово 7, о душѣ	240
Слово 8, о завѣтахъ и пришествіи Христовомъ	246
Слово 9, о человѣческой добродѣтели	250
Слово 10, о человѣческой природѣ	258
Слово 11, о малоцѣности вѣшняго челоуѣка и о суетъ настоящаго	264
Слово 12, блаженства и опредѣленія духовной жизни	273
СТИХИ о самомъ себѣ, въ которыхъ Св. Богословъ скрыт нымъ образомъ поощряетъ и насъ къ жизни во Христа	278
ПЛАЧЪ о страданіяхъ души своей	303
ЖАЛОБЫ на свои страданія	316
О СУЕТНОСТИ и невѣрности жизни, и объ общемъ всѣмъ концѣ	321
ПЛАЧЪ о собственныхъ своихъ бѣдствіяхъ , и молитва ко Христу о прекращеніи жизни	323
КЪ СЕБѢ САМОМУ, въ вопросахъ и отвѣтахъ	326
МОЛИТВА ко Христу	328
СОНЪ о храмѣ Анастасіи , который Св. Григоріемъ устроенъ былъ въ Константинополѣ	329
УВѢЩАТЕЛЬНОЕ посланіе къ Гелленію, о монахахъ	334
НА БЕЗМОЛВІЕ во время поста	348
ПѢСНЬ Христу послѣ безмолвія, въ Пасху	357
МЫСЛИ, писанныя двустичіями	360
ДВУСТИЦІЯ	364

ПОПРАВКИ.

Стран.	строн.	и	сно читать;	
28	28		оліа	
40	24		слѣ	
100	4		интектонъ	
132	12		началие	
—	17		кемъ	
135	30		итить	
155	4		ускользающей	ускользаюцій
173	11		Бижимъ	Божимъ
191	20		своихъ	своимъ
241	28		Иксіена	Иксіона
273	13	подасть	подаеть.	
278	3	во Христа	во Христь.	
291	17	Фараона	Фараона,	
310	8	просвѣтила	просвѣттила	
341	6	Евиндра	Евандра	
357	16	Ты, связавъ	Ты связалъ	

